

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

2016

Том 8

№ 1

Калининград
Издательство
Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта
2016

БАЛТИЙСКИЙ
РЕГИОН
2016
Том 8
№ 1

Редакционный совет

Калининград:
Изд-во БФУ
им. И. Канта 2016.
161 с.

Журнал основан
в 2009 году

Периодичность:
4 номера в год
на русском
и английском языках

Учредители:
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Редакция

Адрес: 236000, Россия,
Калининград,
ул. Зоологическая, 2

Выпускающий редактор:
Кузнецова
Татьяна Юрьевна
tikuznetsova@kantiana.ru
Тел.: +7 4012 59-55-43
Факс: +7 4012 46-63-13
www.journals.kantiana.ru

Точка зрения авторов
может не совпадать
с позицией
учредителей

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, проф., ректор БФУ им. И. Канта — сопредседатель (Россия); *К. К. Худoley*, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой европейских исследований факультета международных отношений СПбГУ — сопредседатель (Россия); *В. Г. Барановский*, д-р ист. наук, акад. РАН, проф., член дирекции ИМЭМО РАН (Россия); *Й. фон Браун*, директор Центра изучения развития, проф. Боннского университета (Германия); *К. Люхто*, проф., директор Пан-Европейского института высшей школы экономики, г. Турку (Финляндия); *В. А. Мау*, д-р экон. наук, проф., ректор РАНХиГС (Россия); *А. Ю. Мельвиль*, д-р филос. наук, проф., декан факультета социальных наук НИУ — ВШЭ (Россия); *Р. М. Нуреев*, д-р экон. наук, проф., проф. департамента прикладной экономики НИУ — ВШЭ (Россия); *А. О. Чубарьян*, проф., акад. РАН, директор Института всеобщей истории РАН (Россия).

Редакционная коллегия

Г. М. Федоров, д-р геогр. наук, проф., директор Института природопользования, территориального развития и градостроительства БФУ им. И. Канта — сопредседатель (Россия); *Н. В. Каледин*, канд. геогр. наук, доц., зав. каф. региональной политики и политической географии СПбГУ — сопредседатель (Россия); *В. В. Воронов*, д-р социол. наук, ведущий исследователь Института социальных исследований, Даугавпилсский университет (Латвия); *Т. Р. Гареев*, канд. экон. наук, доц., проректор по развитию и стратегическому планированию БФУ им. И. Канта (Россия); *Ю. М. Зверев*, канд. геогр. наук, зав. кафедрой географии, природопользования и пространственного развития БФУ им. И. Канта (Россия); *М. В. Ильин*, д-р полит. наук, проф. кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД РФ (Россия); *В. А. Колосов*, д-р геогр. наук, проф., зав. лабораторией геополитических исследований Института географии РАН (Россия); *Ю. В. Косов*, д-р филос. наук, проф., зам. директора, зав. кафедрой международных отношений Северо-западного института управления РАНХиГС (Россия); *Г. В. Кретицин*, д-р ист. наук, проф., проф. кафедры истории БФУ им. И. Канта (Россия); *Н. М. Межевич*, д-р экон. наук, проф. кафедры европейских исследований факультета международных отношений СПбГУ (Россия); *Т. Пальмовский*, д-р географии, проф., зав. кафедрой географии регионального развития Гданьского университета (Польша); *Э. Спиряевас*, д-р географии, проф., директор Центра трансграничных исследований, Клайпедский университет (Литва); *А. Е. Шаститко*, д-р экон. наук, зав. кафедрой конкурентной и промышленной политики, МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия)

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

BALTIJSKIJ REGION

2016

Volume 8

№ 1

Immanuel Kant Baltic Federal University Press
2016

BALTIJSKIJ
REGION
2016
Volume 8
№ 1

Kaliningrad:
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2016.
161 p.

The journal
was established in 2009

Frequency:
4 issues
in the Russian and English
languages per year

Founders
Immanuel Kant Baltic
Federal University

Saint Petersburg
State University

Editorial Office
Address:
2, Zoologicheskaya str.,
Kaliningrad, Russia 236000

Executive secretary:
Tatyana Kuznetsova,
tikuznetsova@kantiana.ru
Tel.: +7 4012 59-55-43
Fax: +7 4012 46-63-13
www.journals.kantiana.ru

The opinions expressed
in the articles are private
opinions of the authors
and do not necessarily
reflect the views
of the founders
of the journal

© I. Kant Baltic Federal
University, 2016

Editorial council

Prof. *Andrei Klemeshev*, rector of the Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (co-chair); Prof. *Konstantin Khudolei*, head of the Department of European Studies, Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia (co-chair); Prof. *Vladimir Baranovsky*, member of the Directorate of the Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences, Russia; Prof. Dr *Joachim von Braun*, director of the Center for Development Research (ZEF), Professor, University of Bonn, Germany; Prof. *Aleksander Chubaryan*, director of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Russia; Dr *Kari Liuhto*, director of the Pan-European Institute, Turku, Finland; Prof. *Vladimir Mau*, rector of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia; Prof. *Andrei Melville*, dean of the Faculty of Social Sciences, National Research University — Higher School of Economics, Russia; Prof. *Rustem Nureev*, prof. of the Department of Applied Economics, National Research University — Higher School of Economics, Russia.

Editorial board

Prof. *Gennady Fedorov*, director of the Institute of Environmental Management, Territorial Development and Urban Construction, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (co-chair); Dr *Nikolai Kaledin*, head of the Department of Regional Policy & Political Geography, Saint Petersburg State University, Russia (co-chair); Dr *Timur Gareev*, vice-rector for Development and Strategic Planning, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof. *Mikhail Ilyin*, prof. of the Department of Comparative Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Prof. *Vladimir Kolosov*, head of the Laboratory for Geopolitical Studies, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences; Prof. *Yuri Kosov*, head of the Department of International Relations, North-West Institute of Management Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia; Prof. *Gennady Kretinin*, Department of History, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof. *Nikolai Mezhevich*, Department of European Studies, Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. *Tadeusz Palmowski*, head of the Department of Regional Development, University of Gdansk, Poland; Prof. *Andrei Shastitko*, head of the Department of Competitive and Industrial Policy, Moscow State University, Russia; Prof. *Eduardas Spiriajevas*, head of the Centre of Transborder Studies, Klaipeda University (Lithuania); Dr *Viktor Voronov*, Leading Research Fellow, Institute of Social Studies, Daugavpils University, Latvia; Dr *Yuri Zverev*, head of the Department of Geography, Environmental Management and Spatial Development, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

Международные отношения

- Худолей К. К.* Регион Балтийского моря в условиях обострения международной обстановки..... 7
- Межевич Н. М.* Восточная Европа. К столетнему юбилею политического проекта..... 26
- Коньшиев В. Н., Сергунин А. А., Субботин С. В.* Политика США по созданию систем противоракетной обороны в балтийском и североευропейском регионах..... 48
- Мегем М. Е., Максимов И. П., Грицаенко П. С.* Ключевые акторы «мягкой силы» Германии в странах Балтии..... 65
- Саликов А. Н., Тарасов И. Н., Уразбаев Е. Е.* Балтийский вектор внешней политики ФРГ на современном этапе развития международных отношений..... 86

Международное сотрудничество

- Гуменюк И. С., Кузнецова Т. Ю., Осмоловская Л. Г.* Местное приграничное передвижение как эффективный инструмент развития приграничного сотрудничества..... 97

Общество

- Негров Е. О.* Социальные конфликты в оценках петербуржцев: опыт эмпирического исследования..... 118

Калининградская область

- Левченков А. В.* Изменения культурного ландшафта территории периферийных зон Калининградской области в XIX—XX веках..... 132

CONTENTS

International relations

- Khudoley K.* The Baltic Sea region and increasing international tension 7
- Mezhevich N.* Eastern Europe. On the centenary of the political project 26
- Konyshev V., Sergunin A., Subbotin S.* The US ballistic missile defence policy in the Baltic and Nordic regions..... 48
- Megem M., Maksimov I., Gritsaenko P.* Key actors of German ‘soft power’ in the Baltics 65
- Salikov A., Tarasov I., Urazbaev E.* The Baltic policy of Germany and current international relations..... 86

International cooperation

- Gumenyuk I., Kuznetsova T., Osmolovskaya L.* Local border traffic as an efficient tool for developing cross-border cooperation..... 97

Society

- Negrov E.* Social conflicts as seen by residents of Saint Petersburg: An empirical study 118

Kaliningrad region

- Levchenkov A.* Changes in the cultural landscape of the Kaliningrad region’s periphery in the 19th/20th centuries 132

УДК 327

РЕГИОН БАЛТИЙСКОГО МОРЯ В УСЛОВИЯХ ОБОСТРЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ

К. К. Худолей*

В течение многих лет регион Балтийского моря отличался высокой степенью стабильности. Кардинальные изменения в мире после окончания холодной войны не привели здесь к серьезным осложнениям. Однако сотрудничество России с другими государствами региона Балтийского моря постепенно теряло динамику. В статье рассматриваются негативные последствия украинского и сирийского кризисов и рост напряженности между Россией и другими странами Балтийского региона. В краткосрочной перспективе эти тенденции вряд ли будут преодолены. Подчеркивается, что из двух возможных вариантов — заморозить отношения до решения военно-политических проблем или, наоборот, пытаться использовать любые имеющиеся возможности в сферах экономики, культуры, науки, образования и т. д. — второй более предпочтителен. Уменьшение регионального сотрудничества ослабит позиции России. Полученный же позитивный потенциал может сыграть определенную роль в преодолении конфронтации России и Запада в будущем.

Ключевые слова: регион Балтийского моря, Россия, Европейский союз, НАТО, региональное сотрудничество

В течение нескольких десятилетий регион Балтийского моря являлся одним из наиболее спокойных и стабильных в бурно меняющемся мире. В годы холодной войны там существовал определенный баланс сил. С одной стороны СССР, Польша и Восточная Германия входили в состав Организации Варшавского договора и Совета экономической взаимопомощи, а с другой —

* Санкт-Петербургский государственный университет 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Поступила в редакцию 21.01.2016 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2016-1-1

© Худолей К. К., 2016

ФРГ, Дания, Норвегия и Исландия были членами НАТО, а ФРГ и Дания также и членами Европейского экономического сообщества. При этом Дания и Норвегия оговорили, что в мирное время на их территории не будут размещены иностранные войска и военные базы. Официально Швеция и Финляндия были нейтральными, но на практике Стокгольм поддерживал тесные связи с США и НАТО. Финляндия после подписания договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с СССР (1948 г.) во многом оказалась в орбите советской внешней политики. Международный авторитет Финляндии заметно вырос благодаря успешному проведению в Хельсинки Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975 г.), ставшему символом разрядки напряженности. Важно отметить, что даже в самые острые периоды холодной войны ситуация в регионе Балтийского моря оставалась стабильной: концентрация войск и вооружений была значительно ниже, чем в Центральной Европе, здесь не возникло ни одного сколько-нибудь серьезного международного кризиса.

В 90-е годы XX в. — начале XXI в. в регионе Балтийского моря произошли качественные изменения. Распались Варшавский договор, СЭВ, а затем и Советский Союз. Независимыми вновь стали Эстония, Латвия и Литва. Произошло объединение Германии, чье влияние в европейских делах существенно выросло. В состав НАТО вошли Польша (1999 г.), Эстония, Латвия и Литва (2004 г.). Европейский союз пополнился шестью новыми членами из числа государства этого региона (Швеция и Финляндия — 1995 г., а в 2004 г. — Польша, Литва, Латвия и Эстония). Единственной балтийской страной вне ЕС оказалась Россия. Все государства этого региона, включая Россию, стали членами Совета Европы, заявив о приверженности общим ценностям. Они также приложили определенные усилия для активизации деятельности ОБСЕ, свидетельством чего стало проведение в 1992 г. в Хельсинки нового Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе на высшем уровне. Позитивную роль в стабилизации обстановки в регионе сыграло создание Совета государств Балтийского моря (1992 г.), а также развитие отношений России с Европейским союзом (Соглашение о партнерстве и сотрудничестве 1994 г. в Корфу) и НАТО (Основополагающий акт 1997 г., Римские договоренности 2002 г. и т. д.). Военная активность в этом регионе также находилась на низком уровне. Договор об обычных вооруженных силах в Европе (1990 г., адаптирован в 1999 г.) играл в те годы, по нашему мнению, позитивную роль. Таким образом, появление у России общей границы с группой стран, входящих в ЕС и НАТО, не привело к качественному изменению обстановки. Финансово-экономический кризис 2008 г. также значительно меньше сказался на регионе Балтийского моря, чем на Южной Европе и Средиземноморье. Однако в какой-то момент сотрудничество России и других государств региона Балтийского моря стало терять динамику. Страны-члены ЕС начали рассматривать проблемы региона без участия России. Подписанные Россией, ЕС, Норвегией и Исландией Рамочный документ и Политическая декларация о политике «Северного измере-

ния» (2006 г.) были первоначально высоко оценены руководством России [1], но на практике эффект от реализации конкретных программ оказался незначительным. В 2007 г. Россия приостановила участие в Договоре об обычных вооруженных силах в Европе [2]. Сказались и задержка с его ратификацией западными странами, и недовольство «фланговыми ограничениями», которые распространялись на российские вооруженные силы на Северо-Западе, но не на Эстонию, Латвию и Литву, ставшими членами НАТО. Был и ряд других симптомов того, что ситуация развивается не в лучшую сторону.

После избрания вновь В. В. Путина Президентом в 2012 г. во внешней политике России начинается новый этап. Российское руководство берет курс на реальное превращение страны в один из центров многополярного мира, причем такой, который мог бы на равных иметь дело с США. Особая роль в этих планах отводится Евразийскому экономическому союзу, а также группе БРИКС. В правящих кругах России доминирует мнение, что именно эти институты могут выйти на первый план, оттеснив «исторический Запад», чье влияние уменьшается [3]. В этих условиях возникла конфронтация России и Запада, которая, по нашему мнению, является противостоянием институтов, а не цивилизаций. Отражением ее стало появление острых конфликтов на Украине и в Сирии.

Цель данной статьи — попытка проанализировать состояние международных отношений в регионе Балтийского моря в условиях конфронтации России и Запада, влияние украинских и сирийских событий на данный регион и перспективы возможного развития ситуации в краткосрочной перспективе.

1. Воздействие украинского и сирийского кризисов на ситуацию в регионе Балтийского моря

Украинский кризис, появление которого было результатом осложнения отношений России и Запада, стал в свою очередь сильным катализатором для развития негативных тенденций в международных отношениях в целом и особенно в Европе. Главная его причина — соперничество Европейского и Евразийского экономического союзов, вопрос о том, в какую интеграцию — европейскую или евразийскую — включится Украина.

В возникшую конфронтацию России и Запада оказался вовлеченным и регион Балтийского моря. Воздействие украинского кризиса на него проявилось по нескольким направлениям.

Прежде всего следует подчеркнуть, что Россия и другие государства региона Балтийского моря дали диаметрально противоположную оценку событиям на Украине и поддержали противоборствующие стороны. Российское руководство оценило свержение президента В. Януковича как антиконституционный государственный переворот и придерживается этой позиции до настоящего времени [4]. Российский посол покинул Киев и вернулся только после проведения президентских

выборов для участия в церемонии инаугурации П. Порошенко. Остальные государства региона Балтийского моря признали смену власти на Украине законной и продолжали поддерживать с ней нормальные дипломатические отношения. По итогам референдума 16 марта 2014 г. Россия приняла решение о включении в свой состав Крыма и Севастополя [5]. Остальные государства региона Балтийского моря заявили, что рассматривают это как нарушение международного права, и проголосовали в Генеральной Ассамблее ООН за резолюцию «О территориальной целостности Украины», в которой говорилось о непризнании результатов референдума [6]. События на Донбассе официальные круги России оценили как внутренний конфликт, а остальные государства региона Балтийского моря обвинили Россию в интервенции. Переговоры в «нормандском формате» и Минские соглашения всеми были восприняты позитивно, но страны региона Балтийского моря, входящие в ЕС и НАТО, возложили на Россию главную ответственность за то, что они не претворяются в жизнь. Таким образом, каких-либо точек соприкосновения в оценке украинского кризиса у России и других государств этого региона не просматривается.

Украинский кризис привел к резкому ухудшению политических отношений России и других государств региона Балтийского моря. Наиболее негативную позицию в отношении действий России заняли Литва, Латвия и Эстония. Прежде всего у правящих кругов стран Балтии возникли ассоциации с событиями лета 1940 г. и опасения, что в местностях, где русские составляют большинство, события будут развиваться так же, как в Крыму и на Донбассе. Конечно, у части русскоязычного населения балтийских государств (особенно у не имеющих статуса гражданина) лозунги «русской весны» вызывали определенный отклик. Однако представляется, что для проведения таких параллелей оснований не было. Украинское государство весной 2014 г. переживало глубокий внутренний кризис, часть государственного аппарата оказалась полностью парализована. В Эстонии, Латвии и Литве этого не было. Для многих жителей Крыма и Донбасса Россия была притягательной не только ввиду языка и культурно-исторических аспектов, но и более высокого жизненного уровня. Жизненный уровень русскоязычных в странах Балтии был существенно выше, чем в северо-западных регионах России. К тому же значительная часть молодежи уже сориентировалась на карьеру в ЕС, представлявшуюся ей более привлекательной. Степень ностальгии по советским временам тоже была разной. Донбасс и Крым занимали в Советском Союзе привилегированное положение. Достаточно лишь отметить, что на съездах КПСС и других общественно-политических мероприятиях именно донбасским шахтерам практически всегда предоставлялось место в президиуме или право говорить от имени рабочего класса всей страны. Шахтеры Донбасса постоянно прославлялись официальной пропагандой как передовой отряд советских трудящихся (стахановское движение и т. д.). Крым занимал в СССР менее почетное, но также важное место как «всесоюзная здравница» (там отдыхали генеральные секретари ЦК КПСС Л. Бреж-

нев и М. Горбачёв, многие высшие чиновники и т. д.). Русские, проживавшие в балтийских республиках, никогда таким вниманием не пользовались. Имелся и еще ряд важных отличий, что в сумме делало вероятность повторения украинских событий в Балтии крайне незначительной.

В дальнейшем повышению нервозности способствовали ряд статей и заявлений российских политиков и журналистов, не занимающих официальных правительственных постов. Так, в апреле 2015 г. Р. Ищенко — бывший украинский чиновник и журналист, работающий сейчас в российских СМИ, — выступил с призывом к России нанести первой удар по странам Балтии. «Превентивный удар с целью ликвидации прибалтийского плацдарма, — утверждал Р. Ищенко, — может быть необходимым с военной точки зрения даже не потому, что кто-то будет ждать наступления с этого направления, но для того, чтобы сократить линию фронта (пусть и виртуального), пробить сухопутный коридор к заблокированной калининградской группировке и высвободить войска для задействования на иных, более важных направлениях». По мнению Р. Ищенко, результатом таких действий стало бы то, что «при формальном сохранении status quo по факту в прибалтийских государствах к власти приходят пророссийские силы, внешняя политика прибалтийской тройки начинает формироваться на Смоленской площади», а позиции России на переговорах с Западом резко усиливаются. [7] Другой пример — это речи лидера ЛДПР В. В. Жириновского, в которых говорилось о необходимости вернуть России вслед за Крымом все территории, входившие в состав Российской империи в 1917 г. (независимость Польши и Финляндии он объявлял «незаконными») или хотя бы взять за точку отсчета 1 января 1991 г. [8]

В то же время нельзя не отметить, что к обострению обстановки в регионе Балтийского моря стремились и определенные круги Запада, в том числе и самих стран Балтии. В западной прессе регулярно появлялись прогнозы о предстоящем российском вторжении, которое-де не вызовет серьезной реакции НАТО и ЕС. Некоторые балтийские политики выступали с намеками на возможность блокады Калининграда при определенных обстоятельствах [9] и т. д. По существу, это были попытки спровоцировать Россию на еще один конфликт, который поставил бы ее в еще более сложное положение и привел бы к конфронтации с Западом на качественно более высоком уровне. Следует подчеркнуть, что эти «информационные вбросы» продолжают и в настоящее время — даже после заявления ряда официальных лиц Запада о том, что они не видят военной угрозы для стран Балтии со стороны России.

Довольно резкую позицию в отношении политики России на Украине заняли также Польша и Швеция — инициаторы политики «Восточного измерения», предусматривающей сближение Украины, Молдовы, Беларуси, Грузии, Азербайджана и Армении с Европейским союзом.

После того как Европейский союз отказался от проведения регулярных саммитов с Россией на высшем уровне, а НАТО заморозило деятельность совета Россия — НАТО, произошло резкое сокращение контактов между Россией и другими странами региона Балтийского

моря. Были отменены саммиты Совета государств Балтийского моря, ежегодные российско-германские межправительственные консультации, прекратились визиты высших руководителей (единственным исключением стал президент Финляндии С. Нийнистё).

В международных организациях страны региона Балтийского моря заняли негативную позицию в отношении политики России — они голосовали за резолюции с критикой или даже прямым осуждением России в Генеральной Ассамблее ООН, парламентских ассамблеях Совета Европы, ОБСЕ, НАТО, Европарламенте и т. д. В руководящих органах Европейского союза они также однозначно высказывались за введение санкций и ограничительных мер против России, причем их позиция порой была достаточно жесткой.

Таким образом, политический разлом между Россией и другими государствами региона Балтийского моря, который в самой легкой форме намечался в предшествующие годы, стал реальностью.

Еще более заметные изменения произошли в военной сфере. В соответствии с решениями НАТО и ЕС страны региона Балтийского моря полностью прервали контакты с Россией по военной линии. Некоторые из них (в первую очередь Литва, Латвия, Эстония и Польша) открыто заявили о том, что видят в России угрозу для своей безопасности и просят США и Организацию Североатлантического пакта о помощи. Президент Б. Обама подтвердил обязательства США [10]. Его визит в Эстонию и Польшу в сентябре 2014 г. во многом носил демонстративный характер. Однако страны Балтии, Польша и некоторые другие стали добиваться большего: развертывания в них на постоянной основе военной инфраструктуры и войск НАТО. Руководство НАТО избрало более умеренный вариант: увеличено число войск и вооружений, которые прибывают в страны Балтии и Польшу для различных учений и других мероприятий по военной линии, но не размещаются там постоянно [11]. Российская сторона также в 2014—2015 гг. проводила параллельно ряд мероприятий для укрепления своего военного потенциала, в том числе и на Северо-Западе страны. Как заявил министр обороны С. Шойгу, подводя итоги деятельности вооруженных сил в 2015 г., особое внимание уделялось Калининграду [12].

В пограничных регионах и водах Балтийского моря произошла заметная активизация военно-морских флотов и военно-воздушных сил. Последнее вызвало особую озабоченность, так как ввиду прекращения связи между Россией и НАТО опасность различных инцидентов в воздухе существенно увеличилась. Этот аспект признавался и высокопоставленными американскими военными. «Риск прямого столкновения на границах, особенно в районе Балтики, очень велик, — предупреждал бывший начальник штаба войск противокосмической и противоракетной обороны армии США бригадный генерал в отставке Кевин Райан. — При таком количестве задействованной техники и интенсивности учений инциденты фактически неизбежны» [13, с. 5]. В регионе Балтийского моря этого не произошло, но инцидент осенью 2015 г., когда Тур-

ция сбила российский военный самолет, достаточно ясно показал, сколь опасны подобные ситуации и к каким серьезным последствиям они могут привести.

В целом можно констатировать, что НАТО, хотя и в мягкой форме, начинает проводить политику сдерживания России.

Таким образом, в военной сфере произошел заметный сдвиг в негативную сторону, когда многое из созданного ранее позитивного оказалось утерянным и появились новые тревожные моменты, восстанавливающие в известной степени эпоху холодной войны.

Важным результатом конфронтации стало увеличение ценностных различий между Россией и большинством стран региона Балтийского моря. В 90-е гг. XX в. в России и других странах региона Балтийского моря исходили из того, что все они разделяют общие ценности, зафиксированные в документах Совета Европы, Соглашении о партнерстве и сотрудничестве России и ЕС 1994 г. и других. Теперь в пропагандистских кампаниях стало говориться абсолютно противоположное. С нашей точки зрения, это является преувеличением. Россия, как и другие государства региона Балтийского моря, признает частную собственность, рыночную экономику (и то и другое, кстати, полностью отрицалось в СССР), но в духовной сфере различия, безусловно, есть, и они увеличились.

Однако главной линией конфронтации между Россией и Западом, в том числе и в регионе Балтийского моря, стала экономика. Определенные трудности в российской экономике наблюдались еще в 2013 г. — до возникновения украинского кризиса. Они были в значительной степени связаны с внутренними проблемами социально-экономического развития России. В 2014—2015 гг. они заметно усилились под влиянием внешних факторов: падения цен на нефть, а также введения с весны 2014 г. санкций и ограничительных мер против России со стороны США, Европейского союза и некоторых других государств. Ввиду всех этих причин российская экономика оказалась в состоянии кризиса, который характеризуется рядом бизнесменов и экономистов как структурный [14]. Конкретными проявлениями кризиса стали спад производства, падение более чем в два раза курса рубля, рост безработицы, снижение жизненного уровня значительной части населения.

Санкции и ограничительные меры ЕС против России были поддержаны всеми странами региона Балтийского моря, включая Исландию и Норвегию, не являющихся членами ЕС. Исключением стали лишь датские территории (Фарерские острова и Гренландия), не входящие в состав ЕС. Российское руководство ответило ЕС и его партнерам контрсанкциями, направленными против импорта сельскохозяйственных продуктов [15].

На данном этапе достаточно сложно определить, какое негативное влияние оказали санкции и контрсанкции на состояние торгово-экономических связей России со странами региона Балтийского моря и какое — другие факторы. Однако несомненно, что объем торговли России с другими странами региона Балтийского моря существенно сокра-

тился. Страны Балтии и Польша, на которых в наибольшей степени сказалось российское сельскохозяйственное эмбарго, начали поиски других рынков сбыта для своей продукции. В свою очередь они заметно активизировались в попытках найти другие источники получения энергоресурсов. Для Норвегии существенными оказались потери от прекращения экспорта рыбы и рыбопродуктов в Россию. Падение курса рубля к евро, а также введение запретов на выезд в отпуск за границу для военнослужащих, сотрудников полиции и ряда других категорий сильно ударили по туристическому бизнесу. Особенно заметно уменьшение числа российских туристов в Финляндии. Приграничное сотрудничество России с соседними государствами в основном сохранилось.

Отмечая негативный эффект от спада в сфере экономики и торговли России со странами региона Балтийского моря, в то же время нельзя не отметить, что по своим масштабам он где-то сопоставим с тем, что происходит с другими внешнеэкономическими партнерами России и с этой точки зрения не является чем-то экстраординарным.

В числе положительных явлений следует отметить, что почти не пострадали связи в сферах культуры, образования, науки и других, хотя и тут финансовые проблемы, связанные с падением курса рубля, несомненно, присутствовали. Неприятными исключениями стали решения властей балтийских государств отказать в визах некоторым деятелям российской культуры, активно поддерживавших политику России в отношении Украины (это стало причиной переноса из Юрмалы фестиваля «Новая волна»), и отдельным ученым, как, например, В. Тишкову.

Несмотря на то что Ближний Восток географически отдален от Балтийского моря, сирийский кризис и вмешательство в него России также оказали на регион определенное влияние, хотя, конечно, не столь сильное, как украинские события.

Первой проблемой, с которой пришлось столкнуться государствам-членам ЕС, оказался поток беженцев из Сирии и ряда других стран, которые уже не один год охвачены кровопролитными внутренними конфликтами. Страны Южной Европы не смогли сдержать его, и количество нелегальных мигрантов во всех европейских государствах резко возросло. ЕС смог договориться о проведении единой политики по данному вопросу с большим опозданием ввиду разногласий между его членами. Эти различия проявились и среди государств региона Балтийского моря. Германское правительство выступило за то, чтобы принять значительное число иммигрантов. Однако это вызвало сдержанную реакцию Польши, Литвы, Латвии и Эстонии. Примечательно, что это был первый случай, когда три государства Балтии, высказали особое мнение, отличное от доминировавшего в европейских институтах. Швеция, столкнувшись с наплывом иммигрантов, ввела пограничный контроль с Данией, ряд временных мер применила и Дания на границе с Германией. Озабоченность наплывом мигрантов была связана с несколькими факторами: необходимость дополнительных финансовых расходов, опасность усиления противоречий и возникновения конфликтов на социально-экономической и национально-религиозной почве, а также увеличе-

ние террористической угрозы. После трагических событий 2015 г. в Париже этот сюжет стал рассматриваться очень серьезно и в относительно спокойном регионе Балтийского моря.

Еще большие разногласия вызвал вопрос о возможности сотрудничества России и Запада в борьбе против терроризма. Три государства Балтии заявили, что исключают данный вариант полностью [16]. Скандинавские государства, Финляндия и Польша также настроены скептически в отношении перспектив взаимодействия с Россией, но не делают столь категоричных утверждений. В целом в странах Балтийского региона преобладает мнение, что цель России в Сирии — сохранение у власти президента Б. Асада и укрепление позиций на переговорах по проблемам Украины, а не борьба с терроризмом. Все страны-члены НАТО, включая государства региона Балтийского моря, выразили поддержку Турции в конфликте с Россией [17].

Таким образом, украинский и сирийский кризисы привели к значительному отдалению друг от друга России и государства региона Балтийского моря. По существу, региональное сотрудничество с участием России оказалось в значительной степени замороженным.

2. Перспективы развития международных отношений в регионе Балтийского моря в краткосрочной перспективе и политика России

Развитие международных отношений в регионе Балтийского моря во многом будет зависеть от общей тенденции во взаимоотношениях России и Запада. Представляется, что их улучшение может произойти в лучшем случае в среднесрочной перспективе. Поэтому в ближайшее время возможны только отдельные шаги и меры, которые могут несколько смягчить обстановку, но не кардинально изменить ее.

В краткосрочной перспективе в регионе Балтийского моря будут действовать несколько различных, порой противоречащих друг другу тенденций. Прежде всего, здесь усилится роль США и НАТО. Америка будет уделять данному региону, особенно государствам, граничащим с Россией, значительно больше внимания. Это будет касаться всех сфер — экономической, политической, военной и т. д. На совещании высших руководителей стран-членов НАТО в Варшаве (лето 2016 г.) вопросам присутствия НАТО в Центральной и Восточной Европе и Балтии, несомненно, будет уделено большое место. Следует отметить, что нынешнее руководство Польши в значительно большей степени ориентировано на США и НАТО, чем на Европейский союз. Новый министр обороны Польши А. Мацеревич вновь поставил вопрос о размещении баз НАТО на территории страны на постоянной основе [18]. Польша и Литва будут развивать военное сотрудничество с Украиной как на двусторонней, так и многосторонней основе. В Финляндии и Швеции вопрос о вступлении в НАТО будет постоянно обсуждаться. Организационно-технические вопросы вступления этих стран в НАТО могут быть

урегулированы очень быстро. Однако, если только не произойдет какого-либо резкого обострения обстановки на Украине или появления нового очага напряженности в Европе, решение о вступлении Швеции и Финляндии в НАТО принято не будет. Именно эти идеи проводятся в совместной статье премьер-министров Швеции С. Лёвена и Финляндии Ю. Сипиля. Оба политика подчеркнули, что «Финляндия и Швеция стоят вне военных альянсов», но это не означает линию на изоляционизм. Обе страны будут развивать оборонное сотрудничество друг с другом, а также взаимодействовать с международными организациями, поддерживать тесные связи с НАТО и высокий уровень трансатлантических отношений [19].

Европейский союз в ближайшие годы будет переживать сложные времена. Видимо, в нем начнется процесс достаточно глубоких внутренних изменений, достичь консенсуса по которому всем странам-членам будет очень сложно. Великобритания, скорее всего, останется в ЕС, но референдум по этому вопросу будет предметом серьезной озабоченности политической и деловой элиты Европы. Различия во взглядах на будущее ЕС присутствует и среди государств Балтийского региона, причем Швеция, Дания, а в краткосрочной перспективе и Польша не планируют отказываться от национальных валют в пользу евро. Страны ЕС и, особенно, региона Балтийского моря пойдут на некоторые изменения своей энергетической политики в контексте общей линии ЕС на диверсификацию источников получения энергоресурсов и уменьшения монополизма на европейском энергетическом рынке («третий энергопакет»). Возможности ЕС в этом отношении существенно увеличиваются. Для стран региона Балтийского моря, входящих в ЕС, общее снижение цен на нефть на мировом рынке, безусловно, благоприятный факт. Кроме этого им также выгодно стремление Саудовской Аравии выйти на европейский рынок нефти, где ранее она была практически не представлена. Министр энергетики России А. Новак справедливо заметил по этому поводу, что речь идет о значительном обострении конкурентной борьбы [20]. Весьма вероятно, что Иран, с которого в январе 2016 г. сняты санкции, также начнет экспорт нефти в Европу, что может привести к еще большему падению цен. Ситуация с газом не столь однозначна. Германия в принципе дала согласие на строительство «Северного потока-2». Это может сделать ее не только крупнейшим покупателем российского газа, но и хабом для большинства европейских стран. Эта перспектива не вызывает — по различным причинам — положительной реакции у Италии и некоторых других стран, включая почти все государства региона Балтийского моря. Они считают, что Германия действует вопреки духу антироссийских санкций и не учитывает их интересы. Вопрос о «Северном потоке-2» становится все более политическим, а не только экономическим. Страны Балтии заявляют, что в будущем собираются отказаться от покупки российского газа. При этом они возлагают большие надежды на поставки сжиженного газа. В полной мере добиться поставленной задачи государства Балтии вряд ли смогут: в настоящее время не отработаны

некоторые технические вопросы, связанные с его поставками, и, кроме того, цена на него достаточно высока. Однако возможности для тех государств региона Балтийского моря, которые покупают российский газ, требовать более выгодных для себя условий увеличиваются. Как и в случае с нефтью, здесь несомненно обострение конкурентной борьбы. В среднесрочной перспективе страны региона Балтийского моря постараются создать систему трубопроводов и путей сообщения между собой без участия России, хотя возможности получения для этого крупного финансирования из фондов ЕС ограничены.

Очень многое будет зависеть от того, удастся ли президенту Б. Обаме добиться подписания основополагающих документов о создании Трансатлантического партнерства свободной торговли и инвестиций. Данных о ведущихся по этому сюжету переговорах мало. Однако очевидно, что появление Трансатлантического партнерства может привести к еще большему экономическому разрыву между странами ЕС, расположенными в регионе Балтийского моря, и Северо-Западом России.

В ближайшие годы в регионе Балтийского моря можно ожидать увеличения активности Китая. Несмотря на серьезные проблемы в экономике, Китай вряд ли откажется от проекта создания нового Великого шелкового пути. Один из возможных вариантов его прохождения лежит через Польшу и Литву. При этом китайцы ищут возможности для взаимодействия и с другими государствами региона Балтийского моря. Особое внимание Китай уделяет созданию современной инфраструктуры и логистике. В последнее время Пекин проявляет все большую заинтересованность в развитии многостороннего сотрудничества с бывшими социалистическими странами Центральной и Восточной Европы в формате 16 + 1. В ноябре 2015 г. в Сучжоу состоялся IV саммит Китай — Восточная Европа, по итогам которого были обнародованы Среднесрочный план сотрудничества между КНР и странами Центральной и Восточной Европы, а также Сучжоуские положения о сотрудничестве между КНР и странами Центральной и Восточной Европы. Все участники саммита поддержали китайские предложения и заявили, что страны Центральной и Восточной Европы намерены на основе позитивного двустороннего сотрудничества осуществлять стыковку стратегий развития с Китаем, формировать новые модели сотрудничества, расширять взаимовыгодное сотрудничество по таким направлениям, как политика, экономика, гуманитарная сфера [21]. В 2016 г. состоится следующий саммит, местом проведения которого будет Латвия. Параллельно Китай стремится развивать свои связи со странами региона Балтийского моря и на двусторонней основе. При этом Пекин действует весьма прагматично, руководствуясь в первую очередь своими интересами. Так, например, китайские руководители регулярно проводят переговоры на высшем уровне с премьер-министрами Эстонии, Латвии и Литвы, имеющими напряженные отношения с Россией. Во время китайско-латвийского саммита осенью 2015 г. была достигнута договоренность об открытии авиалинии Чэнду — Рига с целью увеличения числа туристов, рассмотрены возможности реализации ряда проектов в сфере транспорта [22].

Доля Китая во внешней торговле государств региона Балтийского моря пока не очень велика, но, вероятнее всего, в ближайшее время будет расти. Не исключено, что через какое-то время китайский грузопоток заменит российский в некоторых балтийских портах. О серьезности намерений Китая свидетельствует и то, что в Пекинском университете зарубежных исследований готовятся специалисты со знанием языков всех государств региона Балтийского моря [23].

Таким образом, в ближайшие годы в регионе Балтийского моря увеличится количество акторов, а факторы, влияющие тут на развитие международных отношений, станут всё более разнообразными. Это, безусловно, будет сказываться и на политике России в данном регионе в ближайшие годы.

Основной задачей внешней политики России в регионе Балтийского моря должно стать противодействие ослаблению позиций страны и создание предпосылок для их укрепления в среднесрочной перспективе.

Прежде всего, России необходимо сделать все возможное для того, чтобы не допустить возникновения конфликта в регионе Балтийского моря. В настоящее время Россия де-факто уже втянута в несколько конфликтов, в том числе и вблизи ее южных границ. Появление еще одного осложнило бы и международное положение России, и могло бы негативно сказаться на ее внутривнутриполитической и социально-экономической обстановке. Внутри самого региона Балтийского моря нет причин для появления международного кризиса — несмотря на определенный рост напряженности, обстановка остается более или менее стабильной. Однако международные отношения в этом регионе могут быть дестабилизированы другими конфликтами, протекающими за его пределами.

Отношения России с НАТО и Европейским союзом, скорее всего, в краткосрочной перспективе будут сохраняться примерно на нынешнем или чуть более высоком уровне. В ближайшее время вряд ли возобновится полномасштабный диалог на высшем уровне как в формате Совета государств Балтийского моря, так и на двусторонней основе с отдельными странами региона Балтийского моря. По всей вероятности, будут проходить единичные встречи по конкретным вопросам, не терпящим отлагательств. Санкции и ограничительные меры ЕС вряд ли будут отменены, хотя нельзя исключить их некоторое смягчение, если на Донбассе будет установлено реальное прекращение огня. При этом следует иметь в виду, что даже при самом благоприятном варианте — полное выполнение Минских соглашений и отмена секторальных санкций — восстановление экономических связей потребует определенного времени. Поворот к сотрудничеству легким и простым не будет.

В этих условиях желательно несколько скорректировать политику России в области взаимоотношений с Западом по проблемам региона Балтийского моря. Ввиду роста присутствия США, видимо, было бы полезным обсудить сюжеты, связанные с обеспечением безопасности в этом регионе на российско-американских переговорах в качестве отдельного пункта повестки дня. Российско-американские переговоры могут быть важны и в контексте планов развертывания элементов аме-

риканской ПРО в некоторых странах этого региона, что вызывает резкие протесты России. В диалоге с ЕС в ближайшее время наиболее целесообразным было бы соблюдать максимальную осторожность. Евросоюз вступил в период трансформации, сопровождающийся ростом разногласий внутри него. Однако с большой долей уверенности можно предсказать, что это не приведет к его распаду. Тем не менее основная часть европейской политической и бизнес-элиты будет крайне болезненно воспринимать любые попытки — откуда бы они ни исходили — внешних акторов использовать эти различия и разногласия в своих целях. В случае, если Россия будет заподозрена в этом, линия ЕС в отношении нее может ужесточиться. Так как проблема мигрантов в ближайшее время будет для европейских государств одной из наиболее важных, России было бы уместно оказать ЕС некоторую поддержку (например, полностью исключить возможность проникновения нелегальных мигрантов через российскую границу и т. д.).

Охлаждение отношений между Россией и другими государствами региона Балтийского моря ставит вновь дилемму перед внешней политикой России: нужно ли сначала стремиться к улучшению отношений в политической и военной сферах, или же пойти по пути максимально возможного налаживания связей в области экономики, экологии, науки, образования, культуры и только затем перейти к военно-политическим проблемам. Представляется, что в современных условиях в регионе Балтийского моря было бы более разумно идти вторым путем. Следует особо выделить и фактор возможного появления Трансатлантического партнерства торговли и инвестиций. В отличие от Транстихоокеанского партнерства, экономические связи которого с Россией в настоящее время невелики, Трансатлантическое партнерство будет включать в себя ЕС — крупнейшего торгового партнера России. Поэтому отказ от налаживания отношений с ним может иметь для российской экономики серьезные негативные последствия. Необходимо подчеркнуть, что темпы экономического роста в странах Балтийского региона, входящих в ЕС, будут выше, чем у России. Существующий здесь разрыв в уровнях социально-экономического развития может еще больше возрасти. Регион Балтийского моря, Северо-Запад России (особенно Санкт-Петербург как крупнейший город региона и Калининград ввиду особенности географического положения) могли бы сыграть важную позитивную роль в деле сохранения, а затем и развития сотрудничества в масштабах всего региона Балтийского моря.

На энергетическом рынке региона Балтийского моря России придется столкнуться со все возрастающей конкуренцией. Скорее всего, полностью отказаться от российских энергоносителей ни одна страна Балтийского региона не сможет. Однако появление саудовской, а затем, возможно, и иранской нефти не может не привести к общему снижению цен. А это, в свою очередь, болезненно скажется на доходах государственного бюджета России. К тому же через некоторое время могут проявиться последствия санкций и ограничительных мер, введенных Западом против нефтяной отрасли России. Обострение конкурентной борьбы, несомненно, произойдет и в газовой отрасли. В этих условиях

особое значение приобретают вопросы развития торгово-экономического сотрудничества по другим направлениям, особенно по тем, которые не попадают под ограничительные меры и санкции Запада и российские контрсанкции. Важную роль мог бы играть средний и малый бизнес [24]. Поскольку риски для него в условиях экономической нестабильности в России и опасностей осложнения международной обстановки велики, они это смогут сделать только при значительной поддержке Правительства Российской Федерации и Европейской комиссии. Не следует недооценивать и имеющийся позитивный опыт в сфере охраны окружающей среды.

Определенное положительное значение имело бы продолжение и развитие связей в гуманитарной сфере. Так, в частности, развитие сотрудничества и контактов между университетами, школами, учреждениями культуры могло бы оказать некоторое позитивное воздействие на общую атмосферу.

Несмотря на то что в последние годы в условиях конфронтации с Западом произошел определенный поворот на Восток, евроатлантическое направление внешней политики России будет по-прежнему оставаться одним из важнейших. Ввиду появления кризисов и взрывоопасных точек на южном фланге (конфликт с Украиной и Турцией, опасность терроризма, исходящая от запрещенного в России «Исламского государства» и т. д.) сохранение стабильности в регионе Балтийского моря в полной мере соответствовало бы как краткосрочным, так и долгосрочным интересам России. Инициативная внешняя политика, направленная на использование любых возможностей для сотрудничества, продвижение вперед всюду, где это только возможно, позволило бы России сохранить в краткосрочной перспективе имеющиеся позиции, а в среднесрочной и укрепить их в рамках многостороннего и двустороннего сотрудничества с государствами региона Балтийского моря. Это сотрудничество может в среднесрочной перспективе стать одним из факторов, способствующих общему улучшению отношений России и Запада.

Список литературы

1. *Путин В.* Совместная пресс-конференция с Премьер-министром Финляндии Матти Ванханеном, Председателем Комиссии Европейских сообществ Жозе Мануэлем Баррозу, Генеральным секретарем Совета ЕС, Высоким представителем ЕС по вопросам общей внешней политики и политики в области безопасности Хавьером Соланой, Премьер-министром Норвегии Йенсом Столтенбергом и Премьер-министром Исландии Гейром Хильмаром Хорде по итогам встречи на высшем уровне Россия — Европейский союз. 24 ноября 2006 года, Хельсинки URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2006/11/114447.shtml> (дата обращения: 21.01.2016).

2. Указ Президента Российской Федерации от 13.07.2007 г. №872 «О приостановлении Российской Федерацией действия Договора об обычных вооруженных силах в Европе и связанных с ним международных договоров». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/25785> (дата обращения: 21.01.2016).

3. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. URL: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (дата обращения: 21.01.2016).

4. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. №683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/18iXkR8XLAtxeilX7JK3XXy6Y0AsHD5v.pdf> (дата обращения: 21.01.2016).

5. Федеральный конституционный закон от 21.03.2014 г. №6-ФКЗ О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38220> (дата обращения: 21.01.2016).

6. Resolution adopted by the General Assembly on 27 March 2014 68/262. Territorial integrity of Ukraine URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/68/262&referer=/english/ (дата обращения: 21.01.2016).

7. Ищенко Р. Искупительный выкуп. 16.04.2015 URL: <http://newsbalt.ru/analytics/2015/04/iskupitelnyy-vyкуп/> (дата обращения: 21.01.2016).

8. Журиновский в «Артеке» рассказал о желании вернуть Россию в границы дореволюционной империи. 06.10.2015. URL: <http://www.c-inform.info/news/id/29464> (дата обращения: 21.01.2016).

9. Каралюнайте У. В Литве прозвучала идея блокады Калининграда. 12.08.2014. URL: <http://ru.delfi.lt/news/economy/v-litve-prozvuchala-ideya-blokady-kaliningrada.d?id=65537378> (дата обращения: 21.01.2016).

10. Remarks by President Obama at 25th Anniversary of Freedom Day — Warsaw, Poland. June 04, 2014. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/06/04/remarks-president-obama-25th-anniversary-freedom-day-warsaw-poland> (дата обращения: 21.01.2016).

11. NATO's Readiness Action Plan. Factsheet. October 2015. URL: http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2015_12/20151130_1512-factsheet_gar_en.pdf (дата обращения: 21.01.2016).

12. Военные итоги года: чем запомнился 2015 год для российской армии 29.12.2015. URL: <http://tvzvezda.ru/news/forces/content/201512310750-ycjf.htm> (дата обращения: 21.01.2016).

13. Черненко Е. Россия и США оглянулись на 1945-й // Коммерсант. №73.

14. Греф Г. Текущий кризис требует системных изменений. 09.12.2015. URL: <http://council.gov.ru/press-center/news/62225/> (дата обращения: 21.01.2016).

15. Указ Президента Российской Федерации от 06.08.2014 г. №560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46404> (дата обращения: 21.01.2016).

16. Baltic Leaders Balk At Anti-IS Coalition With Russia. 21.11.2015. URL: <http://www.vm.ee/et/uudised/eesti-valismeedias-19-november-2015—25-november-2015> (дата обращения: 21.01.2016).

17. Statement by the NATO Secretary General after the extraordinary NAC meeting. 24.11.2015. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/news_125052.htm (дата обращения: 21.01.2016).

18. *Defence Minister visited soldiers in Skwierzyna*. 16.01.2016 URL: <http://en.mon.gov.pl/news/article/latest-news/2016-01-16-defence-minister-visited-soldiers-in-skwierzyna/> (дата обращения: 21.01.2016).

19. *Löfven S., Sipilä J. Vår alliansfrihet bidrar till stabilitet i norra Europa // Dagens Nyheter*. 2016. 10 januari.

20. *Россия готова к конкуренции с саудовской нефтью на европейском рынке*. 14.10.2015. URL: <http://www.pravda.ru/news/economics/materials/oil/14-10-2015/1278203-neft-0/> (дата обращения: 21.01.2016).

21. *Ли Кэцян принял участие в 4-й встрече руководителей КНР и стран Центральной и Восточной Европы*. 25.11.2015. URL: http://russian.news.cn/2015-11/25/c_134851187_2.htm (дата обращения: 21.01.2016).

22. *Prime Minister urges Chinese entrepreneurs to strengthen cooperation with Latvia* 23.11.2015. URL: <http://www.latviachina.eu/en/aktuali/prime-minister-urges-chinese-entrepreneurs-to-strengthen-cooperation-with-latvia/66/> (дата обращения: 21.01.2016).

23. *Beijing Foreign Studies University, School of European Languages and Cultures*. URL: <http://en.bfsu.edu.cn/index.php?s=/Home/article/index/category/UndergraduateProgrammes> (дата обращения: 21.01.2016).

24. *Лухто К. Российские внешние инвестиции: влияние санкций на объеме внешних прямых иностранных инвестиций из России // Балтийский регион*. 2015. №4. С. 19—20

Об авторе

Константин Константинович Худoley, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой европейских исследований факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: kkhudoley@gmail.com

Для цитирования:

Худoley К.К. Регион Балтийского моря в условиях обострения международной обстановки // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 1. С. 7—25. doi: 10.5922/2074-9848-2016-1-1

THE BALTIC SEA REGION AND INCREASING INTERNATIONAL TENSION

K. Khudoley*

* *Saint Petersburg State University,
7—9 Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034, Russia*

Submitted on January 21, 2016

For many years, the Baltic Sea region stood out for its remarkable stability. The dramatic changes following the end of the Cold War did not have a profound effect on the territory. However, Russia's cooperation with other states in the Baltic Sea

region began to lose momentum. This paper discusses the negative effects of the Ukrainian and Syrian crises and the increasing tension between Russia and other countries in the Baltic Sea region. In the short term, these trends are unlikely to reverse. Of the two possible scenarios — suspending relations until a solution to the political and military problems is found or trying to make use of every opportunity in economy, culture, science, education, etc., — the latter is preferable. A breakdown in regional cooperation will weaken Russia's position. However, gaining positive momentum may prove instrumental in overcoming the confrontation between Russia and the West in the future.

Key words: Baltic Sea Region, Russia, European Union, NATO, regional cooperation.

References

1. Putin, V. 2006, Joint Press Conference with the Prime Minister of Finland Matti Vanhanen, President of the European Commission Jose Manuel Barroso, Secretary General of the EU Council and EU High Representative for the Common Foreign and Security Policy Javier Solana, Prime Minister of Norway Jens Stoltenberg and Prime Minister of Iceland Geir Haarde following the Russia-EU summit meeting. November 24, City Hall, Helsinki, *Kremlin.ru*, available at: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2006/11/114447.shtml> (accessed 21.01.2016).
2. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 13.07.2007 g. No 872 «O priostanovlenii Rossijskoj Federaciej dejstvija Dogovora ob obychnyh vooruzhennyh silah v Evrope I svjazannyh s nim mezhdunarodnyh dogovorov [Decree of the President of the Russian Federation of 13.07.2007 No 872 "On the suspension of the Russian Federation participation in the Treaty on Conventional Armed Forces in Europe and in related International Treaties"]», 2007, *Kremlin.ru*, available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/25785> (accessed 21.01.2016).
3. Koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii, 2013. Utverzhdena Prezidentom Rossijskoj Federacii V. V. Putiny 12 fevralja [Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation. Approved by President of the Russian Federation V. V. Putin on 12 February], 2013, *Mid.ru*, available at: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (accessed 21.01.2016).
4. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 31.12.2015 g. No 683 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» [Decree of the President of the Russian Federation of 31.12.2015, No 683 "On National Security Strategy of the Russian Federation"], 2015, *kremlin.ru*, available at: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/l8iXkR8XLAtxeilX7JK3XXy6Y0AsHD5v.pdf> (accessed 21.01.2016).
5. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 21.03.2014 g. No 6-FKZ «O prinjatii v Rossijskuju Federaciju Respubliki Krym I obrazovanii v sostave Rossijskoj Federacii novyh sub'ektov – Respubliki Krym I goroda federal'nogo znachenija Sevastopolja» [Federal Constitutional Law "On acceptance of the Republic of Crimea into the Russian Federation and the creation of new constituent entities of the Russian Federation – the Republic of Crimea and the Federal City of Sevastopol"], 2014, *Kremlin.ru*, available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38220> (accessed 21.01.2016).
6. Resolution adopted by the General Assembly on 27 March, 2014, *Territorial integrity of Ukraine*, no 68/262, available at: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/68/262&referer=/english/ (accessed 21.01.2016).
7. Ischenko, R. 2015, Iskupitel'nyj vykup [The redemptive ransom], *Newsbalt.ru*, available at: <http://newsbalt.ru/analytics/2015/04/iskupitelnyy-vykup/> (accessed 21.01.2016).

8. Zhirinovskij v Arteke rasskazal o zhelanii vernut' Rossiju v granicy dorevolucionnoj imperii [Zhirinovskiy in "Artek" spoke about the desire to return to the borders of pre-revolutionary Russian Empire], 2015, *C-inform.info*, available at: <http://www.c-inform.info/news/id/29464> (accessed 21.01.2016).
9. Karaljunajite, U. 2014, V Litve prozvuchala ideja blokady Kaliningrada [In Lithuania, the idea of blockade of the Kaliningrad was said], *DELFI*, available at: <http://ru.delfi.lt/news/economy/v-litve-prozvuchala-ideya-blokady-kaliningrada.d?id=65537378> (accessed 21.01.2016).
10. Remarks by President Obama at 25th Anniversary of Freedom Day – Warsaw, Poland, 2014, *The White House*, available at: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/06/04/remarks-president-obama-25th-anniversary-freedom-day-warsaw-poland> (accessed 21.01.2016).
11. NATO's Readiness Action Plan, 2015, *NATO*, available at: http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2015_12/20151130_1512-factsheet_rap_en.pdf (accessed 21.01.2016).
12. Voennye itogi goda: chem zapomnitsja 2015 god dlja rossijskoj armii [The military results of the year: the memorable 2015 for the Russian army.], 2015, *Zvezda TV Channel*, available at: <http://tvzvezda.ru/news/forces/content/201512310750-ycjf.htm> (accessed 21.01.2016).
13. Chernenko, E. 2015, Rossija i SSHA ogljanulis' na 1945-yj [Russia and the United States looked at the year 1945], *Kommersant*, available at: <http://www.kommersant.ru/doc/2715103> (accessed 21.01.2016).
14. Gref, G. 2015, *Tekuschij krizis trebuje sistemnyh izmenenij* [The current crisis requires a system change.], available at: <http://council.gov.ru/press-center/news/62225/> (accessed 21.01.2016).
15. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 06.08.2014 g. No 560 «O primenenii otdel'nyh special'nyh ekonomicheskikh mer v celjah obespechenija bezopasnosti Rossijskoj Federacii» [Decree of the President of the Russian Federation of 06.08.2014. № 560 "On the application of certain special economic measures in order to ensure the security of the Russian Federation"], 2014, *Kremlin.ru*. available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46404> (accessed 21.01.2016).
16. Baltic Leaders Balk At Anti-IS Coalition With Russia, 2015, *Vaelisministeerium*, available at: <http://www.vm.ee/et/uudised/eesti-valismeedias-19-november-2015-25-november-2015> (accessed 21.01.2016).
17. Statement by the NATO Secretary General after the extraordinary NAC meeting, 2015, *NATO*, available at: http://www.nato.int/cps/en/natohq/news_125052.htm (accessed 21.01.2016).
18. Defence Minister visited soldiers in Skwierzyna, 2015, *Ministry of National Defence Republic of Poland*, available at: <http://en.mon.gov.pl/news/article/latest-news/2016-01-16-defence-minister-visited-soldiers-in-skwierzyna/> (accessed 21.01.2016).
19. Sipilä, J., Löfven, S. 2016, Vår alliansfrihet bidrar till stabilitet i norra Europa, *Dagens Nyheter*, 10 januari.
20. Rossija gotova k konkurencii s saudovskoj neft'ju na evropejskom rynke [Russia is ready to compete with Saudi oil on the European market], 2015, *Pravda.ru*, available at: <http://www.pravda.ru/news/economics/materials/oil/14-10-2015/1278203-neft-0/> (accessed 21.01.2016).
21. Li Keqian prinjal uchastie v 4-oj vstreche rukovoditelej KNR i stran Central'noj I Vostočnoj Evropy [Li Keqiang attended the 4th meeting of the leaders of China and the countries of Central and Eastern Europe], 2015, *Russian.news.cn*, available at: http://russian.news.cn/2015-11/25/c_134851187_2.htm (accessed 21.01.2016).

22. Prime Minister urges Chinese entrepreneurs to strengthen cooperation with Latvia, 2015, *Latvia-China Business Council*, available at: <http://www.latviachina.eu/en/aktuali/prime-minister-urges-chinese-entrepreneurs-to-strengthen-cooperation-with-latvia/66/> (accessed 21.01.2016).

23. *Beijing Foreign Studies University, School of European Languages and Cultures Official Web-site*, available at: <http://en.bfsu.edu.cn/index.php?s=/Home/article/index/category/UndergraduateProgrammes> (accessed 21.01.2016).

24. Liuhto, K. 2015. Motivations of Russian firms to invest abroad: how do sanctions affect Russia's outward foreign direct investment? *Baltic region*, no. 4, p. 19—20. DOI: 10.5922/2079-8555-2015-4-1.

About the author

Prof Konstantin Khudoley, Head of Department of European Studies, School of International Relations, St. Petersburg State University, Russia.

E-mail: kkhudoley@gmail.com

To cite this article:

Khudoley K. K. 2016, The Baltic Sea region and increasing international tension, *Baltijskij region*, Vol. 8, no. 1, p. 7—25. DOI: 10.5922/2074-9848-2016-1-1.

**ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА.
К СТОЛЕТНЕМУ
ЮБИЛЕЮ
ПОЛИТИЧЕСКОГО
ПРОЕКТА**

*Н. М. Межевич**

Рассмотрены основные характеристики Восточной Европы как политического проекта, генезис Восточной Европы как политического региона. Дана периодизация истории Восточной Европы, приводятся важнейшие признаки процессов суверенизации — десоверенизации региона. Проанализированы геополитические проекты «Междуморья». Показано, что Восточная Европа объективная реальность, чья история далека от завершения. Вместе с тем выдвинут и доказан тезис о том, что конструирование различного рода «Балтийско-Черноморских» моделей сотрудничества, ориентированных на изоляцию России, объективно противоречит интересам всех участников политического процесса. При подготовке работы использован комплекс методов, включающий исторический, структурно-функциональный анализ, а также системный подход. Основная гипотеза исследования заключается в том, что междуморье как политический проект отражает важную часть системных признаков Восточной Европы как политического региона, но не тождественно ему как с географических позиций, так и с точки зрения политического регионализма. Антироссийская направленность проектов «Междуморья» доминирует, однако она не имманентно присуща этой группе концепций. Переформатирование концепций «Междуморья» под формат новой модели сбалансированного сотрудничества «Москва — Варшава — Берлин» может считаться актуальной политической задачей, требующей адекватного научного решения. При этом сам регион Восточной Европы в очередной раз проходит точку бифуркации и потенциально может стать новой точкой опоры в среде новой европейской нестабильности. Проекты «Междуморья», на первый взгляд традиционный объект исследования, должны быть заново оценены в новых политических и экономических условиях. Данная статья — шаг в указанном направлении.

* Санкт-Петербургский государственный университет 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7—9

Поступила в редакцию 10.12.2015 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2016-1-2

© Межевич Н. М., 2016

Ключевые слова: Восточная Европа, Россия, Польша, Европейский союз, периферийность, лимитроф, идентичность, суверенитет, «Междуморье»

Теоретической предпосылкой к рассмотрению вопросов региональной идентичности и суверенитета Восточной Европы могут стать различные концепции теории международных отношений. К числу таких теоретических концепций можно отнести и научно-теоретические подходы транснационалистов. В рамках теории международных отношений подходы транснационалистов также дифференцированы, но, как правило, характеризуются через четыре главные тенденции:

1. Размывание границ между внутренней и внешней политикой. Международная активность регионов и других объектов федеративных государств, непосредственное влияние международной жизни на внутривнутриполитические процессы.

2. Демократизация международных отношений и внутривнутриполитических процессов, основанная на достижениях постиндустриальной революции и распространении информации.

3. Возрастание роли трансграничных экономических акторов.

4. Модификация традиционных подходов к суверенитету.

Роберт Кеохейн и Джозеф Най в своей, теперь уже классической, работе «Транснациональные отношения и мировая политика» [1] указали на качественный и одновременно резкий рост уровня взаимозависимости между отдельными странами, регионами и нетрадиционными акторами в экономической, политической и социальной сферах. Этот вывод применительно к 70-м гг. вызвал определенную дискуссию. В настоящее время она ведется не столько о возможности и правильности подобного подхода, сколько о конкретных последствиях разворачивающейся транснационализации международных отношений. В конце XX в. постепенно стал меняться вектор восприятия глобализации. Как отмечает Л. Фосет, «регионализация мировой экономики была отчасти продиктована противодействием государств разрушительным последствиям глобализации» [2, р. 26]. Сегодня эта позиция разделяется рядом российских и европейских экспертов, рассматривающих регионализацию как своего рода глобализацию, но в ограниченных масштабах. Таким образом, последствием глобализации является ее «вторая сторона» — регионализация.

Глобальный мир пост-Вестфальской эпохи демонстрирует деструкцию государственной идентичности, ключевой признак которой — суверенитет. Сама постановка вопроса об определении «европейских идентичностей», при котором приоритет отдается уже не «европейской идентичности» как таковой, а «сумме географически весьма разрозненных, культурно децентрализованных и политически очень неравных идентичностей» [3, с. 302]. При этом современные международные отношения детерминируются регионализмом, они все более основываются не на традиционной геополитической совокупности истории, культуры и традиций и классическом понимании суверенитета, а на субъективном осознании элитами своих базовых интересов, в конечном счете определяемыми не только экономикой, но и культурным кодом. Отметим, что при всем очевидном единстве так называемых «европейских ценностей» их понимание в Берлине существенно отличается от трактовки в Варшаве.

Да, правящие элиты Восточной Европы начиная с 90-х гг. добровольно секвестировали качество и количество суверенных управленческих функций. Особенно выпукло этот процесс происходил там, где делегирование суверенитета было оформлено в общественном сознании как осознанная, но очень тяжелая жертва (Польша). Иная модель, «сброс балласта» — ненужных и в целом непривычных функций — оказалась характерной для Латвии и Эстонии. Укажем при этом, что традиции суверенитета в Восточной Европе не являются такими прочными, как в традиционной, т. е. Западной, Европе. Очевидное исключение — Польша страна суверенитета духа даже в условиях отсутствия суверенитета де-юре.

Современные трактовки суверенитета весьма разнообразны. Юридические нормы и прежде всего понимание суверенитета эпохи ялтинско-потсдамской системы уходят в прошлое. Право ООН, предполагавшее, что:

- государства юридически равны;
- они пользуются всеми правами, вытекающими из их суверенитета;
- должна уважаться территориальная целостность и политическая независимость государств;

— существование суверенных государств гарантируется современным международным правом и международными организациями [4], на сегодняшний день для одних экспертов и практиков является предметом для дискуссий, для других уже не действует.

Мы исходим из того, что существует группа последовательных сторонников суверенности государства. Д. Ллойд указывает на то, что подчинение нормам международного права не влечет за собой растворения государственного суверенитета. Ограничения, по его мнению, налагаются только на действия в международной, но не во внутренней сфере [5]. Американский политолог Майкл Уолцер считает, что суверенитет проистекает из права народа на самоопределение. Таким образом, суверенитет как бы воплощает в себе историю народа, его культурные и социальные особенности. Как полагает Уолцер, суверенитет не становится автоматическим признаком государства. Он имеет конкретное национальное оформление [6].

С другой стороны, идею размывания суверенитета поддерживают не только подавляющее большинство юристов и политологов, но и такие идеологи-пропагандисты, как Ф. Фукуяма [7], С. Хантингтон [8], Э. Тоффлер [9], З. Бжезинский [10], К. Омае [11].

Возникает вопрос, почему вышеупомянутые ученые, имеющие практически по всем вопросам разные позиции, в данном случае выступают как единомышленники? С нашей точки зрения, акцентируя внимание общественности на имеющихся формальных разногласиях по несущественным вопросам, они, по сути, обслуживают одну и ту же масштабную концепцию современного евро-атлантического права, которому в силу исторических причин дан статус международного. Именно поэтому появилось понятие «perforated sovereignty», имеющее прямую связь с термином «perforated democracy» [12]. В этом контексте

российская политологическая новация — «суверенная демократия» [13—19] уже не выглядит тавтологией, а лишь подчеркивает тот факт, что в данном случае речь идет, прежде всего, о реальном суверенитете, а затем о конкретной, исторически и географически обоснованной модели демократии. Нельзя не вспомнить то, что дискуссия о суверенитете для стран Восточной Европы предельно политизирована с одной стороны и взаимоувязана с практиками экономического развития.

Специфика десоверенизации в ЦВЕ еще нуждается в исследовании. «Очевидно, что процессы трансформации национального суверенитета протекают в странах «старой» и «новой» Европы неодинаково». С этим тезисом трудно спорить, однако далее автор продолжает: «Это связано с тем, что центрально- и восточноевропейские государства приобрели политическую независимость относительно недавно, что обуславливает их нежелание расставаться со столь тяжело доставшимся им суверенитетом» [20, с. 23]. Анализ политических процессов в Восточной Европе показывает, что относительных экономических успехов некоторым государствам удалось достичь, однако суверенитет был безвозвратно утерян. Попытки Венгрии и Польши в последние годы вернуть его отдельные элементы оказались безуспешными. К примеру, организация польских националистов «Лагерь Великой Польши» (OWP), а также Славянский союз (ZS) осенью 2014 г. провели в Варшаве несколько акций протеста против политики польских властей, были выдвинуты не националистические, а антиукраинские и антиамериканские лозунги ресоверенизации [21]. Польша проявила себя как страна, которая вправе не только декларировать, но и отстаивать свои национальные интересы. Республика Польша претендует на роль регионального лидера в Центральной и Восточной Европе. События зимы 2016 г. подтверждают это. Поляки не хотят разрывать все связи с Европейским союзом, но они не желают слепо следовать всем рекомендациям Берлина или Брюсселя. Позиция Польши имеет значение не только для Венгрии, но и для абсолютно лояльных европейским практикам Литве, Латвии или Эстонии. Кризис с беженцами создает окно возможностей для центральноевропейского союза нового типа, но для этого должен быть достигнут баланс в отношениях с Россией.

Случай государств Прибалтики как части междуморья и части Восточной Европы особый [22]. Утрата суверенитета здесь была позиционирована как геополитическое достижение, цивилизационный прорыв. Значимая часть суверенитета была сознательно делегирована в Брюссель и Прагой, Будапештом, Варшавой, но только в Прибалтике утрата суверенитета не сопровождалась даже видимостью реального торга с Европейским союзом по экономическим или политическим вопросам.

Отметим также, что и в России нет консенсуса по вопросу о качестве суверенитета. Представлены различные позиции, в том числе и рассматривающие интеграцию как способ эволюции суверенитета [23]. «Национальное государство подразумевает наличие политического аппарата, признанные права суверенности в пределах границ демаркированного территориального пространства, способность поддержать свой

суверенитет посредством контроля над военной силой, позитивные чувства государственной принадлежности у многих из граждан» [24, р. 303]. Э. Гидденс прав: национальное государство именно подразумевает (предполагает) суверенитет, но вовсе не гарантирует. Именно это положение важно в контексте данной работы. Мы исходим из того, что «суверенитет является относительным понятием, изменчивым с течением времени, приспособляющимся к новой ситуации и новым потребностям» [25, р. 440—441].

Де-факто Словакия или даже Польша в значительной степени оказались обеспеченными не своим, а западноевропейским суверенитетом. Однако каковы пределы заимствования и использования суверенитета с юридической, а главное, с практической точки зрения? Центральноевропейская версия суверенитета четко показывает ошибочность программного тезиса мэйнстрима евро-атлантической политологии и его российских апологетов: «Взаимосвязь внутренней и внешней политики является атрибутом всех зрелых демократий, причем, чем более развиты демократические институты государства, тем она (взаимосвязь) глубже» [26, с. 273]. Опыт свидетельствует о том, что предельная взаимозависимость внутренней и внешней политики характерна скорее для стран, где демократии в ее атлантическом понимании не было, нет и не будет. Равным образом в условиях масштабной экономической нестабильности иллюзия решения внутривнутриполитических проблем за счет внутривнутриполитических «достижений» приводит к масштабным провалам.

Применительно к Европе в целом и Восточной Европе существует концепция, предполагающая, что время сжалось, а конфликтогенность увеличилась. В принципе это верно. Указание на масштабы и скорость изменений в мировой политике и экономике справедливо, и вместе с тем, обращаясь к рассматриваемому региону, нельзя не отметить высочайшую динамику преобразований в Восточной и Центральной Европе. Именно здесь никогда не было спокойствия и плавного течения политического процесса.

Сама по себе Восточная Европа как политический регион возникла в рамках версальско-вашингтонской системы. Однако нельзя сказать, что это произошло одномоментно. Территориально-политическое устройство в регионе непрерывно менялось вплоть до 1939 г., продолжало эволюционировать в годы Второй мировой войны (Первый и Второй венский арбитраж). Отразив наступление Красной армии под закономерными лозунгами объединяющей национальной идеи, армия генерала Желиговского захватила часть Литвы (Виленский край). В какой степени это соответствовало программному тезису польских борцов с Российской империей: «за нашу и вашу свободу»?

Отметим, что политический радикализм в формах фашизма, троцкизма, радикальных трактовок коммунизма если и не возник в регионе, то полноценно присутствовал в нем на протяжении десятилетий. Вероятно, только Чехословакия с трудом сохранила политический режим, близкородственный французской или британской демократии.

Возможна ли была иная модель развития? С нашей точки зрения, нет. Исторически, Вена, Санкт-Петербург и Берлин накопили хороший опыт управления нетитульными нациями. Сложившиеся системы управления в условиях мирного времени могли просуществовать долго, в том числе и за счет сотрудничества имперских столиц. Территориально-политическое переустройство предполагалось большинством участников Первой мировой войны. Однако следует подчеркнуть то, что Россия, Австро-Венгрия и Германия после победы вовсе не планировали создавать подлинно суверенные национальные государства. В подготовленном в 1915 г. меморандуме Балтийского доверенного совета (группа немцев — эмигрантов из Эстляндской и Лифляндской губерний Российской империи) указывалось: «Линия Нарва — Чудское озеро» является границей, обеспечивающей военную безопасность Германии». Предполагалось, что такая граница создает угрозу Петербургу, «что в свою очередь вызовет его эвакуацию и перенос столицы, а соответственно, и административный распад России» [27, с. 235]. В это же время и возник меморандум немецкого военного и политика Э. Людендорфа «Цели германской политики», который является важнейшим документом, где наиболее полно отражены планы германских захватов в Восточной Европе. В меморандуме указывалось, что прорыв «железного кольца» Антанты может быть осуществлен в случае, если бы Россия в политическом, экономическом и военном отношениях оказалась полностью зависимой от Германии и превратилась бы в источник ее экономической силы и политической мощи. Таким путем Германия сможет обеспечить себе господствующее положение в Европе, заложить основы европейско-азиатского блока и обеспечить себе положение мировой державы, которая могла бы стать противовесом пан-американскому и британскому блокам.

По плану Людендорфа Финляндия, Прибалтика, Литва, Польша, Украина и Грузия должны были быть окончательно отделены от России, в остальной ее части — конечно, после свержения большевизма! — должно быть создано федеративное государственное образование при условии его «тесной» экономической связи с Германией [28]. Однако полноценная реализация этих планов требовала обсуждения этих вопросов с союзниками Берлина. Канцлер Германии Т. Бетман-Гольвег писал послу в Вене фон Чиршки: «... в случае победоносного исхода войны необходимо образование нескольких буферных государств между Россией, Германией и Австро-Венгрией с тем, чтобы отодвинуть Россию как можно дальше на восток» [27, с. 196]. Данный подход получил закономерное воплощение в Брестском договоре 1918 г.

Пока существовала Австро-Венгрия — монархия Габсбургов, авторы этих планов в основном исходили из идеи ее территориального сохранения при изменении административно-политической системы, т. е. превращения ее в федерацию или конфедерацию, объединение территорий или объединение народов. Достаточно вспомнить проекты второй половины XIX — первой половины XX в.: Дунайскую конфедерацию венгров Лайоша Кошута, Срединную Европу австрийского немца

Феликса Людвиг Шварценберга, Фридриха Науманна, Пан-Европу Рихарда фон Куденхофа-Калерги, различные другие формы регионального сотрудничества государств [29].

Однако 1917 и 1918 гг. закрыли вопрос о самом существовании трех империй как политических проектов. Возник регион Восточная Европа как политическая и историческая данность. Еще раз подчеркнем, сразу же обозначался масштаб внутренних проблем. Мы не можем списывать эти проблемы межвоенного периода, особенно в 20-е годы, на интриги Москвы, Берлина.

Регион Центральной Восточной Европы обладает собственными внутренними источниками конфликтогенности. Это обстоятельство де-факто признается в восточноевропейских столицах. Вопрос лишь в том, какие из этого делаются выводы. Длительное пребывание польского народа в составе объективно чужих империй привело к формированию собственного квазиимперского комплекса, на удивление прочного и влияющего на внешнюю политику Польского государства и спустя 100 лет после Версаля.

В Польше идея «Третьей Европы», т.е. союза мелких государств под польским главенством, была очень популярна практически до осени 1939 г. По мнению британской исследовательницы З. Коэтс: «Сменявшие друг друга польские правительства вплоть до весны 1939 года были заняты тем, что постоянно планировали и разрабатывали варианты:

- а) расчленения СССР;
- б) создание блока государств, который отделил бы СССР от Западной Европы» [30, p. 127].

Еще один пример, иллюстрирующий научную и политическую дискуссию в Польше: «Наша цель — сплотить вокруг польского народа другие народы, проживающие на территории между Северным Ледовитым океаном и Черным морем, зажатые между большевистской Россией и гитлеровской Германией» [31]. В книге «Экономическая политика гитлеровской Германии» Эдмунд Харашкевич писал, что «стиснутая между двумя страшно динамичными государствами-колоссами, Польша должна бдительно следить за всеми жизненными проявлениями наших соседей» [32; 33]. Так функционировал прометеизм — политическая концепция Ю. Пилсудского, направленная на ослабление России (впоследствии СССР) посредством поддержки сепаратистских движений нерусских народов. Частично основывалась на классической ягеллонской идее, прометеизм адаптировал ее к текущей практике межвоенного периода.

В 1926 г. в Париже была основана организация «Прометей» («Prometeusz»), в состав которой вошли представители Азербайджана, Донских казаков, Грузии, Идель-Урала, Ингрии, Карелии, Коми, Крыма, Кубани, Северного Кавказа, Туркестана и Украины [34]. На это движение работали Восточный институт в Варшаве и Научно-исследовательский институт Восточной Европы в Вильно. Краткая история польского прометеизма была опубликована в феврале 1940 г. Эдмундом Харашке-

вичем (Edmund Charaszkiwicz), офицером польской военной разведки, в обязанности которого с 1927 г. до начала Второй мировой войны входила координация прометеувской программы.

В 1959 г. эта идея легла в основу американской «Декларации о поработенных народах». Журнал «Nowy Prometeusz» издается и в настоящее время, идеологически являясь одним из продолжателей дела Харашкевича. Деятель Конфедерации независимой Польши Анджей Издебский выдвигал проект создания Федерации народов Центральной Европы, в которую должны войти 17 государств. Исходя из значения города для народов Центральной Европы, Львов предлагался на столицу этой федерации [35, с. 15].

В существенно модернизированном варианте эти подходы отразились в концепции Ежи Гедройца¹ — Юлиуша Мерошевского². Провозглашенная ими «Восточная политика» Польши, де-факто рассматривала взаимоотношения Польши с Украиной, Беларуссией, Литвой как сублимацию отношений с СССР. Тот факт, что существовала социалистическая Польша и мощный СССР, а сама концепция или доктрина написана интеллектуалами в парижской эмиграции рассматривался как несущественный. После 1991 г. к концепции Ежи Гедройца — Юлиуша Мерошевского было привлечено профессиональное внимание как к реализованному прогнозу. События 2013—2015 гг. показали предел эффективности концепции Гедройца — Мерошевского. Путем частичного признания своей ответственности за события, происходившие в литовской, украинской и белорусской истории в эпоху нахождения этих народов под скипетром польских королей, поляки устраняли причину враждебности к себе литовцев, украинцев и белорусов [36]. Однако Польша, акцептировав украинский национализм, исходила из того, что он всегда будет направлен против России. В настоящее время стало очевидным то, что, поддерживая местные национализмы, можно получить трудно предсказуемый конфликт с неопределенным географическим вектором развития. Следует внимательно анализировать традиционные и новые польские подходы к «междуморью». Географически «междуморье» может быть практически в любом «составе». Однако не Эстония и не Албания значимые участники проекта. Исторически, географически, политические проект «Междуморья» не может состояться без Республики Польша. Без Украины — может. Следует объективно понимать и принимать во внимание весь комплекс польского видения проблематики Восточной Европы и искать формы взаимодействия на основе общих позиций. Подчеркнем, они есть, но должны стать предметом отдельной статьи.

¹ Ежи Гедройц (1906—2000) — польский публицист и политик. Основатель и бессменный редактор журнала «Культура».

² Юлиуш Мерошевский (1906—2000) — польский писатель и публицист, ближайший соратник Е. Гедройца.

Следующий важный вопрос, который следует рассмотреть, это проблема возникновения Восточной Европы как политического, а не географического явления. По мнению Ларри Вульфа, вплоть до начала XVIII столетия европейцы подразделяли свой континент на средиземноморский Север и балтийский Юг, и лишь с наступлением века Просвещения родилась концепция «Восточной Европы» [37]. С подобным подходом нельзя согласиться. Ориентализм как научный подход еще не факт признания Восточной Европы как политической данности.

С нашей точки зрения, географическая данность приобрела политическое наполнение в 1918—1920 гг. С 1944 по 1956 г. формировалась вторая версия Восточной Европы. Процессы распада социалистической системы и СССР в 1986—1991 гг. дали начало третьей, но не последней стадии эволюции региона. Расширение Европейского союза на восток не привело к отмиранию Центрально-Восточной Европы как региона [38; 39].

Падение советской системы не изменило идентичность региона. Центральновосточные европейские страны попали в орбиту влияния Европейского союза как нового интеграционного проекта, а затем и вошли в его состав. Расширение Евросоюза оказало существенное влияние на политику и экономику ЦВЕ, но не изменило периферийный политический статус региона и специфику его экономического развития.

Это связано с тем, что в основе центрально-восточной европейской идентичности не только коммунистическое прошлое. При этом научным и экспертным сообществом именно этот коммунистический этап позиционируется как ключевой для формирования идентичности. Это не корректно с точки зрения хронологии. Эпоха «мировой системы социализма» — не более 30 лет из столетия жизни региона. В России подобные объяснения феномена ЦВЕ весьма часты, к примеру, в интереснейших работах И. Н. Тарасова [40]. Значимое исключение — труды С. А. Романенко, еще в 1994 г. отмечавшего: «Ученые и журналисты часто рассматривают межэтнические конфликты в Восточной и Средней Европе исключительно как наследие коммунизма, который сдерживал процессы национального самоопределения, или, наоборот, как результат краха этой системы, сдерживавшей этнические конфликты» [29, с. 224].

В данном контексте важно отметить то, что вопросы генезиса политической Восточной Европы изучаются довольно давно, дискуссии по этому вопросу вызывают большой интерес. В 2007 г. заметным событием в этом плане стала книга: «Восточная Европа после "Версаля"» [42]. Интересно то, что она, с одной стороны, получила высокую оценку на радио «Свобода» [43], а с другой — не вызвала резкой критики той части экспертного сообщества, для которой комплимент на радио «Свобода» сам по себе становится формальным поводом для начала дискуссии. Почему же не получилось дискуссии в этом случае? Важно

отметить дату выхода работы — 2007 г., время, предшествующее экономическим и политическим испытаниям 2008—2016 гг. Однако главная причина консенсусного подхода к оценке заключается в том, что авторам удалось зафиксировать главный признак восточноевропейского региона — его лимитрофность и периферийность. С этим согласились практически все участники. Проблемность региона не стала дискуссионным вопросом.

Следующий вопрос — географические границы и внутренняя структура «междуморья». По мнению профессора П. Тамаша, его «составляют три шлейфа: 1) Балтийская зона; 2) Польская зона; 3) Южная зона (Причерноморье)» [44]. Близкая позиция у А. В. Мальгина: «Исходя из понимания международно-политического региона как совокупности явлений международной жизни, протекающих в определенных территориально-временных координатах, можно констатировать появление устойчивого феномена — «новой Восточной Европы»» [45]. Компоненты данного региона: во-первых, это три страны восточноевропейского фланга СНГ. Во-вторых, это приграничные страны «классической» Восточной Европы — Польша, Словакия, Венгрия и южные соседи — Румыния, возможно, Болгария. Третий примечательный компонент региона «новой Восточной Европы» — страны Прибалтики. Рассматривая этот вопрос, следует вспомнить и коллективную монографию французских и польских историков: Н. Алексюн, Д. Бовуа и др. «История Центрально-Восточной Европы» (СПб.: Евразия, 2009). Как считает профессор Романенко: «Авторы книги объединили свои усилия в стремлении дать максимально полное представление об истории стран и народов того региона, которому они дали условное название «Центрально-Восточная Европа». Строго формально — это история Польши, Чехии и Венгрии в их исторически менявшихся границах, которые в разное время включали в себя также территории современных Литвы, Белоруссии, Украины, Словакии и некоторых других стран» [46, с. 323]. «Историко-географический регион Средней Европы состоит из двух субрегионов — Центральной и Юго-Восточной Европы, то есть Балкан. До и после переустройства этого пространства после окончания Первой мировой войны регион относили также к Восточной Европе. Однако термин «Восточная Европа» (это понятие существовало с XVII—XVIII вв.), с 1945 по 1991 г. имел совершенно определенное военно-политическое и социально-идеологическое содержание» [47, с. 39].

Несмотря на все старания, концепция Центрально-Восточной Европы остается спорной и не получила сколько-нибудь серьезного признания за пределами узкого круга ее сторонников, что можно объяснить очевидной искусственностью самого термина [46]. Збигнев Бжезинский так охарактеризовал международное положение на территории бывшего СССР: «...теперь заполнено дюжиной государств, большинство из которых (кроме России) едва ли готовы к обретению подлинного суверенитета; к тому же численность населения этих государств тоже разная: от довольно крупной Украины, имеющей 52 млн человек, и до Армении, насчитывающей всего 3,5 млн. Их жизнеспособность представ-

лялась сомнительной, в то время как готовность Москвы постоянно приспосабливаться к новой реальности также выглядела непредсказуемой» [48].

Границы региона достаточно подвижны. С 1920-х гг. германские географы и историки вводят понятие «Средняя Европа» (Mittel Europa) или иногда «Восточно-Центральная Европа» (Ostmittel Europa), включая при этом собственную страну в состав этого региона. Укажем и на то, что немецким геополитикам 20—30-х гг. не пришло бы в голову включать в состав региона Восточной Европы Советскую Украину или Белоруссию. По мнению С. А. Романенко, историко-географический и политический регион Средняя Европа состоит из двух субрегионов — Центральной и Юго-Восточной Европы, т. е. Балкан [47].

Отмечая проблематичность этой терминологии, известный немецкий историк К. Цернак предлагал еще в 1977 г. трактовать термин «Восточная Европа» в широком смысле как особую территориально-политическую систему. В более поздних работах он не только вернулся к данному вопросу, но и подробно исследовал польско-российские отношения [49].

Итак, в конце XX в. этот регион «увеличился» за счет распада СССР на Украину, Белоруссию, Молдавию. Указанные страны с этим тезисом солидарны и рассматривают данное обстоятельство как потенциальную принадлежность к более высокой «лиге». Эти три государства, при всех внутренних различиях, представляют определенную общность как историко-географического, так и экономического характера. Переходный характер экономики сочетается здесь с очевидной незавершенностью политических трансформаций. Для государств Прибалтики, де-факто являющихся частью «междуморья», этот факт комплиментом не является, так как Эстония самоидентифицируется своей элитой как «северная страна» (?!).

Далее, следует отметить, что само понятие «Восточная Европа» является не только указанием на географические и политические особенности, но и на экономическую специфику. Историческая тупиковость пути догоняющего развития и попыток прыгнуть на подножку уходящего поезда западной цивилизации продемонстрирована всем ходом нашей истории в 90-е гг. XX в.: «Переходный период» окончился провалом, а мировая конъюнктура становится все менее демократичной и все более рыночно-авторитарной [50]. Привлекательность западноевропейской модели на рубеже 2015—2016 гг. видится существенно иначе, чем в начале века.

Какие же главные признаки Восточной Европы как геополитической концепции «Междуморья» можно выделить?

Особо следует остановиться на политических процессах, внешней формой которых выступает трансформация юридического статуса границ в Восточной Европе. Государственные границы стран Варшавского договора и СЭВ, т. е. границы между союзниками первоначально трансформировались в границы между государствами-конкурентами. (Это относилось к самому широкому спектру конкуренции, начиная от

борьбы за право первоочередного вступления в НАТО, до конфронтации на западном рынке замороженных овощей.) В данном контексте вспомним договор между ЧССР и ВНР о строительстве на Дунае и совместной эксплуатации в будущем комплекса из двух взаимосвязанных ГЭС в районе городов Габчиково (Чехословакия) и Надьмарош (Венгрия). Межгосударственный договор был одобрен и всемерно поддержан решением Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ) в 1977 г. В 1988 г. под давлением «зеленых» венгерские власти отказались от реализации своей части проекта, и в 1989 г. Венгрия вышла из него. После распада СЭВ Словакия в одностороннем порядке перекрыла Дунай и построила свою часть ГЭС в Габчиково, что послужило причиной конфликта. В 1992 г. Венгрия обратилась с жалобой на Словакию в Международный суд в Гааге, в ОБСЕ, СБ ООН. Конфликт произвел крайне негативное впечатление на все страны региона и, что важнее, на западноевропейские столицы и Вашингтон.

В этом контексте рассматриваемых вопросов следует согласиться с мнением З. Бжезинского. Классик геополитики в своей книге «Агония коммунизма», выпущенной еще в СССР стотысячным тиражом (!?), отмечает: «Марксизм-ленинизм не предвидел и не учел тех фундаментальных сил, которые формируют международную ситуацию... Он недооценил роль этноса и национализма» [51]. Это так, но для Восточной Европы марксизм в его конкретной управленческой форме заморозил на десятилетия традиционные межнациональные конфликты. Возникла новая традиция толерантности и деполитизации исторической памяти, более чем благосклонно воспринятая в ЕС. Отметим, что только через 15—17 лет (в 2004 г.) в рамках Евросоюза начали выстраиваться новые инструменты сотрудничества. За этот период крупных конфликтов в регионе не возникло. Югославия все-таки, прежде всего Балканы, а уж потом Восточная Европа.

Периферийность Восточной Европы имеет не только пространственное, но и временное измерение. «Жившие часто на одной территории разные средне- и восточноевропейские народы объективно препятствовали политическому самоопределению друг друга в соответствии с классическим принципом XIX века «одна территория — одна нация — одно государство». В Восточной и части Средней Европы утвердилась не модель полиэтнического государства-нации, как в Западной Европе, а моноэтнического государства-национальности [29]. Именно поэтому масштабные издержки для политического и экономического суверенитета, связанные с евроинтеграцией, были сочтены оправданными.

Территориальная эволюция СССР не изменила сам характер геополитического проектирования в Восточной Европе, правильнее говорить о сокращении пространственного масштаба. Г.М. Маленков, подводя внешнеполитические итоги развития страны в 1949 г., подчеркивал: «Никогда на протяжении всей своей истории наша Родина не имела столь справедливо и хорошо устроенных государственных границ. Взгляните на карту. На Западе — Украина собрала в одну семью весь свой украинский народ. Устранена историческая несправедливость в

отношении границ Белоруссии и Молдавии. На Западе нет больше Восточной Пруссии — этого многовекового плацдарма для нападения на нашу Родину» [52, с. 5—6]. Это задало новые географические рамки «проектов Междуморья».

В свою очередь, распад СССР вернул западные территории СССР в геополитическое проектирование. «Белорусский Народный Фронт» и «Народный Рух» Украины в конце 80-х и начале 90-х гг. активно разрабатывали идею Балто-Черноморского Содружества (БЧС). На более позднем этапе (в июле 1994 г.) в Киеве было подписано соглашение между 15 партиями шести стран (Белоруссии, Эстонии, Литвы, Латвии, Польши, Украины), которое назвали Лигой партий стран «Междуморья».

В сентябре 1997 г. в Вильнюсе состоялась встреча президентов государств Центральной и Восточной Европы — Белоруссии, Болгарии, Венгрии, Латвии, Литвы, Молдавии, Польши, Румынии, Украины, Финляндии и Эстонии. Присутствовал также российский премьер-министр. Официально саммит был устроен с целью обсуждения опыта реформ и концепции Балтийско-Черноморского транспортного коридора. Однако следует принять во внимание, что большинство участников встречи составляли представители стран, провозгласивших главной задачей своей внешней политики вступление в НАТО и ЕС. В Вильнюсе была сделана попытка показать новые рубежи западного сообщества, с одной стороны, хорошо защищенными, а с другой — не очень враждебными по отношению к России, которая при этом оставалась бы вне европейских структур.

После развала Советского Союза впервые публично о необходимости Балто-Черноморского сотрудничества серьезно заговорил на саммите стран региона в Вильнюсе в 1997 г. тогдашний президент Литвы Альгирдас Бразаускас.

В ноябре 1998 г. в Варшаве встречались президенты Польши, Венгрии, Чехии, Украины, Литвы, Латвии, Эстонии и Румынии. Как было неоднократно отмечено на официальных мероприятиях, в столицу Польши приглашены главы государств, с которыми ее объединяет опыт конституционных реформ, тесное политическое и экономическое сотрудничество, совместные цели по интеграции в евро-атлантические структуры.

В августе 2015 г. в Киеве состоялась пресс-конференция на тему: «Создание альянса Балто-Черноморских Наций (АБЧН)». Общественная организация «Балтийско-Черноморская Конфедерация» создана в феврале 2015 г. Любые иные подходы, связанные, к примеру, с Беларусью, были встречены жесткой критикой. Выбор белорусского общества в пользу тесных отношений с Россией оценивался польскими учеными негативно, высказывалось сожаление об упущенных возможностях ориентации на «европейские ценности» [41; 53].

Идеи регионостроительства стали популярны и в Литве. Литовский политолог Э. Некрашас отмечал, что «настойчивые усилия стать региональным лидером отдаляют Литву от Европы»: «осуществляя концепцию регионального лидерства, Литва больше внимания уделяла отно-

шениям с восточными соседями, а не с западными, в первую очередь с важнейшими странами ЕС — Германией, Францией, Соединенным Королевством» [54, р. 141]. Кризис на Украине, спровоцированный Литвой, по большому счету, стоил «четверке» европейского имиджа. Европа разочаровалась в возможностях Вишеградского ансамбля [55].

Следующий принципиально важный вопрос касается оценки российского фактора в формировании и функционировании Балтийско-Черноморских проектов — концепций «Междуморья». Рассмотренные источники и литература убедительно свидетельствуют о том, что данные политические проекты никак не могут считаться нейтральными по отношению к России [56]. Концепция союза восточноевропейских государств изначально предполагает самоидентификацию, где гарантированный «чужой» — Россия в ее любом качестве (имперском, советском или современном). Практически лимитрофы межвоенного периода несли на себе отпечаток двойной пограничности по отношению к России и Западной Европе. Проекты «Малой Антанты», «Балтийской Антанты» и т. п. не привели к созданию эффективных форм сотрудничества, в том числе из-за неясности отношений с Западной Европой. Лишь в варианте «Серединной Европы» проект «Междуморье» становится более чем самодостаточен, но только именно в этом случае. Без Германии любая структура «Междуморья» обладает признаками буферности и пограничности, но не экономической и политической устойчивостью. С другой стороны, любой квазисоюз с Германией означает заведомо подчиненное положение всех остальных участников союза. Возможно, Чехию этот вариант устраивает, Польшу нет.

Сама концепция «Междуморья» предполагает построение блока стран, позволяющего разговаривать с партнерами более убедительно, чем это могло бы делать по отдельности любое государство — от Литвы до Румынии. На практике же ни одного реального проекта балтийско-черноморского сотрудничества не реализовано. Это происходит потому, что на уровне концепций сотрудничество государств «междуморья» всегда позиционируется как равноправное. В основе такого сотрудничества должно находиться экономическое и политическое объединение с транзитивной экономикой, развернутой в теории как на Запад, так и Восток. Однако комплекс исторических, этнографических, географических, конфессиональных причин мешает налаживать взаимовыгодное сотрудничество. Приведем только один пример: концепт Великого княжества Литовского, спроецированный в современность, способен разрушить или ослабить любой проект «Междуморья».

Реальное или гипотетическое противостояние с Россией, безусловно, является значимым интегрирующим фактором, но этого никак недостаточно для того, чтобы Балтийско-Черноморское партнерство превратилось в какой-либо реальный экономический или политический союз. «Восточное партнерство» и суррогаты типа Вишеградской группы свидетельствуют о том, что вопрос о существовании самостоятельного проекта «Междуморья» закрыт. Иное дело, потенциально возмож-

ный проект новой центральноевропейской интеграции (внутри?) ЕС. Новая польская и венгерская политика в вопросах миграции может стать началом объединяющей платформы нового типа.

Ситуация с социальными и экономическими процессами в Европе говорит о том, что любой восточноевропейский проект сам по себе не жизнеспособен. Приведенные в статье примеры политического и экономического конструирования региональной идентичности по принципу «против кого дружите» будут постоянно возникать и столь же часто закрываться. Эффективность проектирования Балтийско-Черноморских союзов лимитируется экономическими факторами. Региональное развитие в регионе «междуморья» было ориентировано в первую очередь на преодоление лимитрофности и периферийности этого региона. Однако конкретных механизмов для этого до сих пор не создано, хотя существует ряд проектов по развитию транспортных транзитных коридоров и инфраструктуры. Экономической сердцевиной идеи «междуморья» является транспортная составляющая. В феврале позапрошлого года совместно с Беларусью и Литвой в рамках международного транспортного коридора №9 был задействован железнодорожный проект комбинированных перевозок «Викинг» по маршруту Ильичевск — Клайпеда.

Польша намерена построить автомагистраль S19, которая является частью общеевропейского маршрута Via Carpathia. Об этом заявил польский министр инфраструктуры и строительства А. Адамчик в одном из первых своих интервью после назначения. «Маршрут S19 должен быть реализован. Автомагистраль S19 будет находиться в восточной части Польши, пересекая страну с севера на юг. Дорога начинается у литовской границы (Будзиско), проходит через Сувалки, Белосток, Люблин, Жешув и заканчивается на границе со Словакией (Барвинек)». В этом же контексте следует рассматривать и проект «Rail Baltica» [57].

Подведем итоги. Геополитические изменения в Евразии в конце 80-х — начале 90-х гг. предыдущего столетия привели к появлению разнообразнейших моделей экономического и политического сотрудничества. Адаптируясь к новым условиям по форме, проекты «Междуморья» содержательно являются фактором, сдерживающим развитие Восточной Европы как политического и экономического региона. Восточная Европа как историческая и политическая общность и объективная реальность имеет все возможности для самостоятельного и самодостаточного развития. Некритичное смешение объективных характеристик Восточной Европы как региона, заинтересованного в сотрудничестве с Россией, и изначально антироссийской концепции «Междуморья» особенно контрпродуктивно в современных условиях.

Список литературы

1. *Transnational Relations and World Politics* / Keohane R., Nye J. S. (eds). Cambridge: Harvard University Press, 1970.
2. *Fawcett L. Regionalism in Historical Perspective // Regionalism in World Politics* / Fawcett L., Hurrell A. (eds). Oxford University Press, 1995.

3. *Казяюс Ж.* Европейская идентичность // Европейская интеграция: современное состояние и перспективы. Минск, 2001.
4. *Ушаков Н.А.* Суверенитет в современном международном праве. М., 1963.
5. *Ллойд Д.* Идея права. М., 2002.
6. *Walzer M.* On Toleration. Lectures on ethics, politics and economy. Yale University Press, 1997.
7. *Fukuyama F.* State Building: Governance and World Order in the 21st. Century London. Profile, 2004.
8. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / пер. с англ. М., 2003.
9. *Торфлер Э.* Шок будущего / пер. с англ. М., 2003.
10. *Бжезинский З.* «Последний суверен на распутье» // Россия в глобальной политике. 2006. № 1.
11. *Ohmae K.* The End of the nation State. London, 1998.
12. *Mandelc D., Učakar T.* Perforated Democracy: Disintegration, State-building, Europeanisation and the Erased of Slovenia // REVIJA ZA SOCIOLOGIJU. 2011. №41. P. 27—49.
13. *Суверенитет* : сборник / сост. Н. Гараджа. М., 2006.
14. *Идея суверенитета в российском, советском и постсоветском контексте* : материалы научного семинара. М., 2008. Вып. №4 (13).
15. *Иванов В.В.* Теория государства. М., 2010.
16. *Асимметрия мировой системы суверенитета: зоны проблемной государственности* / под ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой. М., 2011.
17. *Государство в эпоху глобализации: экономика, политика, безопасность* // Мировое развитие / отв. ред. Ф.Г. Войтоловский и А.В. Кузнецов. М., 2008. Вып. 3.
18. *Добронравиш Н.* Непризнанные государства в «серой зоне» мировой политики: основы выживания и правила суверенизации. Препринт М-2 1/11 / Европейский университет. СПб., 2011.
19. *«Замороженные» конфликты: перспективы разрешения, динамика и последствия* / Центр геополитических исследований. Вильнюс, 2007.
20. *Симон М.* Интеграционные процессы в странах Вышеградской группы: роль концепции Центральной Европы // Мировая экономика и международные отношения. 2014. №7.
21. *Лыкошина Л.С.* Европейский вектор развития Польши. Возвращение к истокам или поиск новой идентичности? // «Вишеградская Европа». 2014. №3. (Приложение к журналу Института Европы РАН «Современная Европа». 2014. №4. С. 42.)
22. *Межевич Н.М.* Идентичность и граница: некоторые теоретические вопросы и практики в восточной части Балтийского моря // Балтийский регион. 2014. №3. С. 95—106.
23. *Кузнецова Е.* Ускользающий суверенитет: статус-кво против идеологии перемен. М., 2013.
24. *Giddens A.* Sociology, Polity. London, 1991.
25. *Wildhaber L.* Sovereignty and International Law // R.St.J. Macdonald and Douglas M. Johnston, eds. The Structure and Process of International Law: Essays in Legal Philosophy, Doctrine and Theory. Dordrecht, Netherlands: Nijhoff, 1986.
26. *Кобринская И.* Внутренние факторы внешней политики в посткоммунистической России // Россия политическая. М., 1998.
27. *«Дранг нах остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы.* 1871—1918 гг. М., 1977.
28. *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. М., 1924. Т. 2. С. 98—102.

29. Романенко С.А. Процесс национального самоопределения народов Средней и Восточной Европы: итоги к концу 20 века // *Migracijske teme. Časopis za istraživanja migracija i narodnosti*. Zagreb, 1994. G.10.
30. Coates Z.K. Six centuries of russo-polish relations. London, 1948.
31. Zgorzelski C. *Przywołanie z pamixci*, Lublin, 1996.
32. Swianiewicz S. *Polityka gospodarcza Niemiec Hitlerowskich* // *Biblioteka Polityki*. Warszawa, 1938.
33. Корнат М. У истоков советологических и востоковедческих исследований в Польше (1919—1939). Основные исследовательские центры // *Журнал польского Института международных дел*. 2002. Т. 2. №4(5). С. 170.
34. Симонова Т.М. «Прометеизм» во внешней политике Польши. 1919—1924 // *Новая и новейшая история*. 2002. №4. С. 43—67.
35. Геньк Н.А. Львов — город польско-украинского конфликта и примирения // *EURASIA: STATUM ET LEGEM*. 2014. №1.
36. Гулевич В. Доктрина Междуморья и евроинтеграция Украины. URL: <http://interaffairs.ru/read.php?item=10346> (дата обращения: 17.02.2014).
37. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / пер. с англ. И. Федюкина. М., 2003.
38. Цымбурский В.Л. Как живут и умирают международные конфликтные системы (Судьба балтийско-черноморской системы в XVI—XX вв.) // *Полис*. 1998. №4. С. 52—73.
39. Ильин М.В. Балто-Черноморская система как фактор формирования государств в Восточной Европе // *Политическая наука*. 2008. №1.
40. Тарасов И.Н. Идеологическое перепутье Центрально-Восточной Европы. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=35964> (дата обращения: 27.12.2008).
41. Тарасов И.Н. Выбор формы правления как институциональная проблема посткоммунизма: опыт стран Центрально-Восточной Европы // *ПОЛИТЭКС. Политическая экспертиза*. 2010. №1. С. 83—94.
42. Костюшко И.И. Восточная Европа после «Версаля». М., 2007 (Сер. «Славянская библиотека», «Алетей»).
43. Мир силой оружия. «Восточная Европа после «Версаля». URL: <http://www.svoboda.org/content/article/405502.html> (дата обращения: 03.08.2007).
44. Рябиченко А. Профессор Пал Тамаш предлагает создать «Новую Ганзу». URL: http://russiancouncil.ru/blogs/norrsida/?id_4=833 (дата обращения: 22.11.2013).
45. Мальгин А.В. «Новая Восточная Европа» и стратегические интересы России. URL: http://mgimo.ru/gpf-yaroslavl/210341.html?sphrase_id=127957 (дата обращения: 21.12.2015).
46. Носков В.В. Изобретая Центрально-Восточную Европу. К выходу в свет коллективного труда польских и французских историков «История Центрально-Восточной Европы» // *Диалог со временем*. 2010. №32.
47. Романенко С.А. Межэтнические противоречия, региональное самосознание и политические союзы в южной части Средней Европы в конце XIX — начале XX в. // *Вестник Российского государственного гуманитарного университета* Сер. «Международные отношения. Регионоведение». 2012. №7 (87).
48. Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М., 2000.
49. Zernack K. *Polska i Rosja: dwie drogi w dziejach Europy* // *Wiedza Powszechna*. Warszawa, 2000. S. 783.
50. Казин Ф.А. Закат транзитологии или «серая зона» Европы? // *Центр международной и региональной политики*. URL: <http://www.cirp.ru/publications/kazin/transition.htm> (дата обращения: 21.12.2015).

51. *Бжезинский З.* Агония коммунизма // Квинтэссенция: Филос. Альманах / сост. В.И. Мудрагей, В.И. Усанов. М., 1990.

52. *Маленков Г.М.* 32-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1949.

53. *Wierzbicki A.* Nacjonalizm i geopolityka w Europie Wschodniej // Geopolityka w stosunkach polsko-rosyjskich / Uniw. Warszawski; Międzyinstytutowa Pracownia Badań nad Rosją i Państwami Poradzieckimi. Warszawa: Oficyna Wydawnicza ASPRA-JR, 2012. S. 111—112.

54. *Nekrašas E.* Kritiniai pamąstymai apie Lietuvos užsienio politiką // Politologija. 2009. T. 2(54).

55. *Шишелина Л.А.* Обращение к читателям // «Вишеградская Европа». 2014. №3 (Приложение к журналу Института Европы РАН «Современная Европа» 2014. №4. С. 7).

56. *Житин Д.В.* Геополитика России: 400 лет назад и сегодня // Известия РГО. 1994. Т. 126, вып. 6. С. 31—37.

57. *Межевич Н.М.* Внешняя политика государств Прибалтики и крупные инфраструктурные проекты 2010—2014 годов // Балтийский регион. 2014. №1. С. 7—28.

Об авторе

Николай Маратович Межевич, доктор экономических наук, профессор факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: mez13@mail.ru

Для цитирования:

Межевич Н.М. Восточная Европа. К столетнему юбилею политического проекта // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 1. С. 26—47. doi: 10.5922/2074-9848-2016-1-2

EASTERN EUROPE. ON THE CENTENARY OF THE POLITICAL PROJECT

N. Mezhevich*

* Saint Petersburg State University

7—9 Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034, Russia

Submitted on December 10, 2015

This article describes the characteristics of Eastern Europe as a political project. The author considers the genesis of Eastern Europe as a political region and identifies several periods in its history. The author analyses key features of sovereignty-desovereignization of the region and examines geopolitical projects of Intermarium. It is shown that Eastern Europe as such is an objective reality, whose history has not ended. At the same time, the author advances and proves the thesis

that various 'Baltic/Black Sea' cooperation models aimed at isolating Russia act against the interests of all participants of the political process. A number of methods, including the historical and structural functional analyses and the system approach are used in the study. The central hypothesis is that, as a political project, Intermarium reflects an important part of the systemic features of Eastern Europe as a political region. However, it is not identical to the region in terms of its geography or political regionalism. The anti-Russian sentiment of the Intermarium project is dominant. Yet, it is not immanent in this group of concepts. Reformatting the Intermarium concept in line with the new Moscow-Warsaw-Berlin cooperation model can be considered a feasible political task, which requires an adequate scientific solution. Moreover, Eastern Europe has reached the point of bifurcation. The region may become another new source of instability in Europe. Intermarium projects — a traditional object of research — have to be re-evaluated in the new political and economic conditions. This article is a step in this direction.

Key words: Eastern Europe, Russia, Poland, European Union, periphery, limitrophe states, identity, sovereignty, Intermarium.

References

1. Keohane, R., Nye, J. S. (eds). 1970, *Transnational Relations and World Politics*, Cambridge, Harvard University Press.
2. Fawcett, L. 1995, *Regionalism in Historical Perspective*. In: Fawcett, L., Hurrell, A. (eds) *Regionalism in World Politics*, Oxford University Press.
3. Kazajus, J. 2001, 'Evropejskaja identičnost' [European identity], In: *Evropejskaja integracija: sovremennoe sostojanie i perspektivy* [European Integration: current situation and prospects], Minsk.
4. Ushakov, N. A. 1963, *Suverenitet v sovremennom mezhdunarodnom prave* [Sovereignty in contemporary international law], Moscow.
5. Lloyd, D., 2002, *Ideja prava* [The Idea of Law.], Moscow.
6. Walzer, M. 1997, *On Toleration. Lectures on ethics, politics and economy*, Yale University Press.
7. Fukuyama, F. 2004, *State Building: Governance and World Order in the 21st. Century* London. Profile.
8. Huntington, S. 2003, *Stolknovenie civilizacij* [Clash of Civilizations], Moscow.
9. Toffler, E. 2003, *Shok budushhego* [Future Shock], Moscow.
10. Brzezinski, Z. 2006, 'Poslednij suveren na rasput'e' [The last sovereign at the crossroads], *Rossija v global'noj politike* [Russia in Global Affairs], no. 1.
11. Ohmae, K. 1998, *The End of the nation State*, London.
12. Mandelc, D., Učakar, T. 2011, 'Perforated Democracy: Disintegration, State-building, Europeanisation and the Erased of Slovenia', *Revija za sociologiju*, no. 41, p. 27—49.
13. Garaja, N. (comp.), 2006, *Suverenitet* [Sovereignty], Moscow.
14. 'Ideja suvereniteta v rossijskom, sovet'skom i postsovet'skom kontekste' [The idea of the sovereignty of the Russian, Soviet and post-Soviet context], 2008, Proceedings of scientific seminar *Civilizational context and value of Russian policy grounds*, no. 4 (13).
15. Ivanov, V. V. 2010, *Teorija gosudarstva* [Theory of state], Moscow.
16. Ilyin, M. V., Kudryashov, I. V. (eds.), 2011, *Asimetrija mirovoj sistemy suvereniteta: zony problemnoj gosudarstvennosti* [The asymmetry of the global system of sovereignty: the problem of statehood zone], Moscow.

17. Voytolovsky, F. G., Kuznetsov, A. V. 2008, Gosudarstvo v jepohu globalizacii: jekonomika, politika, bezopasnost' [The state in the era of globalization: economics, politics, security]. In: *Mirovoe razvitie* [World development], no. 3, 219 p.
18. Dobronravin, N. 2011, *Nepriзнанные gosudarstva v «seroj zone» mirovoj politiki: osnovy vyzhivaniya i pravila suveren* [Unrecognized States in the "gray zone" of world politics: the survival of the foundations and rules of the sovereign], Saint Petersburg.
19. «Zamorozhenny» konflikty: perspektivy razresheniya, dinamika i posledstviya ["Frozen" conflicts: the prospects for resolution, dynamics and consequences], 2007, Vilnius, Centre for Geopolitical Studies.
20. Simon, M. 2014, Integracionnyye processy v stranah Vyshegradskoj gruppy: rol' koncepcii Central'noj Evropy [Integration processes in the Visegrad countries: the role of the Central European concept], *Mirovaya jekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], no. 7, p. 23.
21. Lykoshina, L. S. 2014, Evropa, Evropejskij vektor razvitiya Pol'shi. Vozvrashhenie k istokam ili poisk novej identichnosti? [Europe, European vector of development of Poland. Back to basics, or search for a new identity?], *Vishegradskaja*, no. 3; *Sovremennaja Evropa* [Modern Europe], 2014, no. 4, p. 42.
22. Mezhevich, N. 2014, Borders and Identity in Theory and Practice of the Eastern Baltic Region, *Baltic Region*, no. 3, p. 95 – 106.
23. Kuznetsova, E. 2013, *Uskol'zajushhij suverenitet: status-kvo protiv ideologii peremen* [Escaping sovereignty: the status quo against the ideology of change], Moscow.
24. Giddens, A. 1991, *Sociology, Polity*, London.
25. Wildhaber, L. 1986, Sovereignty and International Law. In: Macdonald, R. St. J., Douglas M. Johnston (eds.), *The Structure and Process of International Law: Essays in Legal Philosophy, Doctrine and Theory*, Dordrecht, Netherlands, p. 440—441.
26. Kobrinskaya, I. 1998, Vnutrennie faktory vneshnej politiki v postkommunisticheskoj Rossii [Rossija politicheskaja Rossija politicheskaja]. In: *Rossija politicheskaja* [Russian political], Moscow.
27. Volkov, V. K. (ed.), 1977, «Drang nah osten» i narody Central'noj, Vostochnoj i Jugo-Vostochnoj Evropy. 1871—1918 gg. ["Drang nach Osten" and the peoples of Central, Eastern and South-Eastern Europe. 1871—1918 gg.], Moscow.
28. Ludendorff, E. 1924, *Moi vospominaniya o vojne 1914—1918 gg.* [My memories of the war of 1914—1918.], T. 2, Moscow, p. 98—102.
29. Romanenko, S. A. 1994, Process nacional'nogo samoopredeleniya narodov srednej i vostochnoj Evropy: itogi k koncu 20 veka [The process of national self-determination of the peoples of Central and Eastern Europe: results of the end of the 20th century]. In: *Migracijske teme. Časopis za istraživanja migracija i narodnosti*, Zagreb, p. 10.
30. Coates, Z. K. 1948, *Six centuries of russo-polish relations*, London.
31. Zgorzelski C., 1996, *Przywołanie z pamixci*, Lublin.
32. Swianiewicz, S. 1938, Polityka gospodarcza Niemiec Hitlerowskich, *Biblioteka Polityki*, Warszawa.
33. Kornat, M. 2002, U istokov sovetologicheskikh i vostokovedcheskikh issledovanij v Pol'she (1919—1939). Osnovnye issledovatel'skie centry [At the root of Sovietological and Oriental Studies in Poland (1919—1939). Main research centers], *Zhurnal pol'skogo instituta mezhdunarodnyh del* [Journal of the Polish Institute of International Affairs], T. 2, no. 4(5), p. 170.
34. Simonova, T. M. 2002, «Prometeizm» vo vneshnej politike Pol'shi. 1919—1924 ["Prometheism" in the foreign policy of Poland. 1919—1924], *Novaja i novejšaja istorija* [Modern and Contemporary History], no. 4, p. 43—67.

35. Genyk, N. A. 2014, L'vov – gorod pol'sko-ukrainskogo konflikta i primirenija [Lions - a city of the Polish-Ukrainian conflict and reconciliation], *EURASIA: STATUM ET LEGEM*, no. 1, p. 15.
36. Gulevich, V. 2014, Doktrina Mezhhdumor'ja i evrointegracija Ukrainy [The doctrine of Land Between the Seas and the European integration of Ukraine], *Mezhdunarodnaja zhizn'* [International Affairs], available at: URL: <http://interaffairs.ru/read.php?item=10346> (accessed 17.02.2014).
37. Wulf, L. 2003, *Izobretaja Vostochnuju Evropu: Karta civilizacii v soznanii jepohi Prosveshhenija* [Inventing Eastern Europe: Map of civilization in the minds of the Enlightenment], Moscow.
38. Tsymbursky, V. L. 1998, Kak zhivut i umirajut mezhdunarodnye konfliktnye sistemy (Sud'ba Baltijsko-chernomorskoj sistemy v XVI—XX vv.) [How to live and die international conflict system (fate of the Baltic-Black Sea system in the XVI—XX centuries)], *Polis*, no. 4, p. 52—73
39. Ilyin, M. V. 2008, Balto-Chernomorskaja sistema kak faktor formirovanija gosudarstv v Vostochnoj Evrope [Baltic-Black Sea system as the factor of formation of states in Eastern Europe], *Politicheskaja nauka* [Political science], no. 1.
40. Tarasov, I. N. 2008, *Ideologicheskoe pereput'e Central'no-Vostochnoj Evropy* [The ideological crossroads of Central and Eastern Europe], available at: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=35964> (дата обращения: 27.12.2008).
41. T. Tarasov, I. N. 2010, Vybor formy pravlenija kak institucional'naja problema postkommunizma: opyt stran Central'no-Vostochnoj Evropy [Selection of forms of government as an institutional problem of post-communism: the experience of the countries of Central and Eastern Europe], *POLITJeKS. Politicheskaja jekspertiza* [POLITEKS. Political expertise], no. 1. С. 83—94.
42. Kosciuszko, I. I. 2007, Vostochnaja Evropa posle "Versalja" [Eastern Europe after the "Versailles"], Ser. Slavjanskaja biblioteka [Slavonic library], Moscow.
43. Smirnov, I. 2007, Mir siloj oruzhija. «Vostochnaja Evropa posle «Versalja» [World by force of arms. "Eastern Europe after the" Versailles"], *Radio Svoboda* [Radio Liberty], available at: <http://www.svoboda.org/content/article/405502.html> (accessed 03.08.2007).
44. Ryabichenko, A. 2013, Professor Pal Tamash predlagaet sozdat' «Novuju Ganzu» [Professor Pal Tamas proposes to create a "New Hansa", *Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam* [Russian Council on International Affairs], available at: http://russiancouncil.ru/blogs/norrside/?id_4=833 (accessed 22.11.2013).
45. Malgin, A. V. 2011, «Novaja Vostochnaja Evropa» i strategicheskie interesy Rossii ["New Eastern Europe" and the strategic interests of Russia], MGIMO-University, available at: http://mgimo.ru/gpf-yaroslavl/210341.html?sphrase_id=127957 (accessed 21.12.2015).
46. Noskov, V. V. 2010, Izobretaja Central'no-Vostochnuju Evropu. K vyhodu v svet kollektivnogo truda pol'skih i francuzskih istorikov «Istorija Central'no-Vostochnoj Evropy» [Inventing the Central-Eastern Europe. By the release of a collective work of Polish and French historians "History of East Central Europe"], *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], no. 32, p. 323.
47. Romanenko, S. A. 2012, Mezhetnicheskie protivorechija, regional'noe samoznanie i politicheskie sojuzy v juzhnoj chasti Srednej Evropy v konce XIX — nachale HH v [Inter-ethnic conflicts, regional identity and political alliances in the southern part of Central Europe in the late XIX — early XX century], *Vestnik Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet Ser. Mezhdunarodnye otnoshenija. Regionovedenie* [Bulletin of the Russian State Humanitarian University, Ser. International relationships. Area Studies], no. № 7 (87).

48. Brzezinski, Z. 2000, *Velikaja shahmatnaja doska (Gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy)* [The Grand Chessboard (American Primacy and Its Geostrategic Imperatives)], Moscow, 110 s.
49. Zernack Klaus Polska i Rosja: dwie drogi w dziejach Europy, 2000. In: *Wiedza Powszechna*, Warszawa, S. 783.
50. Kazin, F. A. Zakat tranzitologii ili «seraja zona» Evropy? [Sunset transitology or "gray zone" of Europe?], 2015, *Centr mezhdunarodnoj i regional'noj politiki* [Center for International and Regional Policy], available at: <http://www.cirp.ru/publications/kazin/transition.htm> (accessed 21.12.2015).
51. Brzezinski, Z. 1990, Agonija kommunizma [Agony of communism]. In: Mudragey, V. I., Usanov, V. I. Kvintjessencija: Filos. Al'manah [Quintessence: Philos. Almanac], Moscow, 269 p.
52. Malenkov, G. M. 1949, *32-ja godovshhina Velikoj Oktjabr'skoj sociali-sticheskoj revolucii* [32th anniversary of the Great October Socialist Revolution], Moscow, p. 5—6.
53. Wierzbicki ,A. Nacjonalizm i geopolityka w Europie Wschodniej, 2012, *Geopolityka w stosunkach polsko-rosyjskich*, Warszawa, S. 111—112.
54. Nekrašas, E. 2009, Kritiniai pamąstymai apie Lietuvos užsienio politiką, *Politologija*, no. 2(54), p. 141.
55. Shishelina, L. A. 2014, Европа, Obrashhenie k chitateljam [Preface], *Vishegradskaja Evropa* [Visegrad Europe], no. 3; Prilozhenie k zhurnalu Instituta Evropy RAN «Sovremennaja» [Supplement to the journal of the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences "Modern"], 2014, no. 4, p. 7.
56. Zhitin, D. V. 1994, Geopolitika Rossii: 400 let nazad i segodnja [Geopolitics of Russia: 400 years ago and today], *Izvestia RGO*, Vol. 126, no. 6, p. 31—37.
57. Mezhevich, N. M. 2014, Major infrastructure projects and the foreign policy of the Baltic states in 2010—2014, *Baltic Region*, no. 1, p. 7—28.

About the author

Prof Nikolai Mezhevich, School of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: mez13@mail.ru

To cite this article:

Mezhevich N. M. 2016, Eastern Europe. On the centenary of the political project. Baltijskij region, Vol. 8, no. 1, p. 26—47. doi: 10.5922/2074-9848-2016-1-2

**ПОЛИТИКА США
ПО СОЗДАНИЮ СИСТЕМ
ПРОТИВОРАКЕТНОЙ
ОБОРОНЫ В БАЛТИЙСКОМ
И СЕВЕРОЕВРОПЕЙСКОМ
РЕГИОНАХ**

В. Н. Коньшев*
А. А. Сергунин*
С. В. Субботин**

Рассматриваются последствия создаваемой в Балтийском и Североευропейском регионах системы противоракетной обороны (ПРО) США для военной безопасности России. На основе метода структурно-функционального анализа изучаются внутренние особенности программы ЕвроПРО, этапы ее реализации и влияние на региональный военно-стратегический баланс. Отмечается, что ЕвроПРО, как и другие региональные системы противоракетной обороны Пентагона, усиливает ударный потенциал вооруженных сил США и их союзников и тем самым фактически перестает выполнять сугубо оборонительные задачи, на чем настаивает Вашингтон. Подчеркивается, что размещение мобильных элементов ПРО морского и наземного базирования на Балтике и в Северной Европе неизбежно приведет к дестабилизации стратегической ситуации и новому раунду гонки вооружений в регионе. Оцениваются эффективность ЕвроПРО с военно-технической точки зрения, а также ее возможности по созданию реальных угроз военной безопасности России и ее вооруженным силам. Рассматриваются меры по укреплению своей безопасности, которые Россия могла бы принять в случае полномасштабной реализации планов США по развертыванию ЕвроПРО.

Ключевые слова: противоракетная оборона, США, Балтийский регион, Северная Европа, Россия

**Введение: ПРО
в современной стратегии США**

Проблема ПРО в международных отношениях не нова, она восходит своими корнями к периоду холодной войны. Однако в последние годы она приобрела особое значение на фоне ухудшения отношений России как с США, так и с Западом в целом.

* Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, Санкт-Петербург,
Университетская набережная, 7—9

** Нижегородский филиал НИУ
«Высшая школа экономики»
603155, Россия, Нижний Новгород,
ул. Б. Печерская, 25/12

Поступила в редакцию 10.12.2015 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2016-1-3

© Коньшев В. Н., Сергунин А. А.,
Субботин С. В., 2016

Сегодня проблема ПРО играет ключевую роль в политике обеспечения безопасности на разных уровнях: глобальном, региональном и национально-государственном.

На глобальном уровне ракетные технологии и системы оружия получили быстрое распространение и становятся доступными даже негосударственным субъектам политики. Режим нераспространения ракетных технологий оказался малоэффективен. По данным США, общее количество баллистических ракет в мире достигает 5900 единиц — и это без учета arsenалов великих держав [34]. Сегодня в международной политике обладание ракетным оружием размывает грань между слабыми и сильными государствами, делая их отношения менее предсказуемыми.

Ситуацию усугубил односторонний выход США (2002 г.) из Договора по ПРО 1972 г., который вместе с Договором по ОСВ-1 был краеугольным фактором стабильности в годы холодной войны, накладывая ограничения на развитие как наступательных, так и оборонительных ракетных систем. Таким образом, по инициативе США проблема ПРО оказалась выведенной из-под международно-правового контроля, что объективно создает потенциал глобальной дестабилизации. Что же стоит за такими изменениями в политике Вашингтона?

На государственном уровне современная военная стратегия США делает ставку на опережающее развитие систем ПРО, которые должны, с одной стороны, блокировать ракетный удар любого потенциального противника, с другой стороны, обеспечить США возможность нанесения обезоруживающего удара по противнику с помощью ядерных или неядерных средств поражения [13]. Системы ПРО более не являются только оборонительными средствами, а стали неотъемлемой частью стратегического наступательного потенциала США [11; 12]. Поэтому далеко не случайно официальные лица США заявляют, что не пойдут на принципиальные ограничения по развитию своей ПРО.

Сохраняя претензии на глобальное лидерство, США стремятся создать глобальную систему ПРО, которая включает в себя национальную систему ПРО для защиты собственной территории [13] и региональные подсистемы ПРО. Региональные системы, создаваемые вместе с союзниками, должны усиливать возможности национальной ПРО, обеспечивая эшелонированную оборону США, начиная с дальних подступов. Заодно США предоставляют определенные гарантии безопасности региональным союзникам и создают себе дополнительные рычаги военно-политического влияния.

На региональном уровне развертывание систем ПРО неизбежно провоцирует другие государства на создание своего ракетно-ядерного потенциала [14; 15]. Тем самым не только обостряются военно-политические противоречия, но и ускоряется гонка вооружений в таких сферах, как ракетные технологии, высокоточное оружие, системы связи, космическое оружие.

США отводят регионам Балтийского моря (РБМ) и Северной Европы (РСЕ) важную роль в создании систем ПРО. Какие цели военно-стратегического характера ставит при этом Вашингтон? Что из себя

представляет американская ПРО в этих регионах? Какие планы по развитию систем ПРО в РБМ и РСЕ имеются у Пентагона? Какие меры для обеспечения своей безопасности должна предпринять Россия в связи с этими планами? Ответы на эти вопросы намерены дать авторы данной статьи.

Система ЕвроПРО: общая характеристика

Официальная цель ЕвроПРО — защита от ракетной атаки на Европу и США со стороны Ирана и Сирии. При этом США избегают любых договорных ограничений на ЕвроПРО, когда речь идет об интересах безопасности России. В то же время представители США и НАТО всячески подчеркивают ненаправленность ЕвроПРО против России и ограниченные возможности системы по перехвату современных межконтинентальных баллистических ракет (МБР). В частности, западные эксперты и политики утверждают, что ЕвроПРО не защищает от массивной ракетно-ядерной атаки со стороны России или Китая и в этом отношении не представляет серьезной угрозы для их стратегических ядерных сил (СЯС).

Однако еще до урегулирования проблемы ядерной программы Ирана государственный секретарь США Дж. Керри и тогдашний министр обороны Ч. Хейгел заявляли, что соглашение с Тегераном не устраняет необходимости продолжить реализацию планов по ЕвроПРО [24; 32]. Реальные цели США прояснил генеральный секретарь НАТО А. Расмуссен: «Цель системы противоракетной обороны НАТО — защита Европы от реальной угрозы. По меньшей мере, тридцать стран мира либо имеют баллистические ракеты, либо стремятся ими обзавестись... радиус действия ракет увеличивается, и некоторые из них, размещенные за пределами Евроатлантического региона, уже можно нацелить на европейские города» [31]. Это означает, что ЕвроПРО в перспективе будет нацелена и на российские СЯС.

Общее охлаждение российско-американских отношений и украинский кризис только усугубили ситуацию. Если ранее речь шла лишь об угрозе со стороны Ирана и Сирии, и Россия на том этапе выступала потенциальным партнером в обеспечении европейской безопасности, то сегодня все реже говорится о сотрудничестве с Россией в связи с созданием ЕвроПРО. И наоборот, усилилась враждебная по отношению к России риторика: в заявлениях заместителя генерального секретаря НАТО А. Вершбоу [29], сторонников «жесткой» линии в конгрессе США, разработках неконсервативных «мозговых центров» типа Фонда наследия [23] наша страна все чаще характеризуется не как партнер, а как противник, в отношении которого ЕвроПРО нужна для сдерживания. Наконец, статус «агрессора» был закреплен за Россией в Стратегии национальной безопасности США, опубликованной в феврале 2015 г. [28, р. 2, 4, 19, 25].

С военно-технической точки зрения в состав ЕвроПРО входят корабли, оснащенные боевой управляющей системой «Иджис», собствен-

ными радарными и противоракетами SM-3; наземный вариант «Иджис» с ракетами SM-3 (Ashore); наземные мобильные ЗРК *THAAD* и «Пэтриот-3»; радары различного радиуса действия в стационарном и мобильном вариантах; беспилотные летательные аппараты и спутники связи. ЕвроПРО создается так, чтобы обмениваться данными о параметрах ракетных пусков с национальной ПРО США, образуя эшелонированную систему защиты. В частности, радары раннего предупреждения о ракетном нападении с дальностью обнаружения до 5 тыс. км размещены на Алеутских островах, в Калифорнии, Массачусетсе (США), Великобритании, Гренландии, Норвегии и Японии. Кроме того, существуют специализированные радары для распознавания ложных целей с дальностью до 2 тыс. км, которые могут перемещаться по морю в угрожаемый регион. Задачи обнаружения пусков и связи между всеми элементами ПРО выполняют космические спутники.

Планы администрации Б. Обамы по созданию ЕвроПРО были изложены в 2009 г. в документе под названием «Европейский поэтапный адаптивный подход» (ЕПАП). Так, Б. Обама объявил об отказе от плана предыдущей администрации по размещению 10 противоракет шахтного базирования GBI в Польше и радара ПРО в Чехии. Вместо этого была предложена новая архитектура ПРО, в которой планируется задействовать мобильные противоракетные комплексы морского и наземного базирования. Элементы ПРО, размещаемые на территории европейских стран и в акваториях прилегающих морей, будут включены в более широкую систему, так называемую ЕвроПРО, или ПРО НАТО. Развитие системы ЕвроПРО разделено на четыре этапа (табл.).

Основные этапы создания ЕвроПРО

Этап	Сроки	Содержание этапа
1-й	2011	Развертывание комплексов ПРО для защиты от ракет малой и средней дальности; радаров AN/TPY-2 с перспективой взаимодействия с радарными на Аляске и в Калифорнии; ввод в строй 23 кораблей с системой «Иджис» и 111 противоракет SM-3 Block IA. Развертывание кораблей «Иджис» в Средиземном море
2-й	2015	Модернизация комплексов ПРО для защиты от ракет малой и средней дальности, установка в Румынии наземного варианта «Иджис» и развертывание более совершенных противоракет SM-3 Block IB. Обеспечение защиты юга Европы от гипотетических пусков ракет из Ирана и Сирии. Доведение количества кораблей «Иджис» до 41 и количества SM-3 до 341 единицы
3-й	2018	Модернизация комплексов ПРО для защиты от ракет среднего и промежуточного радиуса действия. Развертывание наземного комплекса «Иджис» в Польше и более совершенных противоракет SM-3 block IIА. На этом этапе ЕвроПРО обеспечивает защиту всех европейских членов НАТО от ракетного нападения
4-й	2020	Модернизация ПРО для борьбы с ракетами межконтинентальной дальности за счет развертывания противоракет новейшей модели SM-3 Block IIB. На этом этапе потенциальными целями ПРО становятся и российские МБР

Однако 15 марта 2013 г. на пресс-конференции в Вашингтоне тогдашний министр обороны США Ч. Хейгел заявил о реструктуризации программы ЕПАП. Реализация четвертого этапа была отложена на период после 2020 г., а вместо этого запланировано размещение 14 дополнительных противоракет GBI шахтного базирования на Аляске и дополнительного радара AN/TPY-2 в Японии [22]. В своем заявлении Ч. Хейгел не сообщил о полном отказе от четвертой фазы ЕПАП, которая отложена вследствие сокращения военного бюджета США и некоторых технических проблем. В будущем США могут вернуться к реализации своего проекта. Однако были и другие важные причины реструктуризации планов ЕвроПРО, связанные с неэффективностью создаваемой системы и необходимостью ее пересмотра [27].

ЕвроПРО и РБМ

Важнейшая часть ЕвроПРО реализуется в РБМ, а 3-я фаза ЕПАП непосредственно связана с Польшей. Принятые изменения по 3-й фазе коснулись лишь типов разворачиваемых антиракет: вместо самой скоростной SM-3 Block IV, доработка которой была остановлена решением конгресса США, к 2018 г. в Польше решили развернуть более медленные SM-3 Block IIА. Некоторые российские специалисты считают, что это кардинально не влияет на тактико-технические характеристики создаваемого противоракетного комплекса [9], поскольку противоракеты могут быть впоследствии заменены.

Всего планируется развертывание 48 противоракет SM-3 на севере Польши в г. Редзиково. К тому же министр обороны Польши заявил о создании собственной мобильной системы ПРО к 2023 г., которая должна будет дополнить систему ЕвроПРО. При необходимости ПРО Польши будет передаваться под командование НАТО. Польские эксперты считают, что «инвестиции в собственную ПРО являются лучшим способом защититься от ракетного «шантажа» со стороны России». США выразили желание сотрудничать с Польшей по вопросу создания ее собственной системы ПРО [35].

Кроме того, Вашингтон и Варшава договорились о развертывании американских ЗРК «Пэтриот-3» в 100 км от российской границы. Дополнительный протокол к противоракетному соглашению с Польшей «превращает прежде ограниченную базу ракет-перехватчиков в полноценный противоракетный комплекс с собственным радаром, пунктами управления и тылового обеспечения (статья IV)» [10]. Для обслуживания и обучения соглашение предусматривает размещение нескольких сотен американских военнослужащих.

Польша вместе с Эстонией, Латвией и Литвой — активные сторонники создания локальных «противоракетных союзов», причем явно антироссийской направленности. В апреле 2012 г. президенты этих стран обсуждали «строительство союзной системы противоракетной обороны

в ответ на распространение асимметричных ракетно-ядерных угроз, в том числе на фоне информации о наращивании российского ракетного потенциала в Калининградской области» [8, с. 137].

В Польше и странах Балтии вообще сложились наиболее радикальные и антироссийские настроения по поводу создания систем ПРО. При этом по вопросам безопасности Польша претендует на лидерство не только в РБМ, но и в Восточной и Центральной Европе в целом, а гарантом региональной безопасности польские лидеры считают США и НАТО. На этом фоне в августе 2014 г. они обратились к НАТО с просьбой перенацелить систему ЕвроПРО против России. Данное предложение Литвы, Латвии, Эстонии и Польши было обосновано тем, что эти государства чувствуют угрозу со стороны России в связи с украинскими событиями. Не желая открыто вставать на антироссийскую позицию, руководство альянса на саммите НАТО в Уэльсе эту просьбу отвергло. Против, в частности, была Германия, которая еще до саммита заявила, что этот шаг будет «ненужной провокацией» Москвы [19].

США призывают Европу активнее участвовать в реализации программ ПРО [33]. Они стараются убедить союзников в том, что обновленный проект ЕвроПРО выгодно отличается гибкостью за счет сочетания мобильных средств ПРО морского и наземного базирования. Это позволяет более оперативно реагировать на угрозы, возникающие с разных стратегических направлений.

США также заинтересованы в том, чтобы перевести создаваемую ЕвроПРО под эгиду НАТО. Во-первых, это позволит США разделить финансовые затраты с союзниками. Правда, «старые» члены альянса (ФРГ, Франция, Италия и пр.) рассчитывают, что их вклад в ЕвроПРО будет носить символический характер. Но США явно не собираются в одиночку оплачивать строительство дорогостоящих систем ЕвроПРО [2].

Во-вторых, США выгодно поставить развертывание системы ПРО под контроль НАТО для того, чтобы обеспечить большую международно-правовую легитимность и прикрыть фактическое американское руководство системами ПРО. При этом США рассчитывают закрепить свое военно-техническое и политическое влияние на своих европейских партнеров именно по линии НАТО, так как они не имеют подобных инструментов воздействия на них через ЕС.

ПРО и Северная Европа

США стремятся привлечь как в НАТО, так и в программу ЕвроПРО государства, не входящие в военный альянс — Финляндию и Швецию. Если до начала украинского кризиса они занимали достаточно сдержанную позицию по этим вопросам, принимая во внимание озабоченности России, то после воссоединения Крыма с Россией и событий на Донбассе идея сдерживания России и вступления в НАТО набирают все больше сторонников в этих странах, особенно в Швеции [16].

Из числа стран РСЕ Нидерланды в 2011 г. заявили о своем желании присоединиться к программе ЕвроПРО и установить на четырех кораблях радарные системы Smart-L [4]. В 2014 г. свое желание присоединиться к системе ЕвроПРО анонсировала и Дания, которая закупила ЗРК «Пэтриот-3» [20]. Но официально Копенгаген заявил, что присоединение к системе ЕвроПРО не направлено против России, а должно обеспечить защиту от «государств-изгоев, террористических организаций и тех, кто имеет возможность нанести ракетный удар по Европе и США». Уже после обострения ситуации на Украине Дания открыто заявила, что будет вносить свой вклад в сдерживание России в рамках НАТО. Планируется переоснащение нескольких фрегатов новейшими радарными, что позволит в дальнейшем включить их в систему ЕвроПРО [21].

Часть государств РСЕ занимают в отношении программ ПРО особое положение в том плане, что некоторые из них, такие как Дания (через Гренландию) и Норвегия, фактически входят в НОРАД, которая обеспечивает противоздушную и противоракетную оборону США и Канады на северном направлении. Эта инфраструктура традиционно связана с российско-американским ракетно-ядерным сдерживанием, продолжающимся со времен холодной войны. В Туле (Гренландия) установлен радар, входящий в систему НОРАД, который с разрешения Дании в 2004 г. был модернизирован для задач ПРО. Принято решение о расширении военно-воздушной базы в Кангерлуссаке, расположенной в западной части Гренландии. Норвегия тоже имеет опыт длительного сотрудничества с США в области ПРО. В норвежском г. Вардё с 1998 г. находится радар раннего предупреждения о ракетном нападении «Глобус-2», который работает совместно с радаром, установленным в Великобритании. «Глобус-2» имеет дальность около 4500 км, что позволяет получать данные о ракетных пусках практически на всех российских полигонах, а также контролировать акваторию Северного Ледовитого океана.

Военные специалисты США активно изучают возможности развертывания систем ПРО морского базирования с использованием корабельных соединений с системой «Иджис» в акваториях, прилегающих к Гренландии и Шпицбергену. По оценке экспертов Международного института стратегических исследований (Великобритания), именно в этом случае российские СЯС окажутся в наиболее уязвимом положении, если иметь в виду ответный удар по США, поскольку баллистические траектории из России в Северную Америку проходят близко к Северному полюсу [26, р. 93].

Несмотря на развитую информационную инфраструктуру ПРО, для США остается актуальной задача создания средств для обнаружения пусков, производимых с российских стратегических ядерных подводных лодок. В этом плане США планируют включить систему слежения за российскими подводными ракетносцами в единый комплекс с системами ПРО. Агентство Пентагона по перспективным разработкам DARPA начало специальную программу по созданию системы слеже-

ния в Северном Ледовитом океане. В отличие от предыдущих систем слежения, предусматривается размещение специальных датчиков не только на дне морей, но и прямо на ледяной поверхности Арктики [17].

Как ответит Россия?

Развертывание элементов ПРО в РБМ и РСЕ порождает вызовы военной безопасности России. Для их оценки необходимо учитывать совокупные возможности американской ПРО после завершения третьего этапа ЕПАП.

Наиболее важным остается вопрос об уязвимости СЯС России [15]. В настоящее время и обозримой перспективе эффективность американской ПРО как на глобальном уровне, так и на уровне ТВД, не позволяет говорить о надежном перехвате современных российских МБР «Тополь-М», «Булава» и «Ярс». Например, Ю. Соломонов, создатель современных баллистических ракет, считает, что система «Иджис» в лучшем случае рассчитана на перехват не МБР, а «объектов оперативно-тактического уровня, да и то с оговорками» [7]. Ни одна из подсистем американской ПРО («Иджис», ТНААД, GBI, «Пэтриот-3») не обладают характеристиками, позволяющими надежно поражать российские ракеты, оснащенные разделяющимися боевыми блоками, способные маневрировать, создавать помехи средствами радиоэлектронной борьбы и выбрасывать ложные цели. Сейчас американские противоракеты способны перехватить лишь несколько МБР, запущенных такими противниками, как Иран или КНДР. Речь идет о ракетах моноблочного типа и не имеющих средств преодоления ПРО [6, с. 21].

Российские эксперты считают, что главным фактором, существенно снижающим эффективность американской ПРО, являются разработанные в России средства преодоления ПРО, которые способны прорвать даже более эффективную систему, чем США планируют создать к 2020 г. [1; 15]. Простое количественное наращивание современных американских стационарных или мобильных средств ПРО в Польше, в Балтийском и Баренцевом морях тоже не обеспечит достаточно надежной защиты в случае массированного пуска российских МБР, тем более что российские пусковые установки, расположенные восточнее Урала, останутся недостижимыми.

В настоящее время наибольший вызов безопасности России создает информационная составляющая американских ПРО в виде радаров и систем связи и управления. Особенно опасно для России опережающее развитие американских систем космической связи, обслуживающих не только ПРО, но и другие системы высокоточного оружия. США уже имеют радары раннего предупреждения о ракетном нападении, которые покрывают всё северное полушарие. Это означает, что информационные системы, поддерживающие ПРО, будут ориентированы на перехват баллистических ракет, траектории которых проходят через Арктику. Только американский радар «Глобус-II», расположенный в норвеж-

ском г. Вардэ, в непосредственной близости от границ с Россией, позволяет получать данные о баллистических ракетах, запущенных на пространстве от Плесецка до Камчатки [3].

По всей видимости, единственный реализуемый вариант угрозы военной безопасности РФ — перехват российских МБР до момента разделения боевых блоков, на разгонной или средней части траектории. Тогда наиболее вероятный сценарий сводится к попытке США сначала нанести упреждающий обезоруживающий удар по СЯС России, а их остатки нейтрализовать с помощью средств ПРО морского базирования [18].

Сам по себе упреждающий удар едва ли возможен в силу потенциала сдерживания, которым обладает Россия. С другой стороны, противоракеты, запущенные с территории Европы, не выполняют задачу «добивания» российских СЯС. На практике это означало бы, что США заблаговременно развернут силы ПРО и радары морского базирования в Балтийском или Баренцевом морях, но это не останется незамеченным российской стороной. Развернутые силы и средства станут уязвимой мишенью как для российских крылатых ракет, так и береговых ракетно-артиллерийских систем. Поэтому скрытно подготовить подобный удар маловероятно. Да и поддержание крупной корабельной группировки в условиях Арктики требует приспособления и судов, и всей техники к суровым климатическим условиям. Кроме того, в высоких широтах объективно существуют помехи радиосвязи, а спутниковая группировка США пока не способна обеспечить надежную связь и целеуказание. К этому добавляется отсутствие крупных военно-морских баз для снабжения и ремонта при длительном присутствии в Баренцевом море.

Если оценивать вероятность предложенного сценария, то она представляется низкой в современных условиях. Кроме того, стратегические интересы и планы министерства обороны США все более переориентируются в АТР. Об этом говорят не только доктринальные документы, но и фактическая передислокация сил и средств США, расквартированных за рубежом. К 2020 г. 60% сил и средств ВМС США будут ориентированы на контроль так называемой «южной арки», от Персидского залива, через Малаккский пролив и далее до Северной Кореи. В регионе АТР увеличивается количество тактической ударной и дальней бомбардировочной авиации, в Австралии на постоянной основе расквартированы 2500 морских пехотинцев. Часть высвободившихся сил в Афганистане также направляется в АТР [30, с. viii, 16—17, 34—35]. Инфраструктура и средства региональной ПРО, создаваемые США при сотрудничестве с Японией и Израилем, предназначаются в основном для нейтрализации угроз со стороны Ирана, Китая и Северной Кореи.

Хотя дальнейшее развертывание элементов ПРО в Европе в обозримой перспективе не приведет к нейтрализации СЯС России, оно, скорее всего, будет иметь следствием наращивание сил ВМС и авиации в регионе [5]. В целом же развитие элементов глобальной ПРО будет

играть дестабилизирующую роль до тех пор, пока Россия и США находятся в режиме взаимного ядерного сдерживания, и прежде всего в Арктике. Дальнейшее развитие систем ПРО, от которого Вашингтон не собирается отказываться [25, р. 25—26] и которое усиливает стратегический потенциал США, неизбежно приведет в политике балансирования не только со стороны России, но и других потенциальных противников, что ведет к росту конфликтности международных отношений в глобальном масштабе.

Проблема ПРО усугубляется искусственной политизацией, которой способствует не только кризис на Украине, но и антироссийский вектор политики безопасности стран Балтии. Страны РСЕ, прежде всего Норвегия, Дания, Швеция, тоже не против использовать в качестве инструментов давления на Россию «фактор» НАТО и ПРО. Очевидно, что политика США по развитию региональных систем ПРО создает вызовы военной безопасности России как в современных условиях, так и в перспективе.

Вопрос в том, каким должно быть реагирование, достаточное для того, чтобы не допустить превращения вызовов в прямую угрозу военной безопасности России? Фактическое положение дел говорит в пользу того, что в обозримом будущем планы США по созданию достаточно эффективной национальной или региональной ПРО реализованы не будут по финансово-экономическим и технологическим причинам [13].

С учетом этого главного обстоятельства и следует выработать оптимальную стратегию России, не впадая в излишний «алармизм», чреватый не только необоснованными экономическими издержками, но и негативными политическими последствиями. Ультимативное давление на США с требованием полностью вывести системы ПРО из Европы ни к чему не приведет. Необходимо искать разумный компромисс по ограничению функциональных возможностей разворачиваемых систем ПРО вблизи российских границ и мерам доверия. Не отрицая важности политической составляющей, представляется, что более весомое слово в принятии решений на государственном уровне должны получить эксперты, владеющие военно-технической стороной дела.

Можно заметить в этой связи, что с военно-стратегической точки зрения наибольшего внимания заслуживает регион Арктики. Здесь важно развивать возможности Северного флота по противодействию активности подводных флотов, сил и средств ПРО потенциального противника, а также по обеспечению скрытного патрулирования российских стратегических ядерных подводных лодок, т. е. в целом выполнять задачи в рамках традиционного сдерживания.

ЕвроПРО потребует повышенного внимания в случае, если США вернуться к идее реализации 4-го этапа ЕПАП и существенно улучшат скоростные характеристики противоракет (быстрее 5 км/с). Речь идет о завершении работ по SM-3 Block IIВ, которые пока остановлены, и существенном увеличении корабельной группировки с системами «Иджис» в северных морях. Именно тогда станет возможным перехват российских СЯС на разгонном участке траектории. Однако, как следует из

недавно опубликованных рекомендаций экспертов Пентагона, финансирование программ по созданию средств перехвата на разгонной части баллистической траектории следует прекратить как не имеющих реальных перспектив [27, р. 15]. Имеющиеся противоракеты могут быть эффективны в операциях локального уровня и лишь против таких противников, как Иран или Северная Корея.

Кроме того, принимая решение об ответных мерах, необходимо учитывать факторы, повышающие уязвимость российских СЯС [15]. Это, прежде всего, создание США и их союзниками инфраструктуры, обеспечивающей обнаружение, сопровождение и анализ пусков российских МБР. К таким элементам следует отнести:

— строительство новейших стационарных радаров дальнего радиуса действия, а также их мобильных вариантов, размещаемых на морской платформе;

— опережающее развитие военной спутниковой группировки для нужд ПРО;

— совершенствование единой автоматизированной системы управления элементами ПРО регионального и глобального уровней, которая в перспективе позволит более эффективно использовать наступательные средства как для нейтрализации стратегических объектов потенциального противника превентивным ядерным ударом, так и для ведения операций неядерными стратегическими силами;

— создание и активное продвижение региональных элементов ПРО, что позволяет США укреплять военно-политические связи с государствами во всех стратегически важных регионах мира.

Список литературы

1. *Арбатов А.* Противоракетные дебаты: в поисках согласия URL: <http://vpk-news.ru/articles/8917> (дата обращения: 12.10.2014).
2. *Астровский Н.* ФРГ призывает Польшу отказаться от ЕвроПРО. URL: <http://www.belvpo.com/ru/32388.html> (дата обращения: 10.09.2015).
3. *Военная безопасность Арктики* URL: <http://ormvd.ru/pubs/15530> (дата обращения: 12.07.2014).
4. *Генсек НАТО приветствует решение Нидерландов оснастить судна радарными.* URL: http://www.ria.ru/defense_safety/20111006/451093629.html (дата обращения: 05.07.2014).
5. *Дворкин В. З.* ПРО и безопасность в Арктике // Арктика: зона мира и сотрудничества. М., 2011. С. 75—86.
6. *Десять лет без договора по ПРО: проблема противоракетной обороны в российско-американских отношениях : научный доклад.* М., 2012.
7. *Интервью с Ю. Соломоновым* // Воздушно-космическая оборона. 2011. № 6 (63). С. 85—86.
8. *Козин В. П.* Эволюция противоракетной обороны США и позиция России (1945—2013). М., 2013.
9. *Козин В.* ПРО США: «реструктуризация», но не в интересах России. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2013-04-05/1_pro_usa.html (дата обращения: 05.05.2013).

10. *Комментарий* МИД России по поводу вступления в силу соглашения между США и Польшей о размещении в Польше американской противоракетной базы. URL: http://www.mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/4b3c695294590c3d432569cf00384929/936af7972a8ee84ec325790e00343c87!OpenDocument (дата обращения: 09.11.2015).

11. *Кобышев В.Н., Сергунин А.А.* Новая военная доктрина Барака Обамы и национальные интересы России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. № 14 (155). С. 2—9.

12. *Кобышев В.Н., Сергунин А.А.* О новой военной доктрине Б. Обамы // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 3. С. 98—113.

13. *Кобышев В.Н., Сергунин А.А.* Перспективы развития национальной системы противоракетной обороны США // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 33. С. 45—56.

14. *Кобышев В.Н., Сергунин А.А.* США и создание систем ПРО на Ближнем и Среднем Востоке // Азия и Африка сегодня. 2015. № 11. С. 18—24.

15. *Лёвкин И.М., Шацкая В.И.* Оценка эффективности ответных действий Российской Федерации на реализацию концепции размещения ПРО США в Европе // Балтийский регион. 2012. № 1 (11). С. 39—59.

16. *РФ в кольце «друзей»: Швеция и Финляндия задумались о членстве в НАТО.* URL: <http://ria.ru/world/20140903/1022627620.html> (дата обращения: 10.10.2015)

17. *Рябов К.* Американская ПРО и ядерное сдерживание // Национальная безопасность России, США и других стран мира. URL: <http://nationalsafety.ru/n76516> (дата обращения: 13.07.2015).

18. *Храмчихин А.* Неприкрытый морской рубеж. Количество кораблей ПРО у России и США несравнимо URL: http://blackseafleet-21.com/news/1-12-2011_неприкрытj-морскоj-рубеж-количество-кораблей-про-у-россии-и-сша-несравнимо (дата обращения: 01.06.2014).

19. *Baltic Fears: NATO debates directing missile shield against Russia*// Spiegel online. URL: <http://www.spiegel.de/international/europe/nato-considers-missile-shield-directed-against-russia-a-987899.html#spRedirectedFrom=www&referrer=https://www.google.ru/> (дата обращения: 18.10.2014).

20. *Denmark.* Missile Defense Advocacy Alliance. URL: <http://missiledefenseadvocacy.org/intl-cooperation/denmark/> (дата обращения: 23.07.2014).

21. *Denmark Will Join NATO's Missile Defense System.* URL: <http://www.thelocal.dk/20140822/denmark-will-join-natos-missile-defense-system> (дата обращения: 19.10.2014).

22. *DOD News Briefing on Missile Defense from the Pentagon.* URL: <http://www.defense.gov/transcripts/transcript.aspx?transcriptid=5205> (дата обращения: 12.12.2014).

23. *Dodge M.* U.S. Missile Defense Policy After Russia's Actions in Ukraine URL: <http://www.heritage.org/research/reports/2014/03/us-missile-defense-policy-after-russias-actions-in-ukraine> (дата обращения: 14.06.2014).

24. *Iran Talks Won't Change U.S. Missile Plans in Europe, Kerry Says.* URL: <http://www.ncr-iran.org/en/news/iran-world/15154-iran-talks-won-t-change-u-s-missile-plans-in-europe-kerry-says> (дата обращения: 03.12.2014).

25. *Khoo N., Steff R.* “This Program Will Not Be a Threat to Them”: Ballistic Missile Defense and U.S. Relations With Russia And China // Defense & Security Analysis. 2014. Vol. 30, № 1. P. 17—28.

26. *Le Mièrre C., Mazo J.* The Arctic As A Theatre Of Military Operations // Arctic Opening: Insecurity and Opportunity. Adelphy Papaers. London: INSS, 2013. P. 77—100.

27. *Making Sense of Ballistic Missile Defense: An Assessment of Concepts and Systems for U. S. Boost-Phase Missile Defense in Comparison to Other Alternatives* Committee. Washington: The National Academy Press, 2012.
28. *National Security Strategy*. Washington: GPO, 2015.
29. *NATO* official: Russia now an adversary. URL: http://www.washingtonpost.com/politics/nato-official-russia-now-an-adversary/2014/05/01/f7af778e-d141-11e3-a714-be7e7f142085_story.html (дата обращения: 10.08.2014).
30. *Quadrennial Defense Review 2014*. Washington: Department of Defense, 2014.
31. *Rasmussen A.* NATO's New Frontier. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/anders-fogh-rasmussen-presents-the-benefits-of-creating-a-european-missile-defense-system> (дата обращения: 12.11.2015).
32. *Readout of Inaugural Video Teleconference Between Secretary of Defense Chuck Hagel and Russian Minister of Defense Sergey Shoigu* // U. S. Department of Defense. URL: <http://www.defense.gov/releases/release.aspx?releaseid=16432> (дата обращения: 10.09.2015).
33. *Secretary of Defense Speech. Munich Security Conference* // US Department of Defense. URL: <http://www.defense.gov/speeches/speech.aspx?speechid=1828> (дата обращения: 14.11.2015).
34. *The Threat*. Ballistic Missile Proliferation. URL: <http://www.mda.mil/system/threat.html> (дата обращения: 14.10.2015).
35. *Weisgerber M.* U. S. Ready To Assist Poland With Indigenous Missile Defense System. URL: <http://www.defensenews.com/apps/pbcs.dll/article?AID=2014302010028> (дата обращения: 14.10.2015).

Об авторах

Валерий Николаевич Коньшев, доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: konyshev06@mail.ru

Александр Анатольевич Сергунин, доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: sergunin60@mail.ru

Сергей Викторович Субботин, кандидат исторических наук, доцент Нижегородского филиала НИУ «Высшая школа экономики».

E-mail: ssubbotin@hse.ru

Для цитирования:

Коньшев В. Н., Сергунин А. А., Субботин С. В. Политика США по созданию систем противоракетной обороны в Балтийском и Северо-европейском регионах // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 1. С. 48—64. doi: 10.5922/2074-9848-2016-1-3

US MISSILE DEFENCE POLICY IN THE BALTIC AND NORDIC REGIONS

V. Konyshev *

A. Sergunin *

S. Subbotin **

* Saint Petersburg State University

7—9 Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034, Russia

** Nizhny Novgorod Branch

of the National Research University Higher School of Economics

25/12 B. Pechorskaya ul., Nizhny Novgorod, 603155, Russia

Submitted on December 10, 2015

This article examines the implications of the deployment of the US ballistic missile defense (BMD) system in the Baltic and Nordic regions. These implications are to be considered to ensure Russia's military security. Using the structural-functional method, the authors analyse the internal structure of the US BMD in Europe, stages of its implementation, and its influence on the military equilibrium in the region. Being similar to other regional missile defence systems of the Pentagon, BMD in Europe increases the offensive capabilities of the US armed forces and its allies and in doing so, it stops performing a purely defensive mission declared by Washington. It is stressed that the deployment of mobile sea- and land-based BMD elements in the Baltic Sea region and Nordic countries will inevitably destabilize the strategic situation and may lead to a new round of arms race in the region. The efficacy of BMD in Europe is evaluated from the perspective of military technology. The system's potential threats to Russia's military security and its armed forces are assessed. The article considers measures to enhance national security that could be taken by Russia provided the US plans to deploy BMD in Europe are fully implemented.

Key words: ballistic missile defense, US, Baltic region, Nordic countries, Russia.

References

1. Arbatov, A. 2014, Protivoraketnye debaty: v poiskah soglasijaa [Missile debate: in search of consensus], *Voенно-promyshlennyj kurier* [Military-Industrial Courier], available at: <http://vpk-news.ru/articles/8917> (accessed 12.10.2014).
2. Astrovsky, N. 2013, *FRG prizyvaet Pol'shu otkazat'sja ot EvroPRO* [Germany calls on Poland to abandon the European missile defense], available at: <http://www.belvpo.com/ru/32388.html> (accessed 10.09.2015).
3. Konishev V.N., Sergunin A. A. 2014, Voennaja bezopasnost' Arktiki [Military security of the Arctic], *Nacional'nye interesy: priorityety i bezopasnost'* [National interests priorities and safety], p. 56—64, available at: <http://ormvd.ru/pubs/15530> (accessed 12.07.2014).
4. Gensek NATO privetstvuet reshenie Niderlandov osnastit' sudna radarami [The NATO Secretary General welcomes the decision by the Netherlands to equip the radar vessel]. 2011, *RIA Novosti* [RIA News], available at: http://www.ria.ru/defense_safety/20111006/451093629.html (accessed 05.07.2014).

5. Dworkin, V.Z. 2011, PRO i bezopasnost' v Arktike [Missile defense and security in the Arctic]. In: *Arktika: zona mira i sotrudnichestva* [Arctic: Zone of Peace and Cooperation], Moscow, p. 75—86.
6. *Desjat' let bez dogovora po PRO: problema protivoraketnoj oborony v rossijsko-amerikanskih otnoshenijah* [Ten years without an agreement on missile defense: the problem of missile defense in US-Russian relations], 2012, Moscow.
7. Interv'ju s Ju. Solomonovym [Interview with Yu. Solomon], 2011, *Vozdushno-kosmicheskaja oborona* [Aerospace defense], no. 6 (63), p. 85—86.
8. Kozin, V.P. 2013, Jevojucija protivoraketnoj oborony SShA i pozicija Rossii (1945-2013) [The evolution of the US and Russian missile defense position (1945-2013)], Moscow, 365 p.
9. Kozin, V. 2013, PRO SShA: «restrukturizacija», no ne v interesah Rossii [US missile defense system, "restructuring", but not in Russia's interests], *Nezavisimoe voennoe obozrenie* [Independent Military Review], available at: http://nvo.ng.ru/concepts/2013-04-05/1_pro_usa.html (accessed 05.05.2013).
10. Kommentarij MID Rossii po povodu vstuplenija v silu soglashenija mezhdu SShA i Pol'shej o razmeshhenii v Pol'she amerikanskoj protivoraketnoj bazy [Note the Russian Foreign Ministry regarding the entry into force of the agreement between the United States and Poland on the deployment in Poland of American anti-missile base], 2015, *Ministerstvo inostrannyh del Rossijskoj Federacii* [The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation], available at: http://www.mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/4b3c695294590c3d432569cf00384929/936af7972a8ee84ec325790e00343c87!OpenDocument (accessed 09.11.2015).
11. Konishev, V.N., Sergunin, A.A. 2012, Novaja voennaja doktrina Baraka Obamy i nacional'nye interesy Rossii [The new military doctrine of Barack Obama and Russia's national interests], *Nacional'nye interesy: prioritety i bezopasnost'* [National interests priorities and safety], no. 14 (155), p. 2—9.
12. Konishev, V.N., Sergunin, A.A. 2012, O novoj voennoj doktrine B. Obamy [A new military doctrine Obama], *Problemy nacional'noj strategii* [Problems of National Strategy], no. 3, p. 98—113.
13. Konishev, V.N., Sergunin, A.A. 2015, *Perspektivy razvitija nacional'noj sistemy protivoraketnoj oborony SShA* [Prospects of development of the US national missile defense system], *Nacional'nye interesy: prioritety i bezopasnost'* [National interests priorities and safety], no. 33, p. 45—56.
14. Konishev, V.N., Sergunin, A.A. 2015, SShA i sozdanie sistem PRO na Blizhnem i Srednem Vostoke [The United States and the establishment of the missile defense systems in the Middle East], *Azija i Afrika segodnja* [Asia and Africa today], no. 11, p. 18—24.
15. Lyovkin, I.M., Shatskaya, V.I. 2012, Assessment of the efficiency of Russian response to the implementation of US missile defence deployment concept in Europe, no. 1, p. 28—43. DOI: http://journals.kantiana.ru/eng/baltic_region/1077/3109/
16. RF v kol'ce "druz'ej": Shvecija i Finljandija zadumalis' o chlenstve v NATO [Russia in the ring "friends": Sweden and Finland are thinking about NATO membership], 2014, *Ria Novosti*, available at: <http://ria.ru/world/20140903/1022627620.html> (accessed 10.10.2015).
17. Ryabov, K. 2012, Amerikanskaja PRO i jadernoe sderzhivanie [The US missile defense and nuclear deterrence], *Nacional'naja bezopasnost' Rossii, SShA i drugih stran mira* [The national security of Russia, the USA and other countries], available at: <http://nationalsafety.ru/n76516> (accessed 13.07.2015).

18. Hramchihin, A. 2011, Neprikrytyj morskoj rubezh. Kolichestvo korablej PRO u Rossii i SShA nesravnimo [Undisguised maritime boundary. The number of missile ships from Russia and the United States incomparably], *Flot — XXI vek* [Fleet — XXI Century], available at: http://blackseafleet-21.com/news/1-12-2011_neprikrytyj-morskoj-rubezh-kolichestvo-korablej-pro-u-rossii-i-ssha-nesravnimo (accessed 01.06.2014).

19. Baltic Fears: NATO debates directing missile shield against Russia, 2014, *Spiegel online*, available at: <http://www.spiegel.de/international/europe/nato-considers-missile-shield-directed-against-russia-a-987899.html#spRedirectedFrom=www&referrer=https://www.google.ru/> (accessed 18.10.2014).

20. *Denmark. Missile Defense Advocacy Alliance*, 2014, available at: <http://missiledefenseadvocacy.org/intl-cooperation/denmark/> (accessed 23.07.2014).

21. *Denmark Will Join NATO's Missile Defense System*, 2014, available at: <http://www.thelocal.dk/20140822/denmark-will-join-natos-missile-defense-system> (accessed 19.10.2014).

22. *DOD News Briefing on Missile Defense from the Pentagon*, 2014, available at: <http://www.defense.gov/transcripts/transcript.aspx?transcriptid=5205> (accessed 12.12.2014).

23. *Dodge M. U.S. Missile Defense Policy After Russia's Actions in Ukraine*, 2014, available at: <http://www.heritage.org/research/reports/2014/03/us-missile-defense-policy-after-russias-actions-in-ukraine> (accessed 14.06.2014).

24. *Iran Talks Won't Change U.S. Missile Plans in Europe, Kerry Says*, 2014, available at: <http://www.ncr-iran.org/en/news/iran-world/15154-ran-talks-won-t-change-u-s-missile-plans-in-europe-kerry-says> (accessed 03.12.2014).

25. Khoo, N., Steff, R. 2014, This Program Will Not Be a Threat to Them. In: *Ballistic Missile Defense and U.S. Relations With Russia And China*, Defense & Security Analysis, Vol. 30, no. 1, p. 17—28.

26. Le Mière, C., Mazo, J. 2013, The Arctic As A Theatre Of Military Operations. In: *Arctic Opening: Insecurity and Opportunity*, adelphy Papers, London, p. 77—100.

27. *Making Sense of Ballistic Missile Defense: An Assessment of Concepts and Systems for U.S. Boost-Phase Missile Defense in Comparison to Other Alternatives Committee*, 2012, Washington, 282 p.

28. *National Security Strategy*, 2015, Washington, 29 p.

29. *NATO official: Russia now an adversary*, 2014, available at: http://www.washingtonpost.com/politics/nato-official-russia-now-an-adversary/2014/05/01/f7af778e-d141-11e3-a714-be7e7f142085_story.html (accessed 10.08.2014).

30. *Quadrennial Defense Review 2014*, 2014, *Washington: Department of Defense*, 64 p.

31. Rasmussen, A. 2015, *NATO's New Frontier*, available at: <http://www.project-syndicate.org/commentary/anders-fogh-rasmussen-presents-the-benefits-of-creating-a-european-missile-defense-system> (accessed 12.11.2015).

32. Readout of Inaugural Video Teleconference Between Secretary of Defense Chuck Hagel and Russian Minister of Defense Sergey Shoygu, 2015, *U.S. Department of Defense*, available at: <http://www.defense.gov/releases/release.aspx?releaseid=16432> (accessed 10.09.2015).

33. Secretary of Defense Speech. Munich Security Conference, 2015, *US Department of Defense*, available at: <http://www.defense.gov/speeches/speech.aspx?speechid=1828> (accessed 14.11.2015).

34. *The Threat*, 2015, *Ballistic Missile Proliferation*, available at: // <http://www.mda.mil/system/threat.html> (accessed 14.10.2015).

35. Weisgerber, M. 2014, *U.S. Ready To Assist Poland With Indigenous Missile Defense System*, available at: <http://www.defensenews.com/apps/pbcs.dll/article?AID=2014302010028> (accessed 14.10.2015).

About the authors

Prof Valery Konyshov, Department of History and Theory of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: konyshov06@mail.ru

Prof Aleksandr Sergunin, Department of History and Theory of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: sergunin60@mail.ru

Dr Sergey Subbotin, Associate Professor, Nizhny Novgorod Branch of the National Research University Higher School of Economics, Russia.

E-mail: ssubbotin@hse.ru

To cite this article:

Konyshov V. N., Sergunin A. A., Subbotin S. V. The US ballistic missile defence policy in the Baltic and Nordic regions. Baltijskij region, Vol. 8, no. 1, p. 48—64. doi: 10.5922/2074-9848-2016-1-3

**КЛЮЧЕВЫЕ АКТОРЫ
«МЯГКОЙ СИЛЫ»
ГЕРМАНИИ
В СТРАНАХ БАЛТИИ**

*М. Е. Мегем**

*И. П. Максимов**

*П. С. Грицаенко**

Рассматриваются ключевые акторы «мягкой силы» Германии, продвигающие немецкие интересы в страны Балтии. Анализируются политика субъектов «мягкой силы», направленная на формирование позитивного образа Германии в Литве, Латвии и Эстонии. Характеризуется деятельность немецких политических фондов, научно-исследовательских институций, землячеств, религиозных организаций, учреждений, занимающихся популяризацией немецкого языка, образования, науки и культуры. Обращается внимание на то, как Германия использует укорененность немецких традиций в Прибалтике в контексте своей политики. Результаты исследования свидетельствуют о том, что немецкие политические и образовательные фонды являются основными акторами «мягкой силы» Германии, действующими в Прибалтике. Показано, что формирование разноуровневой системы изучения немецкого языка при помощи разнообразных курсов, стипендиальных программ оказывается одной из стержневых стратегий немецких фондов, позволяющих им посредством «высокого немецкого» встраивать прибалтийскую аудиторию в германское информационное пространство. На базе немецкого языка происходит как популяризация немецкой системы образования и образовательных стандартов, так и институционализация партнерства, кооперация и интеграция. Делается вывод о том, что Германия, наряду со Швецией и Россией, является одним из главных внешнеполитических игроков в прибалтийских государствах.

* Балтийский федеральный университет им. И. Канга 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 01.11.2015 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2016-1-4

© Мегем М. Е., Максимов И. П., Грицаенко П. С., 2016

Ключевые слова: «мягкая сила», мягкая сила Германии, отношения Германии и стран Балтии, немецкие политические фонды, Литва, Латвия, Эстония, Прибалтика

Германия, как ни одна другая страна в Европейском союзе, имеет богатый опыт применения «мягкой силы»¹. Такое положение дел можно объяснить следующими обстоятельствами. Во-первых, после всех ужасов Второй мировой войны перед ФРГ стояла задача восстановить «потерянный» внешнеполитический имидж своей страны. Вновь сформировать позитивный образ своего государства без использования методов культурной дипломатии в тех условиях было крайне сложно. Тем более что Западная Германия в течение длительного времени была лишена возможности использовать иные средства, за исключением инструментов «умной силы»². Во-вторых, «западногерманское экономическое чудо» и соответственно прочная ресурсная база дали возможность ФРГ уверенно проводить политику «мягкой силы», а также значительно разнообразило ее арсенал. В-третьих, Западная Германия накопила большой багаж компетенций «мягкой силы» в ходе своего объединения с Восточной Германией.

Прибалтийские территории в жизни Германии имеют немаловажное значение. Немецкая культура представлена в этом регионе уже около 800 лет. В XIII в. ее принесли крестоносцы и ганзейские торговцы. В течение длительного срока немцы оказывали значительное влияние на духовную и материальную культуру местного автохтонного балтского населения³. Немецкое дворянство долгое время играло ключевую роль в развитии Юго-Восточной Балтики. Немецкие традиции проникли во множество сфер жизни, став составной частью культуры эстонцев, латышей, литовцев и других народов, проживающих на этих землях. При проведении политики «мягкой силы» в данном регионе Германия обязательно учитывала эту культурную укорененность.

В 2004 г. страны Балтии вошли в состав Европейского союза. В ходе интеграции Литвы, Латвии и Эстонии перед архитекторами ЕС была поставлена цель «подтянуть» прибалтийские государства к стандартам Евросоюза. Широкий спектр возможностей, который предоставлял ин-

¹ Впервые термин «мягкая сила» в научный оборот ввел американский политолог Джозеф Най в 1990 г. По Д. Наю, «мягкая сила» — это форма политической власти, способность добиваться желаемых результатов на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности, в отличие от «жесткой силы», подразумевающей принуждение против воли. Как считает Най, язык и культура — это «мягкая сила», которая играет ключевую роль в международных отношениях, влияя напрямую или косвенно на мировую политику и деловые связи. Более подробно см.: *Бондаренко А. В.* «Мягкая сила» и «управляемый хаос» — инструменты современной мировой политики. URL: <http://www.hse.ru/data/2014/10/20/> (дата обращения: 20.01.2016).

В Германии используются дефиниции «гражданская сила» (*Zivilmacht*) или «образующая сила» (*Gestaltungsmacht*). См., например: *Deutschland als Gestaltungsmacht. Review 2014.* 12.06.2015. URL: <http://www.aussenpolitik-weiter-denken.de/de/aussensicht/show/article/wie-kann-globale-nachhaltigkeit-gelingen/pages/1.html> (дата обращения: 16.09.2015).

² В данной статье понятие «умная сила» используется как синоним концепту «мягкая сила».

³ Немецкое влияние прослеживается в архитектуре, градостроительстве, праве, языке, искусстве, кулинарии и т. д.

струментарий «мягкой силы», отлично подходил для реализации этих намерений. Фактически Германия в Прибалтике оказалась одним из первых глашатаев европейской интеграции, так как уже с начала 1990-х гг. стала продвигать европейские ценности. Впоследствии образ «богатой и сытой» Германии использовался европейскими политиками для иллюстрации плюсов включения стран Балтии в состав Европейского союза. Так, «мягкая сила» Германии работала в одной связке с «умной силой» ЕС.

При применении политики «мягкой силы» в прибалтийских странах Германия использовала уже наработанный инструментарий. В рамках статьи рассматриваются ключевые субъекты «мягкой силы» Германии, которые — напрямую или опосредовано — представлены в странах Балтии для осуществления ее внешнеполитических приоритетов.

Одними из ведущих акторов «мягкой силы» Германии являются немецкие политические фонды, декларативные задачи которых состоят в продвижении принципов демократии, европейской интеграции, а также в поддержке развития культуры и искусства [1, с. 30]. Из шести основных политических фондов Германии⁴ собственно на территории стран Балтии действуют две организации: Фонд им. Фридриха Эберта и Фонд им. Конрада Аденауэра.

Фонд им. Конрада Аденауэра, поддерживаемый Христианско-демократическим союзом Германии, — центральный игрок, продвигающий с 1993 г. германские и европейские интересы на прибалтийском направлении⁵. Фонд специализируется на так называемом «экспорте демократии» в развивающиеся страны. По мнению идеологов фонда, страны Балтии, граничащие с Россией и Беларусью, удачно подходят для реализации этих целей. В этом контексте балтийские страны выступают в роли площадки для поддержания и развития контактов между политиками, научными учреждениями, общественными институтами прибалтийских государств и их постсоветских соседей [2].

Не удивительно, что среди главных приоритетов работы фонда им. Конрада Аденауэра стоит подготовка и повышение квалификации политических функционеров прибалтийских стран [3]⁶. Кроме того, фонд проводит проекты, касающиеся активизации трансграничного взаимодействия, содействующие обеспечению мира на восточных границах ЕС и НАТО, а также продвигающие евро-атлантические институты [2].

⁴ Фонд им. Фридриха Эберта (Friedrich-Ebert-Stiftung) представляет Социал-демократическую партию Германии (Sozialdemokratische Partei Deutschlands), Фонд им. Фридриха Науманна (Friedrich-Naumann-Stiftung) поддерживает Свободная демократическая партия (Freie Demokratische Partei), Фонд им. Конрада Аденауэра (Konrad-Adenauer-Stiftung) финансирует Христианско-демократический союз Германии, (Christlich Demokratische Union Deutschlands, CDU), Фонду им. Ганса Зайделя (HannsSeidel-Stiftung) покровительствует Христианско-социальный союз в Баварии (Christlich Soziale Union in Bayern), Фонду им. Генриха Бёлля (Heinrich-Böll-Stiftung) помогает Союз 90 / Зеленые (Bundespartei Bündnis 90 / Die Grünen), Фонд им. Розы Люксембург (Rosa-Luxemburg-Stiftung) выражает интересы левых (Die Linke).

⁵ В Литве, Латвии и Эстонии офисы появились в 1993 г.

⁶ Особое значение придается работе с молодыми политиками.

В рамках конференций, дискуссий и семинаров, устраиваемых под эгидой фонда, обсуждаются актуальные события, происходившие и происходящие в ЕС и на постсоветском пространстве [4]⁷. Освещается проблематика соответственно под выгодным для Германии углом зрения. Помимо этого фонд выпускает аналитические доклады, посвященные президентским выборам и выборам в законодательные органы Литвы [5; 6], Латвии [7] и Эстонии [8].

Деятельность организации в странах Балтии координируется региональными офисами, расположенными в латвийской и эстонской столицах, а также контактными офисом, разместившимся в Вильнюсе. Рига отвечает за кооперацию с партнерами из Северной Европы [2]. Таллинский офис ответственен за проекты «Диалог ЕС и России», а литовское представительство делает акцент на белорусском направлении [9].

В 1993—1994 гг. Фонд им. Фридриха Эберта (Friedrich-Ebert-Stiftung) открыл свои двери в латвийской и эстонской столицах. Годом позже бюро появилось в Вильнюсе. Работой трех бюро управляют в Риге, где находится главное представительство фонда в странах Балтии [10]. В Прибалтике фонд поставил перед собой задачи укреплять гражданское общество, сотрудничать с молодежными и женскими организациями, демократизировать политическую культуру, обеспечивать социальную безопасность и социальный диалог, модернизировать профсоюзы, защищать права человека, развивать ресурсосберегающие технологии, бороться против незаконного оборота наркотиков, терроризма и коррупции и т. д. [11].

Арсенал методов и набор стратегий «мягкой силы», присущих Фонду им. Фридриха Эберта, стандартен для подобного рода учреждений: реализация проектов, проведение конференций, воркшопов, круглых столов, дискуссий и летних школ. Вместе с тем фонд выделяет стипендии на докторантуру, бакалаврские и магистерские программы обучения. Претендентами на получение стипендии могут стать те, кто уже является студентом или докторантом в Германии, хорошо владеет немецким языком и состоит в организации, деятельность которой соотносится с целями и задачами фонда. То есть фактически бюро выступает в роли селекционера, собирающего под своей крышей молодую, талантливую и активную прибалтийскую молодежь [12]. Фонд — довольно авторитетная организация, так как среди его партнеров значатся министерства и правительства прибалтийских государств [13].

Фонд им. Фридриха Науманна (Friedrich-Naumann-Stiftung) не имеет прямого представительства в странах Балтии⁸, что не мешает ему взаимодействовать с этим регионом посредством стипендиальных про-

⁷ Примечательно, что белорусское отделение фонда находится в литовской столице.

⁸ Головной офис фонда в Восточной и Юго-Восточной Европе находится в Софии. Декларативные задачи фонда в этом регионе сводятся к продвижению демократии, плюрализма мнений, рыночной экономики и верховенству права. Более подробная информация: Die Stiftung für die Freiheit in der Region Südost-und Osteuropa. URL <http://www.msoe.fnst.org/Suedost-und-Osteuropa/607c154/index.html> (дата обращения: 12.10.2015).

грамм, которыми могут воспользоваться одаренные студенты, обучающиеся в Германии, а также докторанты, намеренные защищать свои диссертации в немецких учебных заведениях [14]. Отметим, что фонд обязательно поддерживает контакты со своими бывшими стипендиатами. Для этого создана сетевая структура под названием «Союз стипендиатов и бывших стипендиатов» («Verband der Stipendiaten und Alt-Stipendiaten») [15].

Так, немецкие политические фонды в рамках реализации проектов, проведения конференций занимаются лоббизмом, продвижением и идеализацией германской политической модели и политических институтов, германской внешнеполитической картины мира, подспудно формируя представления о превосходстве своей парадигмы развития. Кроме того, важная составная часть их работы — отбор и подготовка молодых кадров, которые, возможно, через какой-то период времени займут высокие посты в государственном аппарате, бизнесе, образовательных, социальных и муниципальных структурах⁹. В данном случае немецкие политические фонды оказываются в роли учителей, обучающих своих грантополучателей, как надо «правильно» управлять своими странами, а также «верно» интерпретировать международные события.

Выразителями германских интересов в странах Балтии равным образом выступают фонды, специализирующиеся на работе в области образования, науки и культуры. Основная миссия таких фондов заключается в популяризации немецкого языка и немецкой системы образования. Здесь прежде всего стоит выделить деятельность таких фондов, как Германская служба академических обменов (Deutscher Akademischer Austauschdienst, далее DAAD) и Институт Гёте (Goethe-Institut).

Ключевой инструмент DAAD — стипендиальные программы, позволяющие прибалтийским ученым, студентам и докторантам проходить обучение, проводить исследования, повышать квалификацию в германских научных или образовательных институтах¹⁰. С аналогичной целью страны Балтии могут посетить немецкие исследователи, студенты и аспиранты¹¹. Всего же для жителей стран Балтии по линии DAAD¹² предоставляется 87 программ, помогающих пройти стажировку в Германии [18]¹³.

⁹ Например, фонд им. Конрада Аденауэра проводит проект, в ходе которого молодые политики из балтийских государств посещают Германию, где перенимают опыт у своих коллег из Христианско-демократического союза Германии [3].

¹⁰ В 2014 г. обладателями краткосрочных и долгосрочных стипендий в Германии стали 118 эстонцев [16], 177 латвийцев [17] и 143 литовца [18].

¹¹ В 2014 г. 412 немцев получили гранты на обучение в Эстонии [16], 356 — в Латвии [17], 351 — в Литве [18].

¹² В кооперации с такими немецкими фондами, как Общество Лейбница (Die Leibniz-Gemeinschaft), Фонд Александра фон Гумбольдта (Alexander von Humboldt-Stiftung), Немецкий фонд окружающей среды (Deutsche Bundesstiftung Umwelt), Фонд Герды Хенкель (Gerda Henkel Stiftung) и т. д.

¹³ Например, научные стажировки в Германии для преподавателей вузов и ученых, стипендии для аспирантов и молодых ученых, которые проводят свои исследования в Германии, групповые образовательные стажировки для иностранных студентов в Германии, повторное приглашение в Германию бывших

Поддержка совместных проектов и кооперации между прибалтийскими и немецкими вузами — еще одна генеральная линия работы DAAD. Как считают в DAAD, тем самым решаются две задачи: повышается авторитет и конкурентоспособность немецких университетов и совершенствуется система образования в Литве, Латвии и Эстонии¹⁴. С этой целью в 2005 г. в Риге создано «Балтийско-немецкое бюро высшей школы» (Das Baltisch-Deutsche Hochschulkontor) [19; 20]¹⁵, которое выступает в роли «немецкого центра» в странах Балтии, занимающегося организацией научного сотрудничества и академического обмена между Германией и Прибалтикой. Бюро не случайно расположено в Риге. По мнению представителей DAAD, латвийская столица, равно как и в ганзейский период, благодаря своему географическому положению прекрасно подходит для трансфера идей в балтийские государства. В долгосрочной перспективе планируется открытие аналогичных центров в Вильнюсе и Таллине [20]. За 10 лет существования бюро в процессе проектной деятельности были созданы такие структуры, как: «Информационный центр DAAD» (DAAD Informationszentrum), «Контактное бюро высшей школы земли Мекленбург-Передняя Померания» (Kontaktbüro Hochschulen Mecklenburg-Vorpommern)¹⁶, «Учебный центр профессионального немецкого языка» (Lernzentrum Fachsprache Deutsch)¹⁷, «Центр немецкого права» (das Zentrum Deutsches Recht)¹⁸, программа

стипендиатов, стипендии для защиты докторских диссертаций, для тех, кто уже получил докторскую степень (постдокторская работа), международные парламентские стипендии для выпускников вузов (стажировки для выпускников вузов в немецком бундестаге).

¹⁴ Немецкие университеты получают финансирование для организации мероприятий, которые способствуют расширению и институционализации партнерства между прибалтийскими и немецкими вузами: совместные семинары, летние школы, краткосрочные ознакомительные туры, стажировки, исследовательские командировки и т. д. Более подробно об этом см.: *Anschlussförderung Strategische Partnerschaften und Thematische Netzwerke*. URL: [https://www.daad.de/hochschulen/ausschreibungen/projekte/de/11342-foerderprogramme-findnen/?zland\[\]=22&s=1&projektid=57212410](https://www.daad.de/hochschulen/ausschreibungen/projekte/de/11342-foerderprogramme-findnen/?zland[]=22&s=1&projektid=57212410) (дата обращения: 16.09.2015).

¹⁵ Предтечей «Балтийско-немецкого бюро высшей школы» был проект «Еврофакультет Рига» (Eurofakultät Riga), в рамках которого в 1993—2004 гг. происходила подготовка юристов, экономистов и специалистов в сфере управления. Учредителями бюро были DAAD, Латвийский университет, Рижский технический университет и Министерство образования, науки и культуры земли Мекленбург-Передняя Померания.

¹⁶ Задача центра — укрепление сотрудничества между университетами, научно-исследовательскими учреждениями земли Мекленбург-Передняя Померания и балтийскими странами.

¹⁷ Центр располагает справочной и учебной литературой, узкоспециализированными словарями в таких областях, как медицина, юриспруденция, экономика и физика и т. д.

¹⁸ Центр консультирует по поводу учебных программ немецкого и европейского права, имеющих в германских вузах (на немецком или английском языке).

«Партнерство институтов в области германистики» (Germanistische Institutspartnerschaften)¹⁹, «Школа докторантов имени Владимира Адмони» (Vladimir-Admoni-Doktorandenschule)²⁰.

Помимо DAAD в Прибалтике на ниве культурного сотрудничества и продвижения немецкого языка работает Институт Гёте (Goethe-Institut). Первое представительство института в странах Балтии появилось в Риге в 1992 г. [21], спустя шесть лет (в 1998 г.) офисы открылись в Таллине [22] и Вильнюсе [23].

Деятельность Института Гёте можно разделить на два блока. Во-первых, учреждение занимается популяризацией немецкого языка. Для этого оно — либо на базе своих представительств, либо на базе партнерских учреждений²¹ — организует курсы изучения немецкого языка. Они ориентированы как на начинающих изучение или уже владеющих языком, так и на тех, кто изучает «профессиональный» немецкий язык. Кроме того, институт позволяет пройти обучение дистанционно. После окончания курса выпускники могут сдать экзамен и получить сертификат на знание немецкого языка, необходимого для учебы и работы в Германии.

Особое значение институт придает повышению квалификации преподавателей немецкого языка, предоставляя им возможность пройти переаттестацию и обеспечивая их современной учебной литературой. Фонд старается тесно сотрудничать с прибалтийскими школами, организуя для учащихся различные мероприятия [22]²², а также поддерживая их стипендиями. Не забывает институт и про детские сады, в которых проводятся всевозможные конкурсы [22].

Отдельные представительства располагают библиотеками, в которых как учителя, так и все интересующиеся могут познакомиться с новыми материалами по изучению немецкого языка²³ [21]. Помимо этого институт активно сотрудничает с ведущими прибалтийскими библио-

¹⁹ В рамках программы осуществляется индивидуальная поддержка студентов, докторантов и исследователей в области германистики. Программа действует между такими вузами, как Университет Даугавпилс и Марбургский университет, Латвийский университет и Фрайбургский университет, Университет Тарту и Гёттингенский университет, Вильнюсский университет и Университет Дуйсбург-Эссен, Университет Витовта Великого и Гейдельбергский университет.

²⁰ Институт выделяет стипендии для докторантов из Латвии, Литвы и Эстонии. В проекте участвуют 16 высших учебных и образовательных учреждений из Даугавпилса, Каунаса, Клайпеды, Риги, Тарту, Вентспилса, Вильнюса, Эссена, Фрайбурга, Гиссена, Геттингена, Гейдельберга, Майнца и Марбурга.

²¹ В Литве — это «Общественный языковой центр» (The Public Service Language Centre) <http://vikc.lt/en/about-us>, в Эстонии — Институт немецкой культуры в Тарту и Таллине. Эти два эстонских института являются некоммерческими организациями, поддерживаемыми Министерством иностранных дел Германии. Подробнее об этом см.: Deutsches Kulturinstitut. URL: <http://www.dki.ee/haridus/?p=40&lang=de> (дата обращения: 22.10.2015).

²² Например, акция «Международные молодежные дебаты».

²³ Только литовское представительство не имеет своей библиотеки.

теками²⁴, в которых открыты так называемые «немецкие библиотеки», предоставляющие посетителям сведения о Германии, о ее культурной, политической, социальной и экономической жизни [23].

Второй важный фронт работы институции касается пропаганды немецкой культуры. В этой сфере Институт Гёте является центральным игроком в странах Балтии. В Литве, Латвии и Эстонии институт реализует проекты²⁵ и проводит многочисленные мероприятия, которые погружают жителей Прибалтики в немецкую культуру: конференции, лекции, семинары, чтения, кинопоказы, фото- и художественные выставки, театральные и танцевальные постановки, музыкальные концерты²⁶. Так, в Эстонии с 2010 г. реализуется проект «Немецкая весна», в ходе которого прибалтийскую публику знакомят с последними тенденциями культурной жизни ЕС, приглашая всемирно известных музыкантов, писателей и других деятелей культуры. Каждую осень в кинотеатрах Таллина или Тарту демонстрируются популярные современные немецкие фильмы (в том числе с Берлинского кинофестиваля) [22]. Особое значение институт придает информационному освещению этих событий в местной прессе [21]. Тем самым создается позитивный фон межкультурного взаимодействия.

Формирование разноуровневой системы изучения²⁷ немецкого языка при помощи разнообразных курсов, стипендиальных программ — одна из ключевых стратегий немецких образовательных фондов, позволяющих им посредством «высокого немецкого» встраивать прибалтийскую аудиторию в германское информационное пространство. Здесь большое значение придается функционированию центров, распространяющих информацию о Германии и помогающих овладеть языком. На базе немецкого языка происходит как популяризация немецкой системы образования и образовательных стандартов, так и институционализация партнерства, кооперация и интеграция в области науки²⁸. При этом главная роль в данном процессе отведена германским учреждениям, которые чаще всего распоряжаются финансовыми ресурсами и иницируют, учитывая сильные стороны прибалтийских коллег, научные исследования.

²⁴ Эстонская национальная библиотека в Таллине, городская библиотека в Пярну, университетские и публичные библиотеки Вильнюса, Клайпеды, Каунаса.

²⁵ Например, проект «Современный немецкий театр в Литве», «Художники и Куршская коса», «Комиксы в Германии, Латвии, Литве и Эстонии», «Расширение возможностей использовать помещения», «Из цифр в физику: библиотека как интерфейс».

²⁶ Институт Гёте в прибалтийском пространстве репрезентует себя как ньюсмейкера в сфере европейской культуры.

²⁷ Работа ведется в детских садах, школах, университетах. В высших учебных заведениях стипендиальные программы предлагаются не только студентам, но и докторантам, преподавателям, административному персоналу.

²⁸ Наряду с этим Германия достаточно гибко подходит к процессу обучения и исследования в своей стране, позволяя в определенных случаях делать это на англоязычном. Тем не менее сама стипендиальная система устроена таким образом, чтобы стимулировать обладателя гранта изучать немецкий язык.

Вместе с тем, выделяя финансирование, содействуя повышению уровня компетенции и квалификации персонала, Германия развивает прибалтийские страны, что является еще одним важным аспектом немецкой политики «мягкой силы»: позитивный образ Германии конструируется за счет видимости преимуществ взаимодействия. Кроме того, научные и образовательные фонды, приглашая и поддерживая стипендиатов, проводят своего рода селекционную политику: лучшие, наиболее активные студенты, докторанты, преподаватели и ученые остаются для работы в Германии²⁹. Стоит также учитывать обратную сторону академического обмена: Литву, Латвию и Эстонию с учебными или исследовательскими целями посещают немецкие граждане, часть из которых впоследствии потенциально могут выступить экспертами по данному региону.

Историческая наука — еще одна важная деталь механизма «мягкой силы» Германии. В этом ключе научные институции, специализирующиеся на изысканиях в области прибалтийского прошлого, нередко выступают проводниками немецкой политики в балтийских странах. Их деятельность в первую очередь направлена на идентификацию следов исторической близости Германии как с прибалтийскими территориями, так и с народами, которые на этих землях проживают [24, с. 184]. При этом основной фокус научных центров направлен на популяризацию богатого немецкого наследия в прибалтийских государствах. В том числе упор делается на освещение творчества немецких деятелей культуры, так или иначе связанных со странами Балтии. В Литве, к примеру, это лауреат Нобелевской премии по литературе Томас Манн³⁰, в Латвии — писатель и драматург Эдуард фон Кайзерлинг³¹, в Эстонии — архитектор Иоганн Вильгельм Краузе³² и т. д.

В 2002 г. в Люнебурге на базе Института культуры и истории немцев Северо-Восточной Европы был создан Нордост-Институт (Nordost-Institut)³³, занимающийся исследованием трех регионов: Польши, России и Прибалтики. Изучение балтийской истории для Нордост-Института имеет немаловажное значение [25]³⁴: выпускаются работы по истории Прибалтики [26], переводятся труды прибалтийских уче-

²⁹ В отличие от политических фондов, подготавливающих кадры для работы на внутреннем прибалтийском направлении.

³⁰ С 1930 по 1932 г. Томас Манн жил в Ниде.

³¹ В 1890—1895 гг. жил в латвийском регионе Курзема.

³² Иоганн Вильгельм Краузе в 1796—1828 гг. проживал в Лифляндии и являлся автором проекта главного корпуса Тартуского университета.

³³ Более подробная информация в интервью с профессором Деннингхаусом: *Немецкий историк: 1939—1945 гг. для историков стран Балтии — политика*. Rubaltic.Ru. 24.06.2013. URL: <http://www.rubaltic.ru/article/kultura-i-istoriya/nemetskiy-istorik-1939-1945-gg-dlya-istorikov-stran-baltii-politika240613/> (дата обращения: 12.11.2015).

³⁴ Примечательно, что в составе института больше всего научных сотрудников, специализирующихся на прибалтийской истории.

ных, касающиеся немецкого прошлого Восточной Европы, воплощаются в жизнь проекты, проводятся конференции и исследования, связанные с проблематикой наследия немецких диаспор в Прибалтике [27], организуются стажировки для прибалтийских коллег в немецких библиотеках. Один из главных результатов работы Нордост-Институт — это издание трехтомника по истории стран Балтии от древних времен до начала XXI, т. е. своего рода немецкая версия прибалтийского прошлого [28]. С 2012 г. в стенах Таллинского университета при содействии Нордост-Института предмет «Немецкая история и культура в Прибалтике» преподает приглашенный из Германии профессор, деятельность которого в течение первых пяти лет финансируется немецкой стороной³⁵. Помимо основной работы, приглашенный профессор регулярно организует конференции, открытые семинары и летние школы, тесно сотрудничая при этом с эстонскими школами и музеями [29].

Балтийская историческая комиссия (Baltische Historische Kommission), основанная в 1951 г. в Геттингене, консолидирует на своей платформе немецких и прибалтийских ученых [30]³⁶. Задача комиссии заключается в исследовании прибалтийской истории. Интерес к прошлому немецкого населения в Прибалтике является для институции отправной точкой. Важная составляющая Балтийской исторической комиссии — интенсивная совместная работа историков Германии и балтийских стран. Комиссия выпускает три серии изданий³⁷, в которых могут публиковаться не только ее члены, но и другие специалисты в области прибалтийской старины. Кроме того, она участвует в подготовке журнала «Исследования балтийской истории» [31]³⁸. Вместе с тем комиссия ведет исследовательские проекты, в том числе по изданию работ по прибалтийской проблематике. Ежегодно (с 1947 г.) в Гёттингене она организует встречи историков, в рамках которых перед широкой аудиторией с докладами выступают специалисты в области прибалтийской истории [32]. На сайте комиссии, помимо комплекса немецкоязычных

³⁵ Аналогичная профессорская ставка имеется в университетах Чехии, Румынии и Венгрии.

³⁶ Из 92 постоянно действующих членов: 4 латыша, 12 эстонцев, 1 литовец. Из 34 член-корреспондентов — 9 латышей, 11 эстонцев, 1 литовец. В состав правления входит гражданин Эстонии.

³⁷ «Источники и исследования балтийской истории» («Quellen und Studien zur baltischen Geschichte»), «Записки балтийской исторической комиссии» («Schriften der Baltischen Historischen Kommission»), «Прибалтика в истории и современности» («Das Baltikum in Geschichte und Gegenwart»). Также издаются библиографии работ, опубликованные на немецком языке по прибалтийской истории; «Балтийская библиография» («Baltische Bibliographie»).

³⁸ С 2006 г. Университет Тарту и Таллинский университет в кооперации с коллегами Рижского университета издают на немецком языке ежегодник «Исследования балтийской истории». Журнал публикуется на средства Эстонии, Латвии и Германии.

источников³⁹, размещены «онлайн-словари»: «Балтийский биографический словарь» («Baltisches Biografisches Lexikon»), повествующий об известных немцах, связанных с балтийской историей⁴⁰, а также «Балтийский юридический словарь 1710—1940 гг.» («Baltisches Rechtswörterbuch 1710—1940»), помогающий разобраться в хитросплетениях немецкого права, действовавшего на прибалтийских территориях.

Поддержку в научных изысканиях прибалтийским историкам оказывает Институт Гердера (Herder-Institut), расположенный в Марбурге и специализирующийся на изучении стран Восточной Европы. Институт Гердера регулярно назначает стипендии прибалтийским докторантам и ученым на исследования тем, которые прямо или косвенно связаны с немецким прошлым [33]⁴¹. Марбургское учреждение имеет в распоряжении хорошую инфраструктуру и богатую библиотеку, онлайн-каталог которой представлен, помимо немецкого и английского, также на русском, литовском, латышском и эстонском языках. В процессе стажировки стипендиаты погружаются в германскую историографию, знакомясь с немецкоязычными источниками и литературой. После окончания научно-исследовательской практики институт обязательно поддерживает контакт со своими стипендиатами, высылая им журналы, в которых делится актуальной информацией о своей деятельности, а также приглашая их на свои летние школы и научные коллоквиумы. В дополнение, Институт Гердера проводит проекты, затрагивающие немецко-балтийскую историю [34]⁴².

Косвенное отношение к истории стран Балтии имеет научно-исследовательская организация под названием академия «Балтика» (Academia Baltica)⁴³, проводящая научные мероприятия и занимающаяся издательской работой в области прошлого стран Балтийского региона. Страны Балтии здесь интегрированы в контекст Балтийского региона [35].

Таким образом, «положительный» образ Германии отчасти базируется на позитивном прочтении общего совместного немецко-прибалтийского прошлого. Публикуются труды, поддерживаются исследования, в которых прежде всего освещаются страницы истории, связанные с культуртрегерским потенциалом немецкого населения, длительное

³⁹ Например, «Курляндские грамоты грузов или товарные записи» («Kurländische Güterurkunden»), «Иоганн Вильгельм Краузе, воспоминания» («Johann Wilhelm von Krause, Erinnerungen») и т. д.

⁴⁰ До этого в 1970 и 1998 гг. выходили две бумажные версии.

⁴¹ За последние семь лет 15% всех докторантов и ученых, проходивших стажировку в Институте Гердера, были из Прибалтики. Свои исследования они посвящали таким темам, как «Проблема балтийского культурного достояния в контексте переселения балтийских немцев», «Коллекция произведения искусств немецкого балтийского дворянства в XIX в.», «Культура питания балтийских немцев в Новое время», «Язык литовского меньшинства в северной части Восточной Пруссии в межвоенный период», «Культурное самоуправление и немецкое меньшинство в Эстонии в 1918/25—1940 гг.» и т. д.

⁴² Например, проект «Виртуальный читальный зал для балтийских архивов».

⁴³ Среди спонсоров академии — Музей оккупации Латвии.

время широко представленного на просторах Юго-Восточной Балтики⁴⁴. Упор делается на успехи и достижения прибалтийских немцев в области искусства, литературы, архитектуры. При этом Германия не стесняется поддерживать изучение «болевых точек» своего прибалтийского прошлого, в том числе касающегося Холокоста и Второй мировой войны. Здесь можно вести речь об определенной форме исторической политики памяти Германии, связанной с покаянием. Через покаяние Германия репрезентует себя как страну, которая полностью смогла признать свою вину, что делает ее особой, исключительной по сравнению с другими государствами.

Большое внимание в рамках этой политики уделяется сетевому взаимодействию между немецкими и прибалтийскими научно-исследовательскими центрами, отдельными учеными. Литовские, латвийские и эстонские историки получают стипендии, их приглашают на конференции и предоставляют возможность работать в немецких библиотеках и архивах. Исторические журналы на немецком языке, издаваемые при активном участии германской стороны, выступают в качестве платформы, на которой происходит обсуждение актуальных тематик.

В странах Балтии, как и в других регионах, ранее компактно заселенных немецкоязычным населением, действуют институты немецкого землячества, цель которых — сохранение национальной идентичности через культивирование немецкой культуры и традиций, а также активизацию контактов между Прибалтикой и Германией. В дискурсе землячеств постоянно подчеркивается значимость для стран Балтии местной прибалтийской немецкой культуры, важность общего немецко-прибалтийского прошлого и крепкая давняя связь между этими территориями и Германией.

Подобного рода союзы соотечественников организуют культурные мероприятия и встречи своих членов, представляют землячества в государственных учреждениях Прибалтики и Германии, поддерживают связи с общественными и религиозными организациями, фондами, компаниями, органами власти. Землячества занимаются мемориальными практиками⁴⁵, поиском новых партнеров и источников финансирования, помогают при составлении проектных заявок и т. д.

⁴⁴ См., например: *Die baltischen Lande im Zeitalter der Reformation und Konfessionalisierung: Livland, Estland, Ösel, Ingermanland, Kurland und Lettgallen; Stadt, Land und Konfession 1500—1721* / hrsg. von Matthias Ashe. Teil 1, 2, 3. Münster : Aschendorff, 2010 ; *Geschichte der Ostsee: Völker und Staaten am Baltischen Meer* / Wolfgang Froese. — Gernsbach: Katz, 2008 ; *Libau: eine baltische Hafenstadt zwischen Barock und Klassizismus* / von Imants Lancmanis. Köln [u. a.] : Böhlau, 2007 ; *Von der Geschichte zur Gegenwart und Zukunft: mittelständische Wirtschaft, Handwerk und Kultur im baltischen Raum* / Burghart Schmidt (Hg.). Hamburg : DOBU, Wiss. Verl., Dokumentation & Buch, 2006 ; *Ostseeprovinzen, Baltische Staaten und das Nationale* / Norbert Angermann, Michael Garleff, Wilhelm Lenz (Hg.). Münster : LIT, 2005 ; *Deutschbaltische Literaturgeschichte* / Gero von Wilpert. München : Beck, 2005 и т. д.

⁴⁵ Установление табличек, памятных досок, памятников и т. п.

В прибалтийском регионе среди землячеств стоит выделить деятельность таких организаций, как: «Союз немцев Латвии»⁴⁶ (Verband der Deutschen in Lettland) [36], Латвийско-немецко-балтийский центр «Domus Rigensis» (Lettisch-Deutschbaltisches Zentrum «Domus Rigensis») [37], «Ассоциация немцев «Возрождение» в Латвии» (Verein der Deutschen «Wiedergeburt» in Lettland) [38], «Союз немцев Эстонии» (Verein der Deutschen in Estland) [39], «Немецкое общество» в Таллине, Тарту, Ида-Вирумаа, Нарве (Deutsche Gesellschaft) [40], «Союз немцев Литвы» («Verein der Deutschen Litauens»), Вильнюсский союз «Немецкий дом» (Wilnaer Verband «Deutsches Heim») [41], «Союз немцев в Клайпеде» (Verein der Deutschen in Klaipeda) [42] и т. д.

Аналогом прибалтийских землячеств в Германии выступает «Немецко-балтийское общество» (Deutsch-Baltische Gesellschaft), основанное в 1950 г. и объединяющее балтийских немцев и их потомков из Эстонии и Латвии. Головной офис союза находится в Дармштадте. Общество состоит из девяти региональных ассоциаций и шести объединений⁴⁷. Организации из Латвии и Эстонии выступают ассоциированными партнерами. Немецко-балтийское общество проводит конференции, фестивали, концерты, направленные на популяризацию немецкого прибалтийского наследия. Важной составляющей работы общества является сетевое взаимодействие и совместные проекты с прибалтийскими партнерами [43].

Союзниками землячеств выступают различные немецкие религиозные организации, работающие в странах Балтии. В первую очередь здесь нужно отметить «Немецкую Евангелическо-Лютеранскую церковь в Латвии» (Deutsche Evangelisch-Lutherische Kirche in Lettland) [44], которая активно работает на ниве религиозного просвещения. Помимо служб на немецком языке [45]⁴⁸, «Немецкая Евангелическо-Лютеранская церковь в Латвии» устраивает различные культурные мероприятия [44].

В заключение отметим, что Прибалтика является важным регионом для Германии. Доказательством тому служит широко развитая деятельность многочисленных акторов «мягкой силы», применяющих различные стратегии по конструированию позитивного образа Германии и продвижению немецких интересов в странах Балтии. Для реализации «мягкой силы» Германия использует разнообразный набор субъектов, которые базируются как в странах Балтии, так и в ФРГ, работая с Лит-

⁴⁶ Союз имеет отделения в Даугавпилсе, Добеле, Лиепае, Риге, Валмиере, Вентспилсе.

⁴⁷ «Общество Карла Ширрена (Carl-Schirren-Gesellschaft), «Немецко-балтийская церковная служба» (Deutsch-Baltischen Kirchlichen Dienst), «Немецко-балтийский учебный фонд» (Deutschbaltische Studienstiftung), «Немецко-балтийский союз молодежи и студенческих организаций» (Deutschbaltischen Jugend- und Studentening), «Союз балтийских памятников архитектуры» (Verein Baltische Baudenkmäler), «Генеалогическое общество» (Genealogische Gesellschaft).

⁴⁸ В Латвии на немецком языке служба проводится в пяти городах: Риге, Добеле, Валмиере, Даугавпилсе, Лиепае. В Эстонии — в Таллине, Тарту, Вильянди.

вой, Латвией и Эстонией дистанционно. В разных вариациях этот набор агентов присущ большинству стран Восточной Европы, исторически связанных с Германией.

Во-первых, это политические фонды, которые действуют в большинстве стран мира⁴⁹. В нашем случае на их деятельность накладывает отпечаток соседство стран Балтии с Россией и государствами-участниками Восточного партнерства. В этой связи многие из организуемых фондами мероприятий имеют политический подтекст. В рамках своей миссии деятельность подобного рода фондов в первую очередь направлена на «демократизацию» восточных партнеров ЕС, что соотносится с общеевропейской политикой в отношении этого региона⁵⁰. Прибалтийским государствам отводится роль площадки, которую перестраивают по западному образцу для дальнейшего экспорта демократии на Восток.

Интересные результаты показывает контент-анализ публикаций медиарупора «мягкой силы» Германии — «Немецкой волны» (Deutsche Welle). Прибалтийские события в новостных сообщениях часто рассматриваются сквозь призму взаимоотношений ЕС и России. Так, например, в 2015 г. в 73 % публикаций про Эстонию речь идет о России: размещение войск НАТО в Эстонии в контексте российской агрессии, борьба с «русской пропагандой», дело «шпиона» Кохвера и т. д. При этом в 47 % сообщений Россия показана в негативном свете⁵¹.

В Литве, Латвии и Эстонии в обязательном порядке организуются мероприятия, в ходе которых репрезентуется европейская/германская точка зрения относительно событий, происходящих на международной арене. Например, в 2015 г. в ходе лекций, проведенных под эгидой фонда им. Конрада Аденауэра, обсуждались темы, касающиеся толерантности и волны беженцев, обрушившейся на ЕС⁵². Не забывают немецкие фонды и про события, происходившие и происходящие на Украине [9].

Во-вторых, это фонды или организации, которые занимаются популяризацией немецкого языка, образования, науки и культуры. Именно в данной сфере Германия достигла наибольших успехов. Языковые, учебные или исследовательские программы не только позволяют освоить немецкий, получить профессию или провести свое исследование, но и знакомят стипендиата с немецкой культурой и традициями. В рам-

⁴⁹ Более подробную информацию о немецких политических фондах см.: [46].

⁵⁰ На мероприятиях, проводимых немецкими фондами, регулярно обсуждаются проблемы свободы слова и демократии на постсоветском пространстве. Помимо этого, благодаря немецкому финансированию, активно продвигается идея «междуморья», которая предполагает активизацию сотрудничества в регионе Балто-Черноморья.

⁵¹ Всего было проанализировано 103 публикации (подсчеты проведены авторами исследования).

⁵² Осенью 2015 г. в Риге и Таллине прошел цикл лекций: «Волна иммиграции советских мигрантов в контексте проблемы, связанной с сирийскими беженцами», «Расизм в Европе и Латвии с исторической точки зрения», «Кто испытывает страх перед Исламом» [2], «Миграционный кризис в Европе» [9].

ках учебы или научного изыскания в Германии прибалтийские студенты, докторанты и ученые воочию наблюдают блага немецкой цивилизации. Приобщенные к немецкой культуре и зачастую на высоком уровне владеющие немецким языком, они оказываются своего рода неформальными агентами, встроенными в систему «мягкой силы» Германии. С ними, как правило, поддерживают контакт: приглашают на конференции, фестивали, летние школы, дни немецкой культуры, посредством рассылки журналов их подробно информируют о своей деятельности.

Если политика германских акторов «мягкой силы», направленная на продвижение немецкого языка, образования и науки, тождественна общеевропейской, то их деятельность в прибалтийском регионе в области культуры и исторической науки имеет определенные особенности. Здесь трудятся, прежде всего, немецкие образовательные или культурные фонды, научные институции и землячества. Основной акцент их работы делается на немецком прошлом Прибалтики⁵³. Общая позитивная история используется как виртуальный мост для формирования положительного образа Германии, продвижения ее интересов и выстраивания отношений со странами Балтии. Прибалтика в немецком ностальгическом дискурсе представляется как территория с глубоко укоренившимся особым прибалтийским типом немецкой культуры.

Важной составляющей работы этих акторов является мемориализация — увековечение известных представителей балтийских немцев, внесших большой вклад в развитие прибалтийской немецкой культуры, — через открытие памятников, памятных досок⁵⁴, музеефикацию, переиздание трудов, написание исследований и т. д. Значительная роль отводится организации сетевого взаимодействия между германскими и балтийскими исследователями на базе разработки немецкого прошлого Прибалтики. Литовские, латвийские и эстонские ученые, занимающиеся немецкой проблематикой, получают финансовую поддержку, их приглашают на конференции. Им помогают с переводом трудов на немецкий язык, а также в их публикации.

В процессе работы со странами Балтии Германия не замыкается только на прошлом. Прибалтийских жителей обязательно знакомят с основными тенденциями развития современной немецкой культуры: театр, кино, живопись, литература, музыка и современное искусство и т. д.

В контексте применения механизмов «мягкой силы» в странах Балтии Берлин достиг больших успехов: у Германии сложился позитивный образ в балтийских государствах, к ее культуре, традициям и прошлому

⁵³ В первую очередь интерес обращен на немецкую историю Латвии и Эстонии. В Литве — на немецкое прошлое Клайпедского края (Мемельский край, или Мемельланд), долгое время входившего в состав Восточной Пруссии, и немецко-литовских взаимоотношений.

⁵⁴ Так, например, «Латвийско-немецко-балтийский центр «Domus Rigensis» установил мемориальные доски педагогу, этнографу и историку Иоганн Кристофу Бротце, юристу и политику Паулю Шиману, архитектору Густаву Хилбигу, публицисту Гарлибу Меркелю, писателю и переводчику Вернеру Бергенгрюну и др. [37].

с большим почтением относятся как в Эстонии и Латвии, так и в Литве. «Мягкая сила» Германии позволяет ей быть, наряду с Россией⁵⁵ и Швецией⁵⁶, одним из наиболее влиятельных игроков в этом регионе.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта №15-37-01209 «Тенденции развития балтийского направления внешней политики Германии в контексте реализации региональных интересов России».

Список литературы

1. Ланьшина Т. А. «Мягкая сила» Германии: культура, образование, наука // Вестник международных организаций. 2014. №2. С. 28—58.
2. *Konrad-Adenauer-Stiftung*. Auslandsbüro Lettland. URL: <http://www.kas.de/lettland/de/about/> (дата обращения: 01.10.2015).
3. *Konrad-Adenauer-Stiftung*. Studien- und Dialogprogramm für Nachwuchspolitikern aus den Baltischen Staaten. URL: <http://www.kas.de/lettland/de/publications/42658/> (дата обращения: 02.10.2015).
4. *Konrad-Adenauer-Stiftung*. Auslandsbüro Belarus. URL: <http://www.kas.de/belarus/de/about/contact/> (дата обращения: 01.10.2015).
5. *Konrad-Adenauer-Stiftung*. Präsidentschaftswahl in Litauen geht in die zweite Runde. URL: http://www.kas.de/wf/doc/kas_37784-1522-1-30.pdf?140520102055 (дата обращения: 04.10.2015).
6. *Konrad-Adenauer-Stiftung*. Machtwechsel in Litauen. URL: http://www.kas.de/wf/doc/kas_32587-1522-1-30.pdf?121031183056 (дата обращения: 04.10.2015).
7. *Konrad-Adenauer-Stiftung*. Regierungsbildung in Lettland. URL: http://www.kas.de/wf/doc/kas_39443-1522-1-30.pdf?141111140631 (дата обращения: 04.10.2015).
8. Saarts T., Lumi O. Die Entwicklung der Parteienlandschaft in Estland 1991—2011. URL: http://www.kas.de/wf/doc/kas_36769-1522-1-30.pdf?140205135916 (дата обращения: 04.10.2015).
9. *Konrad-Adenauer-Stiftung*. Länderbüro Estland. URL: <http://www.kas.de/estland/de/about/> (дата обращения: 10.10.2015).
10. *Friedrich-Ebert-Stiftung*. Landesbüro Estland. URL: <http://www.fes-baltic.ee/index.php?id=10652> (дата обращения: 11.10.2015).
11. *Friedrich-Ebert-Stiftung*. Die Arbeit der FES in den baltischen Staaten. URL: https://www.fes.de/international/moe/in_moe/estl.htm (дата обращения: 11.10.2015).
12. *Friedrich-Ebert-Stiftung*. Stipendien. URL: <http://www.fes-baltic.ee/index.php?id=10724> (дата обращения: 11.10.2015).
13. *Friedrich-Ebert-Stiftung*. Partner. URL: <http://www.fes-baltic.ee/index.php?id=10723> (дата обращения: 11.10.2015).
14. *Friedrich Naumann Stiftung*. Bewerbung. URL: <https://www.freiheit.org/content/bewerbung> (дата обращения: 12.10.2015).
15. *Friedrich Naumann Stiftung Netzwerk*. Wir bleiben in Verbindung. URL: <https://www.freiheit.org/content/netzwerk> (дата обращения: 12.10.2015).
16. DAAD-Länderinformationen. Estland. URL: <https://www.daad.de/laenderinformationen/estland/de/> (дата обращения: 15.09.2015).
17. DAAD-Länderinformationen. Lettland. URL: <https://www.daad.de/laenderinformationen/lettland/de/> (дата обращения: 15.09.2015).

⁵⁵ Российский капитал широко представлен в Прибалтике, особенно в таких отраслях, как транзит и пищевая промышленность. Большое внимание Россия уделяет работе с соотечественниками и поддержке русской культуры.

⁵⁶ Швеция сконцентрировала свои усилия на проникновение в страны Балтии через СМИ и банковский сектор. Многие печатные издания, онлайн-порталы, банки принадлежат шведским владельцам.

18. *DAAD-Länderinformationen*. Litauen. URL: <https://www.daad.de/laenderinformationen/litauen/de/> (дата обращения: 15.09.2015).

19. *DAAD*. Baltisch-Deutsches Hochschulkontor. URL: <https://www.daad.de/medien/bdhk.pdf> (дата обращения: 15.09.2015).

20. *Das Baltisch-Deutsche Hochschulkontor*. URL: <http://www.hochschulkontor.lv/> (дата обращения: 15.09.2015).

21. *Goethe-Institut*. Lettland. Aufgaben und Ziele. URL: <https://www.goethe.de/ins/lv/de/uun/auf.html> (дата обращения: 22.10.2015).

22. *Goethe-Institut*. Estland. Aufgaben und Ziele. URL: <https://www.goethe.de/ins/ee/de/ueb/auf.html> (дата обращения: 22.10.2015).

23. *Goethe-Institut*. Litauen. Aufgaben und Ziele. URL: <https://www.goethe.de/ins/lt/de/ueb/auf.html> (дата обращения: 22.10.2015).

24. *Макарычев А.* Германия в Балтийском регионе: идентичность, институты и многосторонняя дипломатия // *ЕвроАтлантика*. 2013. № 3—4 ; 2014. № 1. С. 182—188.

25. *Nordost-Institut*. Das wissenschaftliche Team. URL: <http://www.ikgn.de/cms/index.php/wissenschaftliche-mitarbeiterinnen> (дата обращения: 30.08.2015).

26. *Nordost-Institut*. Publikationen. URL: <http://www.ikgn.de/cms/index.php/zeitschrift-nordost-archiv> (дата обращения: 30.08.2015).

27. *Nordost-Institut*. Forschung. URL: <http://www.ikgn.de/cms/index.php/forschung-hauptmenue> (дата обращения: 30.08.2015).

28. *Nordost-Institut*. Das Baltikum — Geschichte einer europäischen Region. URL: <http://www.ikgn.de/cms/index.php/indiv-projekte-mitarbeiter/projekt-das-baltikum> (дата обращения: 30.08.2015).

29. *Nordost-Institut*. Stiftungsprofessur Tallinn. URL: <http://www.ikgn.de/cms/index.php/stiftungsprofessur-tallinn> (дата обращения: 30.08.2015).

30. *Baltische Historische Kommission*. Mitgliederverzeichnis. URL: <http://www.balt-hiko.de/mitglieder/> (дата обращения: 06.09.2015).

31. *Forschungen zur baltischen Geschichte*. URL: <http://www.fzbg.ut.ee/info.html> (дата обращения: 06.09.2015).

32. *Baltische Historische Kommission*. URL: <http://www.balt-hiko.de/> (дата обращения: 06.09.2015).

33. *Herder-Institut*. Stipendien und Nachwuchsförderung. URL: <http://www.herder-institut.de/stipendien-nachwuchsfoerderung.html> (дата обращения: 07.09.2015).

34. *Herder-Institut*. Hereditas Baltica — HerBalt — "Virtueller Lesesaal" für baltisches Archivgut. URL: <http://www.herder-institut.de/forschung-projekte/laufende-projekte/hereditas-baltica-herbalt-virtueller-lesesaal-fuer-baltisches-archivgut.html> (дата обращения: 07.09.2015).

35. *Academia Baltica* — Akademie im Ostseeraum. URL: <http://www.academiabaltica.de/wirueberuns/index.html> (дата обращения: 09.09.2015).

36. *Verband der Deutschen in Lettland*. URL: <http://www.verband.lv/index.php?page=verband-der-deutschen-in-lettland-latvijas-vacu-savieniba> (дата обращения: 01.11.2015).

37. *Lettisch-Deutschbaltisches Zentrum "Domus Rigensis"*. URL: <http://www.verband.lv/index.php?page=lettisch-deutschbaltisches-zentrum-domus-rigensis-latviesu-vacbaltu-biedriba-domus-rigensis> (дата обращения: 01.11.2015).

38. *Verein der Deutschen "Wiedergeburt" in Lettland*. URL: <http://www.verband.lv/index.php?page=vaciesu-biedriba-wiedergeburt-latvija-verein-der-deutschen-wiedergeburt-in-lettland> (дата обращения: 01.11.2015).

39. *Deutsche Minderheit in Estland*. URL: <http://agdm.fuen.org/mitglied-26/estonia/> (дата обращения: 03.11.2015).

40. *Deutsche Vereinigungen / Deutsche Minderheiten (Estland)*. URL: <http://www.laenderkontakte.de/estland/deutsche-vereinigungen> (дата обращения: 03.11.2015).

41. *Deutsche Vereinigungen / Deutsche Minderheiten* (Litauen). URL: <http://www.laenderkontakte.de/litauen/deutsche-vereinigungen> (дата обращения: 03.11.2015).
42. *Verein der Deutschen in Klaipeda*. URL: http://www.sdh.lt/de/?page_id=11 (дата обращения: 03.11.2015).
43. *Deutsch-Baltische Gesellschaft*. URL: <http://www.deutsch-balten.de/index.php/wir-ueber-uns> (дата обращения: 05.11.2015).
44. *Deutsche Evangelisch-Lutherische Kirche in Lettland*. URL: <http://www.kirche.lv/> (дата обращения: 06.11.2015).
45. *Länderinformation Baltische Staaten Estland, Lettland, Litauen* Stand: Mai 2009. URL: [https://www.ekd.de/baltikum\(4\).pdf](https://www.ekd.de/baltikum(4).pdf) (дата обращения: 07.11.2015).
46. *Погорельская С. В.* «Мягкая» сила Германии: Политические фонды // Актуальные проблемы Европы. 2014. №3. С. 135—152.

Об авторах

Максим Евгеньевич Мегем, младший научный сотрудник, Социологическая лаборатория анализа, моделирования и прогнозирования рисков, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: megem@yandex.ru

Илья Павлович Максимов, кандидат исторических наук, доцент, Институт социально-гуманитарных технологий и коммуникации, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: IMaksimov@kantiana.ru

Полина Сергеевна Грицаенко, магистрант, Институт социально-гуманитарных технологий и коммуникации, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: polina-gritsaenko@mail.ru

Для цитирования:

Мегем М. Е., Максимов И. П., Грицаенко П. С. Ключевые акторы «мягкой силы» Германии в странах Балтии // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 1. С. 65—85. doi: 10.5922/2074-9848-2016-1-4

KEY ACTORS OF GERMAN 'SOFT POWER' IN THE BALTICS

M. Megem *

I. Maksimov *

P. Gritsaenko *

* *Immanuel Kant Baltic Federal University*
14 A. Nevskogo ul., Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on November 1, 2015

This article focuses on Germany's key 'soft power' actors promoting the country's interests in the Baltics. The authors analyse the policies of 'soft power' aimed to create a positive image of Germany in Lithuania, Latvia, and Estonia. The article

examines the activity of German political foundations, research institutions, communities, language centres, and scientific and cultural organisations. It is stressed that Germany makes use of the Baltics' historical familiarity with German traditions in implementing its policy in these countries. The study suggests that German political and educational foundations are major actors of German soft power. It is shown that the development of a multilevel German language learning system incorporating various courses and scholarship programmes is one of the central strategies of German foundations. This strategy uses 'High German' as a means to integrate the Baltic audience into the German information space. The German language serves as a basis for popularisation of the German educational system and educational standards, on the one hand, and partnership institutionalisation, cooperation, and integration on the other. It is concluded that, alongside Sweden and Russia, Germany is a major foreign policy player in the Baltics.

Key words: soft power, German soft power, German-Baltic relations, German political foundations, Lithuania, Latvia, Estonia, Baltics.

References

1. Lanshina, T. A. 2014, «Mjagkaja sila» Germanii: kul'tura, obrazovanie, nauka ["Soft power" in Germany: culture, education, science], *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij* [Bulletin of international organizations], no. 2, p. 28—58.
2. Auslandsbüro Lettland, *Konrad-Adenauer-Stiftung*, 2015, available at: <http://www.kas.de/lettland/de/about/> (accessed 01.10.2015).
3. Studien- und Dialogprogramm für Nachwuchspolitiker aus den Baltischen Staaten, *Konrad-Adenauer-Stiftung*, 2015, available at: <http://www.kas.de/lettland/de/publications/42658/> (accessed 02.10.2015).
4. Auslandsbüro Belarus, 2015, *Konrad-Adenauer-Stiftung*, available at: <http://www.kas.de/belarus/de/about/contact/> (дата обращения: 01.10.2015).
5. Präsidentschaftswahl in Litauen geht in die zweite Runde, 2015, *Konrad-Adenauer-Stiftung*, available at: http://www.kas.de/wf/doc/kas_37784-1522-1-30.pdf?140520102055 (accessed 04.10.2015).
6. Machtwechsel in Litauen, 2015, *Konrad-Adenauer-Stiftung*, available at: http://www.kas.de/wf/doc/kas_32587-1522-1-30.pdf?121031183056 (accessed 04.10.2015).
7. Regierungsbildung in Lettland, 2015, *Konrad-Adenauer-Stiftung*, available at: http://www.kas.de/wf/doc/kas_39443-1522-1-30.pdf?141111140631 (accessed 04.10.2015).
8. Saarts, T., Lumi, O. 2013, *Die Entwicklung der Parteienlandschaft in Estland 1991—2011*, available at: http://www.kas.de/wf/doc/kas_36769-1522-1-30.pdf?140205135916 (accessed 04.10.2015).
9. Länderbüro Estland, 2015, *Konrad-Adenauer-Stiftung*, available at: <http://www.kas.de/estland/de/about/> (accessed 10.10.2015).
10. Landesbüro Estland, *Friedrich-Ebert-Stiftung*, available at: <http://www.fes-baltic.ee/index.php?id=10652> (accessed 11.10.2015).
11. Die Arbeit der FES in den baltischen Staaten, 2015, *Friedrich-Ebert-Stiftung*, available at: https://www.fes.de/international/moe/in_moe/estl.htm (accessed 11.10.2015).
12. Stipendien, 2015, *Friedrich-Ebert-Stiftung*, available at: <http://www.fes-baltic.ee/index.php?id=10724> (accessed 11.10.2015).
13. Partner, 2015, *Friedrich-Ebert-Stiftung*, available at: <http://www.fes-baltic.ee/index.php?id=10723> (accessed 11.10.2015).

14. Bewerbung, 2015, *Friedrich Naumann Stiftung*, available at: <https://www.freiheit.org/content/bewerbung> (accessed 12.10.2015).
15. Netzwerk. Wir bleiben in Verbindung. 2015, *Friedrich Naumann Stiftung*, available at: <https://www.freiheit.org/content/netzwerk> (accessed 12.10.2015).
16. Estland, 2015, *DAAD*, available at: <https://www.daad.de/laenderinformationen/estland/de/> (accessed 15.09.2015).
17. Lettland, 2015, *DAAD*, available at: <https://www.daad.de/laenderinformationen/lettland/de/> (accessed 15.09.2015).
18. Litauen, 2015, *DAAD*, available at: <https://www.daad.de/laenderinformationen/litauen/de/> (accessed 15.09.2015).
19. Baltisch-Deutsches Hochschulkontor, 2015, *DAAD*, available at: <https://www.daad.de/medien/bdhk.pdf> (accessed 15.09.2015).
20. *Das Baltisch-Deutsche Hochschulkontor*, 215, available at: <http://www.hochschulkontor.lv/> (accessed 15.09.2015).
21. Lettland. Aufgaben und Ziele, 2015, *Goethe-Institut*, available at: <https://www.goethe.de/ins/lv/de/uun/auf.html> (accessed 22.10.2015).
22. Estland. Aufgaben und Ziele, 2015, *Goethe-Institut*, available at: <https://www.goethe.de/ins/ee/de/ueb/auf.html> (accessed 22.10.2015).
23. Litauen. Aufgaben und Ziele, 2015, *Goethe-Institut*, available at: <https://www.goethe.de/ins/lt/de/ueb/auf.html> (accessed 22.10.2015).
24. Makarychev, A. 2013, 2014, Germanija v Baltijskom regione: identichnost', instituty i mnogostoronnijaja diplomatija [Germany in the Baltic region: identity, institutions and multilateral diplomacy], *EvroAtlantika* [Euro-Atlantic], no. 3—4; no. 1, p. 182—188.
25. Das wissenschaftliche Team, 2015, *Nordost-Institut*, available at: <http://www.ikgn.de/cms/index.php/wissenschaftliche-mitarbeiterinnen> (accessed 30.08.2015).
26. Publikationen, 2015, *Nordost-Institut*, available at: <http://www.ikgn.de/cms/index.php/zeitschrift-nordost-archiv> (accessed 30.08.2015).
27. Forschung, 2015, *Nordost-Institut*, available at: <http://www.ikgn.de/cms/index.php/forschung-hauptmenue> (дата обращения: 30.08.2015).
28. Das Baltikum - Geschichte einer europäischen Region, 2015, *Nordost-Institut*, available at: <http://www.ikgn.de/cms/index.php/indiv-projekte-mitarbeiter/projekt-das-baltikum> (accessed 30.08.2015).
29. Stiftungsprofessur Tallinn, 2015, *Nordost-Institut*, available at: <http://www.ikgn.de/cms/index.php/stiftungsprofessur-tallinn> (accessed 30.08.2015).
30. *Baltische Historische Kommission. Mitgliederverzeichnis*, 2015, available at: <http://www.balt-hiko.de/mitglieder/> (accessed 06.09.2015).
31. Forschungen zur baltischen Geschichte, 2015, available at: <http://www.fzbg.ut.ee/info.html> (accessed 06.09.2015).
32. *Baltische Historische Kommission*, 2015, available at: <http://www.balt-hiko.de/> (accessed 06.09.2015).
33. Stipendien und Nachwuchsförderung, 2015, *Herder-Institut*, available at: <http://www.herder-institut.de/stipendien-nachwuchsfoerderung.html> (accessed 07.09.2015).
34. Hereditas Baltica — HerBalt — "Virtueller Lesesaal" für baltisches Archivgut, *Herder-Institut*, available at: <http://www.herder-institut.de/forschung-projekte/laufende-projekte/hereditas-baltica-herbalt-virtueller-lesesaal-fuer-baltisches-archivgut.html> (accessed 07.09.2015).
35. Akademie im Ostseeraum, 2015, *Academia Baltica*, available at: <http://www.academiabaltica.de/wirueberuns/index.html> (accessed 09.09.2015).
36. *Verband der Deutschen in Lettland*, 2015, available at: <http://www.verband.lv/index.php?page=verband-der-deutschen-in-lettland-latvijas-vacu-savieniba> (accessed 01.11.2015).

37. Lettisch-Deutschbaltisches Zentrum “Domus Rigensis”, 2015, available at: <http://www.verband.lv/index.php?page=lettisch-deutschbaltisches-zentrum-domus-rigensis-latviesu-vachaltu-biedriba-domus-rigensis> (accessed 01.11.2015).

38. Verein der Deutschen “Wiedergeburt“ in Lettland, 2015, available at: <http://www.verband.lv/index.php?page=vaciesu-biedriba-wiedergeburt-latvija-verein-der-deutschen-wiedergeburt-in-lettland> (accessed 01.11.2015).

39. Deutsche Minderheit in Estland, 2015, available at: <http://agdm.fuen.org/mitglied-26/estonia/> (accessed 03.11.2015).

40. Deutsche Vereinigungen / Deutsche Minderheiten (Estland), 2015, *Laenderkontakte*, available at: <http://www.laenderkontakte.de/estland/deutsche-vereinigungen> (accessed 03.11.2015).

41. Deutsche Vereinigungen / Deutsche Minderheiten (Litauen), 2015, *Laenderkontakte*, available at: <http://www.laenderkontakte.de/litauen/deutsche-vereinigungen> (accessed 03.11.2015).

42. *Verein der Deutschen in Klaipeda*, 2015, available at: http://www.sdh.lt/de/?page_id=11 (accessed 03.11.2015).

43. *Deutsch-Baltische Gesellschaft*, 2015, available at: <http://www.deutschbaltien.de/index.php/wir-ueber-uns> (accessed 05.11.2015).

44. *Deutsche Evangelisch-Lutherische Kirche in Lettland*, 2015, available at: <http://www.kirche.lv/> (accessed 06.11.2015).

45. Estland, Lettland, Litauen Stand, 2009, *Länderinformation Baltische Staaten*, Mai, available at: [https://www.ekd.de/baltikum\(4\).pdf](https://www.ekd.de/baltikum(4).pdf) (accessed 07.11.2015).

46. Pogorelskaya, S. V. 2014, «Mjagkaja» sila Germanii: Politicheskie fondy [“Soft” power of Germany: Political foundations], *Aktual'nye problemy Evropy* [Actual problems of Europe], no. 3, p. 135—152.

About the authors

Maksim Megem, Junior Research Fellow, Sociological Laboratory for Risk Analysis, Modelling and Forecasting, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: megem@yandex.ru

Dr Ilya Maksimov, Associate Professor, Institute of Social Sciences, Humanities and Communication, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: IMaksimov@kantiana.ru

Polina Gritsaenko, Master’s Student, Institute of Social Sciences, Humanities and Communication, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: polina-gritsaenko@mail.ru

To cite this article:

Megem M. E., Maksimov I. P., Gritsaenko P. S. 2016, Key actors of German ‘soft power’ in the Baltics. *Baltijskij region*, Vol. 8, no. 1, p. 65—85. doi: 10.5922/2074-9848-2016-1-4

**БАЛТИЙСКИЙ ВЕКТОР
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ФРГ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
РАЗВИТИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ**

А. Н. Саликов*
И. Н. Тарасов*
Е. Е. Уразбаев

Анализируется балтийский вектор внешней политики объединенной Германии с начала 1990-х гг. вплоть до настоящего времени. Цель авторов статьи — определение значимости отношений ФРГ с балтийскими государствами и места общей концепции «Восточной политики» в российско-германских отношениях. Метод динамического сопоставления политического и экономического нарратива межгосударственных отношений позволил выявить специфику балтийского вектора внешней политики Германии в контексте современных международных отношений. В частности, установлено, что наибольшую активность в Балтийском регионе ФРГ проявляла в начале 1990-х гг., когда происходил процесс налаживания политических, экономических и культурных контактов с новыми независимыми государствами. Во второй половине 1990-х гг. внешнеполитическая активность Германии пошла на спад, а после вступления Литвы, Латвии и Эстонии в ЕС и НАТО в 2004 г. наметились определенные разногласия между Федеративной Республикой и прибалтийскими республиками, что обусловило сравнительно прохладные отношения между странами. События на Украине привели к изменению позиции Германии в региональной политике. Несмотря на то что Россия остается одним из важнейших экономических и политических контрагентов, Федеративная Республика как партнер стран Балтии по ЕС и НАТО не может занимать нейтральную позицию в конфликте интересов балтийский республик и России.

* Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, Россия, Калининград,
ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 10.07.2015 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2016-1-5

© Саликов А. Н., Тарасов И. Н.,
Уразбаев Е. Е., 2016

Ключевые слова: внешняя политика Германии, страны Балтии, ЕС, НАТО, «Северный поток», регион Балтийского моря, Россия

История отношений объединенной Германии и трех балтийских государств, что, собственно, и является

темой настоящей статьи, начинается 28 августа 1991 г., когда спустя несколько дней после признания независимости Литвы, Латвии и Эстонии со стороны РСФСР они были признаны Германией и между этими странами были официально установлены дипломатические отношения. В первые годы после обретения независимости в правительственных кругах балтийских стран существовало две основные оценки возможной внешнеполитической модели Германии в регионе: с одной стороны, это были опасения возобновления немецкой политики «*Drang nach Osten*», с другой же стороны, Германия воспринималась многими как естественный противовес по отношению к России, как «адвокат балтийских республик»¹, который должен был защищать интересы Литвы, Латвии и Эстонии как на Западе, так и Востоке. Немецкое присутствие в Прибалтике казалось правительственным кругам балтийских республик подходящим средством для окончательного преодоления зависимости от России и установления прочных военных, экономических и политических связей со странами Запада [1, S. 21—22]. Действительность же оказалась иной.

До начала 1990-х гг. политика ФРГ в отношении балтийских республик была очень сдержанной. Осторожная официальная позиция правительства Германии в отношении Литвы, Латвии и Эстонии в этот период объясняется опасениями ослабить внутривосточную позицию президента СССР Михаила Горбачева, что могло отодвинуть или вовсе прекратить процесс объединения Германии [4, S. 137]. После объединения Германии и распада Советского Союза, казалось бы, исчезли и причины, вынуждавшие правительство Федеративной Республики воздерживаться от активности в Прибалтике.

В 1991—1992 гг. отношения между странами Балтии и Германией развивались очень динамично. Уже через несколько недель после установления официальных дипломатических контактов в Литву, Латвию и Эстонию были направлены послы. Посетивший 11—12 сентября 1991 г. Эстонию министр иностранных дел Германии Ганс-Дитрих Геншер стал первым западноевропейским политиком высокого ранга, побывавшим с официальным визитом в странах Балтии после обретения ими независимости. Во время своего визита Г.-Д. Геншер заверил правящие круги прибалтийских республик в том, что правительство Германии заинтересовано в выстраивании «активных отношений» с Литвой, Латвией и Эстонией и будет словом и делом способствовать возвращению прибалтийских республик в международное сообщество. Г.-Д. Геншер также заявил о намерениях Германии оказывать активную поддержку сближению прибалтийских республик с Европейским союзом [6, S. 67].

¹ Фраза «адвокат балтийских республик» принадлежит, по всей видимости, Хансу-Дитеру Лукасу и появилась в масс-медиа в июле 1993 г. Ее довольно часто употребляли министры иностранных дел Геншер и Кинкель. Сами немцы под своей ролью «адвоката Балтии» понимали прежде всего свою готовность способствовать включению балтийских республик в западные институты [9, P. 197].

Слова Г.-Д. Геншера вскоре были подтверждены делом: Германия активно содействовала присоединению стран Балтии к СБСЕ, Совету Европы, Совету Евро-Атлантического партнерства (СЕАП), Совету государств Балтийского моря (СГБМ).

Помимо содействия интеграции стран Балтии в западные институты, Германия в этот период оказывала Литве, Латвии и Эстонии поддержку в самых различных сферах. Так, с 1992 по 1994 г. министерство внутренних дел Германии выделило прибалтийским республикам сумму в размере 30 млн дойчмарок на строительство пограничной системы [7, S. 101], в рамках программы трансформации в размере 125 млн дойчмарок [8, S. 174]. В военной сфере помощь странам Балтии оказывалась в основном в форме обучения личного состава, объем материальной помощи был незначительным и довольно избирательным. Так, в 1992 г. вооруженные силы прибалтийских республик получили переговорные устройства, санитарные материалы, грузовики и миноискатели из запасов бывшей народной армии ГДР. При этом оружие было поставлено в очень небольших количествах, для того чтобы не провоцировать негативную реакцию со стороны России [12, S. 474]. Активно развивалось сотрудничество между ФРГ и странам Балтии в сфере науки и культуры. Уже в самом начале 1990-х гг. в прибалтийских республиках были открыты филиалы немецких научных фондов и научно-образовательных организаций: DAAD (Германская служба академических обменов), DFG (Германское исследовательское сообщество), Институт Гете, Фонд Александра фон Гумбольдта и др. [9, p. 163]. В области экономики немецкая помощь в 1991—1993 гг. была сосредоточена на содействии прибалтийским государствам в сфере приватизации и развитии экономической конкурентоспособности, при этом поддержка оказывалась как в форме различных обучающих тренингов для административного персонала, так и в форме прямой финансовой поддержки различных программ. Так, к примеру, в рамках так называемой «Программы по техническому сотрудничеству и взаимопомощи» Германия выделила Эстонии в 1992 г. 13 млн дойчмарок (в 1993-м — 13 млн), Латвии — 13,3 млн (в 1993-м — 13 млн), Литве 14 млн (в 1993 г. — 20,4 млн) [9, p. 163].

Со своей стороны в 1990-е гг. страны Балтии не только стремились заимствовать опыт Германии в самых различных областях, но и в целом рассматривали Германию в качестве одного из образцов для построения своей государственности. Особенно успешно использовала немецкий опыт Эстония. Это касается, прежде всего, административной, конституционно-правовой, банковской систем, для выстраивания которых Эстония многое заимствовала из опыта ФРГ. Однако эта ориентация на Германию на протяжении 1990-х гг. постепенно снижалась, и к началу нового тысячелетия страны Балтии перестали рассматривать Германию в качестве модели для своего социально-политического развития.

Со стороны Германии интерес к региону также неуклонно падал. На смену кратковременному периоду активности в первые годы после об-

ретенция странами Балтии независимости, связанного с установлением контактов в самых различных областях, пришла прагматическая оценка отношений со странами региона. С экономической точки зрения Прибалтика не обладала большой привлекательностью для экономики Германии по причине своих скромных размеров и невысокого экономического потенциала. С точки зрения развития социокультурных связей регион также не имел больше особой значимости, так как на его территории больше не оставалось сколь-нибудь значимого немецкого меньшинства, которое до Второй мировой войны служило связующим звеном между Германией и Прибалтикой.

В середине 1990-х гг. Германия оказалась перед сложной внешнеполитической дилеммой в регионе. С одной стороны, она признавала свои исторические обязательства перед странами Балтии и испытывала к ним чувство солидарности, с другой же стороны, отношения с Россией имели значительно более приоритетный статус для внешней политики Германии. Как следствие, немецко-прибалтийские отношения во многом оказались в зависимости от «русской политики» Германии и неоднократно были вынуждены проходить проверку на прочность «русским вопросом».

Первым тестом на прочность отношений между Германией и балтийскими республиками стал вывод советских/российских войск из Прибалтики. Литва, Латвия и Эстония рассматривали присутствие этих войск на своей территории как угрозу своей целостности и безопасности [6, р. 66]. При этом страны Балтии не обладали ни финансовыми средствами, ни политической силой, чтобы заинтересовать Россию в выводе своих войск и, как результат, они стали искать поддержку у правительств западных стран, в том числе и у правительства Германии. С точки зрения руководства ФРГ, вывод российских войск с территории прибалтийских республик был необходимым условием для разрядки напряженности в регионе. Кроме того, вывод частей российской армии с территории Литвы, Латвии и Эстонии соответствовал собственным национальным интересам Германии, на территории которой также оставались части Западной группы войск. Поэтому правительство ФРГ оказывало поддержку Латвии, Литве и Эстонии, требуя от России скорейшего вывода войск с территории Прибалтики. В то же время Германия призывала правительства стран Балтии к тесному сотрудничеству с Россией в области безопасности. Для того чтобы достичь согласия Москвы на скорейший вывод войск, Германии и другим западным странам пришлось склонить прибалтийские республики к компромиссам, одним из которых было разрешение России продолжить использование военных объектов в Латвии и Эстонии до 31 августа 1994 г.

Следующим тестом на прочность отношений между Германией и прибалтийскими республиками стало их вступление в ЕС и НАТО. Литва, Латвия и Эстония с самого начала видели в качестве своей основной цели скорейшую интеграцию в евроатлантические политические, экономические и военные структуры, т. е. прежде всего в ЕС и НАТО. В качестве одного из своих главных проводников в эти органи-

зации прибалтийские республики рассматривали Германию. На деле же они столкнулись с весьма сдержанной позицией ФРГ, которая была против быстрого принятия прибалтийских республик в НАТО. Официально озвученные цели немецкой внешней политики в регионе были во многом созвучны с целями Эстонии, Латвии и Литвы и предполагали в первую очередь поддержку процесса реформ, долговременное обеспечение независимости и территориальной целостности стран Балтии и их интеграцию в евроатлантические структуры [1, S. 166]. Однако даже несмотря на то, что интересы Германии и прибалтийских стран по всем основным пунктам совпадали, уже в начале 1990-х гг. стало очевидным расхождение в понимании того, каким образом и как быстро эти цели могут быть достигнуты [1, S. 216].

Первоначально обсуждение вопросов о присоединении Литвы, Латвии и Эстонии к ЕС и НАТО происходило независимо друг от друга. Сами прибалтийские республики более приоритетной задачей видели вступление в НАТО, которое, с их точки зрения, должно было дать им гарантию независимости и целостности. Европейский союз же правительства стран Балтии рассматривали как сугубо экономическое объединение. Как вскоре выяснилось, для России членство стран Балтии в ЕС было вполне приемлемым, в отличие от членства в НАТО, которое рассматривалось Российской Федерацией как посягательство на свои интересы в регионе и угрозу своей безопасности.

Расширение НАТО было одним из основных приоритетов Германии в области безопасности, и по этой причине ФРГ проявляла инициативу в этом вопросе. Однако под расширением правительство Германии понимало прежде всего вступление в эту организацию Польши, Чехии и Венгрии. Центральноевропейские страны были, в представлении правящих кругов Германии, намного важнее для укрепления безопасности страны, чем три прибалтийских республики. Кроме того, потенциальное членство Польши, Чехии и Венгрии в НАТО было приемлемо для России и не ставило под угрозу российско-немецкое партнерство [9, p. 196]. Правительство Германии не выступало принципиальным противником членства Латвии, Эстонии и Литвы в Североатлантическом альянсе, однако считало, что этот процесс не нужно форсировать [10, S. 8]. К тому же балтийское направление было второстепенным для «Восточной политики» ФРГ, о чем красноречиво свидетельствует тот факт, что отношения со странами Балтии были отнесены в область компетенции Министерства иностранных дел, а не канцлера, на уровне которого выстраивались билатеральные отношения с наиболее важными для Германии странами: США, Францией, Россией и некоторыми другими. Министр иностранных дел Германии (в 1992—1998 гг.) Клаус Кинкель сделал членство стран Балтии в ЕС одним из важнейших направлений своего министерства. Однако даже при К. Кинкеле переговоры по членству Латвии, Литвы и Эстонии в НАТО продвигались медленно. В период канцлерства Гельмута Коля внешняя политика Германии в Прибалтике была довольно пассивной. Эта тенденция продолжилась и в период канцлерства Герхарда Шредера [9, p. 195]. Пас-

сивность внешней политики Германии в отношении стран Балтии объясняется прежде всего ее подчиненностью более глобальной «Восточной политике» Германии, в которой главенствовал принцип *Russia-First*. Таким образом, внешняя политика ФРГ в регионе с самого начала была довольно прагматичной и опиралась на парадигму реальной политики: ни в коем случае прибалтийские республики не должны были ставить под угрозу отношения между Россией и Германией.

Однако после того как в середине 1990-х гг. в администрации президента У. Клинтона сторонники расширения НАТО одержали верх над сторонниками политики *Russia-First*, Соединенные Штаты стали активно поддерживать стремление стран Балтии войти в НАТО уже в первом раунде расширения [2, S. 60]. В результате усилился нажим и на правительство Германии и США удалось склонить его к изменению своей позиции по вопросу о принятии в НАТО Литвы, Латвии и Эстонии. В то же время правительство ФРГ высказалось за синхронизацию процесса расширения ЕС и НАТО. Преимущество параллельного расширения, с точки зрения правительственных кругов Германии, заключалось в возможности смягчить сопротивление российской стороны против расширения Североатлантического альянса и форсировать европейское сотрудничество в области внешней политики и политики безопасности. Факторами, ускорившими принятие решение по вступлению в НАТО стран Балтии, стали как смягчение позиции России по этому вопросу, так и террористические акты 11 сентября 2001 г., которые заставили США и Россию более тесно сотрудничать в борьбе против терроризма, а также вынудили НАТО пересмотреть свою стратегию в сторону более быстрого включения новых членов в блок. Не последнюю роль в изменении позиции ФРГ по вопросу о вступлении стран Балтии в НАТО сыграла резко изменившаяся международная обстановка на Балканах. Под впечатлением от гражданской войны в Югославии правительство Г. Шредера посчитало себя обязанным предпринять конкретные шаги по достижению стабильности в странах Балтии, также имеющих потенциал этнической напряженности.

Принципиальный поворот в позиции правительства Германии по вопросу о вступлении Литвы, Латвии и Эстонии в Североатлантический альянс произошел в апреле 2002 г., когда оппозиция в Бундестаге взяла инициативу в свои руки и потребовала от правительства поддержать вступление прибалтийских республик в НАТО на запланированной конференции НАТО в Праге [1, S. 275]. Уже несколькими днями спустя правительство Германии ответило заявлением, в котором оно поддержало принятие прибалтийских государств в Североатлантический альянс. На саммите в Праге в ноябре 2002 г. в числе семи посткоммунистических государств получили официальное приглашение вступить в НАТО и три балтийские республики. Важнейшая цель в области безопасности Литвы, Латвии и Эстонии была теперь в достижимой близости, и принципиальные противоречия в прибалтийско-немецких отношениях были тем самым формально разрешены.

После вступления Литвы, Латвии и Эстонии в НАТО (в марте 2004 г.) и в ЕС (в мае 2004 г.) отношения между Германией и прибалтийскими государствами вышли на новый уровень: уровень равноправных партнеров в евро-атлантических организациях. Однако этот факт, пожалуй, еще более охладил градус отношений между странами Балтии и Германией, поскольку теперь их интересы внутри этих организацией все чаще шли вразрез друг с другом. Литва, Латвия и Эстония во многом удовлетворены текущим уровнем своего участия в европейских институтах и не проявляют интереса в дальнейшем процессе европейской интеграции, одним из главных поборником которой на континенте является Германия.

В 2000-х гг. отношения между Германией и прибалтийскими республиками были осложнены проектом российско-немецкой компании Nord Stream по строительству магистрального газопровода «Северный поток», который должен был обеспечить надежность поставок российского газа немецким и европейским потребителям. Страны Балтии расценивали строительство «Северного потока» как угрозу своей безопасности и поэтому проект встретил активное противодействие со стороны балтийских республик уже на подготовительном этапе. Прибалтийские политики постоянно жаловались на игнорирование их позиции со стороны России и Германии и даже сравнивали договор о строительстве газопровода с пактом Риббентропа — Молотова, намекая на очередной «раздел» Прибалтики между Россией и Германией [6, p. 72]. Особенно активно по отношению к строительству магистрального газопровода по дну Балтийского моря вела себя Эстония, которая в мае 2007 г. отказалась принимать председателя совета директоров Nord Stream Герхарда Шредера (бывшего канцлера ФРГ) и обсуждать с ним рекомендации Финляндии о маршруте газопровода в эстонской экономической зоне Финского залива. А в сентябре того же года эстонская сторона отказала Nord Stream в проведении исследования принадлежащего Эстонии дна в интересах реализации проекта [13]. Тем не менее, несмотря на противодействие со стороны стран Балтии, газопровод был построен, и 8 ноября 2011 г. он официально начал свою работу.

Германия хотя и занимала одну из ведущих ролей во внешнеполитических отношениях балтийских республик, однако сильная концентрация последних на трансатлантических отношениях и разногласия в области налоговой политики свидетельствуют о том, что между ФРГ и странами Балтии так и не сложилось тесного политического партнерства [1, S. 23]. Также оставались непростыми отношения прибалтийских республик с Россией, с которой у Германии в последние несколько десятилетий были выстроены взаимовыгодные партнерские отношения. В случае конфронтации прибалтийских республик с Россией Германия оказывается в сложной внешнеполитической ситуации, поскольку, с одной стороны, не может игнорировать интересы своих прибалтийских партнеров по ЕС и НАТО, с другой же стороны, заинтересовано в со-

хранении и улучшении отношений с Россией. Однако трагические события на Украине в феврале 2014 г. и воссоединение Крыма с Россией значительно ухудшили отношения России и Запада. Симпатии германской политической элиты в российско-прибалтийском противостоянии все чаще стали оказываться на стороне стран Балтии. Так, в марте 2015 г. министр иностранных дел Германии Франк-Вальтер Штайнмайер во время своего пребывания в Таллине заявил, что страны Балтии могут положиться на НАТО и ЕС (<http://www.ves.lv/rus/politika/glava-mid-germanii-strany-baltii-mogut-polozhitsya-na-nato-i-es/>). По всей видимости, под давлением своих союзников по НАТО Германия вынуждена была пойти на увеличение своей помощи странам Центральной и Восточной Европы, входящим в блок НАТО, в том числе и государствам Балтии [14]. По опубликованной в конце марта этого года информации в журнале «Шпигель» (Spiegel) ФРГ планирует отправить в страны Балтии шесть самолетов для патрулирования воздушного пространства [15].

В краткосрочной и среднесрочной перспективе внешняя политика ФРГ в регионе Балтийского моря будет в большей степени скоординирована с партнерами по НАТО и ЕС, чем это было до начала кризиса на Украине. Это означает, что «про-балтийская» линия во внешнеполитическом ведомстве ФРГ получила теперь значительно более весомые аргументы, чем «про-российская».

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-37-01209.

Список литературы

1. *Dauchert H.* “Anwalt der Balten” oder Anwalt in eigener Sache? Die deutsche Baltikumpolitik 1991—2004. Berlin, 2008.
2. *Dauchert H.* Deutschlands Baltikumpolitik. Zwischen europäischer Integration und Annäherung an Russland // NORDEUROPAforum 2/2008, S. 53—73. URL: <http://edoc.hu-berlin.de/nordeuropaforum/2008-2/dauchert-helge-53/PDF/dauchert.pdf> (дата обращения: 10.02.2015).
3. *Etzold T.* A country on the brink of a religion? Germany’s Baltic Sea policies // Kas international reports. 2012. №5. P. 6—19.
4. *Hubel H.* Die schwierige Partnerschaft mit Russland / Kaiser, Karl/Joachim Krause (Hg.): Deutschlands neue Aussenpolitik, 1996.
5. *Garbe G.* Deutsche Russlandpolitik und das Baltikum: 1990—98. Kiel, 2002. URL: http://e-diss.uni-kiel.de/diss_587/d587.pdf [2.Mai 2003] (дата обращения: 10.02.2015).
6. *Klein A. M., Herrmann G.* Germany’s Relations with the Baltic States since Reunification // Kas international reports. 2010. №9. P. 60—74.
7. *Krohn A.* Germany / Axel Krohn (Hg.): The Baltic Sea Region: National and International Security Perspectives. Baden-Baden, 1996. S. 96—115.

8. *Lucas H.-D.* United Germany, the Baltic States and the Baltic Sea Region / Mathias Jopp/Sven Arnsward (Hg.): The European Union and the Baltic States. Visions, Interests and Strategies for the Baltic Sea Region. Bonn/Helsinki, 1998. S. 171—190.

9. *Spohr Readman K.* Germany and the Baltic problem after the cold war: the development of a new Ostpolitik, 1989—2000. Frank Cass Publishers, Southgate, 2004.

10. *Thielbeer S.* “Klare Worte an die baltischen Republiken”/ FAZ 20.6.1995.

11. *Verstegen V.* Integration des Baltikums in die Europäische Union: Brückenfunktion der nordischen Länder im Rahmen der EU-Osterweiterung. Diplomarbeit. Freie Universität Berlin, 2003.

12. *Wistinghausen H v.* Im Freien Estland. Erinnerungen des ersten deutschen Botschafters 1991—1995. Köln, 2004.

13. *Проблемы и перспективы Nord Stream.* URL: www.info21.ru/second.php?id=97 (дата обращения: 20.03.2015).

14. *Ukraine-Konflikt:* Berlin will osteuropäische Nato-Staaten militärisch unterstützen // Spiegel Online Politik. 29.03.2014. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/ukraine-krise-militaerische-unterstuetzung-fuer-nato-staaten-in-osteuroopa-a-961459.html> (дата обращения: 20.03.2015).

15. *Deutschland* will baltischen Staaten militärisch helfen // Frankfurter Allgemeine Politik. 29.03.2014 URL: <http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/krim-krise-deutschland-will-baltischen-staaten-militaerisch-helfen-12870754.html> (дата обращения: 20.03.2015).

Об авторах

Алексей Николаевич Саликов, кандидат философских наук, заместитель директора Института Канта, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: salikov123@mail.ru

Илья Николаевич Тарасов, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политики, социальных технологий и массовых коммуникаций, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: ITarasov@kantiana.ru

Евгений Евгеньевич Уразбаев, аспирант Института природопользования, территориального развития и градостроительства, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: urazbaev@gmail.com

Для цитирования:

Саликов А. Н., Тарасов И. Н., Уразбаев Е. Е. Балтийский вектор внешней политики ФРГ на современном этапе развития международных отношений // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 1. С. 86—96. doi: 10.5922/2074-9848-2016-1-5

THE BALTIC POLICY OF GERMANY AND CURRENT INTERNATIONAL RELATIONS

A. Salikov*

I. Tarasov*

E. Urazbaev*

* Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo ul., Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on July 10, 2015

This article analyses the Baltic policy of united Germany from the 1990s until today. The authors set out to identify the significance of German-Baltic relations and the role of the Eastern policy in Russian-German relations. The method of dynamic comparison between the political and economic narrative in intergovernmental relations makes it possible to identify distinctive features of Germany's Baltic policy in the context of current international relations. In particular, it is noted that Germany was most active in the Baltic region in the 1990s, when the country was establishing political, economic, and cultural ties with the new independent states. In the second half of the 1990s, Germany's foreign policy became less intense. After the accession of Lithuania, Latvia, and Estonia to the EU and NATO in 2004, certain disagreements started to arise between Germany and the Baltics. It explains the lukewarm relations between them. The Ukraine events brought about a change in Germany's regional policy. Despite Russia remaining one of the key economic and political counteractors, Germany, being a partner of the Baltics in the EU and NATO, cannot adopt a neutral position in the conflict of interests between the Baltics and Russia.

Key words: Germany's foreign policy, Baltics, EU, NATO, Nord Stream, Baltic Sea region, Russia.

References

1. Dauchert, H. 2008, "Anwalt der Balten" oder Anwalt in eigener Sache? *Die deutsche Baltikumpolitik 1991—2004*, Berlin.
2. Dauchert, H. 2008, Deutschlands Baltikumpolitik. Zwischen europäischer Integration und Annäherung an Russland, *NORDEUROPAforum*, no. 2, S. 53—73, available at: <http://edoc.hu-berlin.de/nordeuropaforum/2008-2/dauchert-helge-53/PDF/dauchert.pdf> (accessed 10.02.2015).
3. Etzold, T. 2012, A country on the brink of a religion? Germany's Baltic Sea policies, *Kas international reports*, no. 5, p. 6—19.
4. Hubel, H. 1996, Die schwierige Partnerschaft mit Russland. In: Kaiser, K., Krause, J.(Hg.), *Deutschlands neue Aussenpolitik*.
5. Garbe, G. 2002, *Deutsche Russlandpolitik und das Baltikum: 1990-98*, Kiel, available at: http://e-diss.uni-kiel.de/diss_587/d587.pdf [2.Mai 2003] (accessed 10.02.2015).
6. Klein, A. M., Gesine, H. 2010, Germany's Relations with the Baltic States since Reunification, *Kas international reports*, no. 9, p. 60—74.

7. Krohn, A. 1996, Germany. In: Krohn, A. (Hg.), *The Baltic Sea Region: National and International Security Perspectives*, Baden-Baden, S. 96—115.
8. Lucas, H.-D. 1998, United Germany, the Baltic States and the Baltic Sea Region. In: Jopp, M., Arnswald, S. (Hg.), *The European Union and the Baltic States. Views, Interests and Strategies for the Baltic Sea Region*, Bonn/Helsinki, S. 171—190.
9. Spohr Readman, K. 2004, *Germany and the Baltic problem after the cold war: the development of a new Ostpolitik, 1989-2000*, Frank Cass Publishers, Southgate.
10. Thielbeer, S. 1995, *Klare Worte an die baltischen Republiken*, FAZ, 20.6.1995.
11. Versteegen, V. 2003, *Integration des Baltikums in die Europäische Union: Brückenfunktion der nordischen Länder im Rahmen der EU-Osterweiterung*, Diplomarbeit, Freie Universität Berlin.
12. Wistinghausen, H. 2004, *Im Freien Estland. Erinnerungen des ersten deutschen Botschafters 1991—1995*, Köln.
13. Problemy i perspektivy Nord Stream [Problems and prospects for Nord Stream], 2015, *Informacionnaja civilizacija — XXI vek* [Information Civilization — XXI Century], available at: www.info21.ru/second.php?id=97 (accessed 20.03.2015).
14. Ukraine-Konflikt: Berlin will osteuropäische Nato-Staaten militärisch unterstützen, 2014, *Spiegel Online*, 29.03.2014, available at: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/ukraine-krise-militaerische-unterstuetzung-fuer-nato-staaten-in-osteuroopa-a-961459.html> (accessed 20.03.2015).
15. Deutschland will baltischen Staaten militärisch helfen, 2014, *Frankfurter Allgemeine*, 29.03.2014, available at: <http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/krim-krise-deutschland-will-baltischen-staaten-militaerisch-helfen-12870754.html> (accessed 20.03.2015).

About the authors

Dr Aleksey Salikov, Deputy Director of Immanuel Kant Institute, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: salikov123@mail.ru

Prof Ilya Tarasov, Head of the Department of Politics, Social Technology and Mass Communication, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: ITarasov@kantiana.ru

Evgeny Urazbaev, PhD Student, Institute of Nature Management, Spatial Planning, and Urban Development, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: yrazbaev@gmail.com

To cite this article:

Salikov A. N., Tarasov I. N., Urazbaev E. E. The Baltic policy of Germany and current international relations. *Baltijskij region*, Vol. 8, no. 1, p. 86—96. doi: 10.5922/2074-9848-2016-1-5

УДК 911.9

МЕСТНОЕ ПРИГРАНИЧНОЕ ПЕРЕДВИЖЕНИЕ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

И. С. Гуменюк *
Т. Ю. Кузнецова *
Л. Г. Осмоловская *

Механизм местного приграничного передвижения как инструмент сотрудничества между странами Европейского союза и приграничными с ними государствами возник в качестве меры по смягчению барьерной функции внешней границы ЕС. В 2006 г. Парламент ЕС дал странам-членам возможность заключать двухсторонние соглашения о введении на примыкающих к границе территориях упрощенного порядка пересечения границы. Цель статьи — проанализировать механизм местного приграничного передвижения как обоюболенного инструмента приграничного сотрудничества. Территория исследования охватывает внешнюю границу Европейского союза (и Норвегии) с Российской Федерацией и Республикой Беларусь. Статья имеет теоретический и практический интерес для специалистов, изучающих международное и как один из его элементов приграничное сотрудничество. Дается современная характеристика каждого механизма и прогнозируется будущее развитие ситуации исходя из общих условий социально-экономического и внешнеполитического фона в России, Беларуси и ЕС (Норвегии). Используется картографический метод, что значительно повышает наглядность представленного материала. Авторы приходят к выводу, что механизм МПП оказывает положительный эффект на развитие приграничных контактов между странами, принявшими этот инструмент на вооружение. Целесообразно продолжать диалог между Россией, Беларусью и странами Европейского союза как по расширению зоны его применения, так и качественному развитию самого механизма МПП.

Ключевые слова: местное приграничное передвижение, приграничное сотрудничество, Европейский союз, Российская Федерация, Республика Беларусь

* Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, Россия, Калининград,
ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 25.11.2015 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2016-1-6

© Гуменюк И. С., Кузнецова Т. Ю.,
Осмоловская Л. Г., 2016

Введение

Местное (или малое) приграничное передвижение (МПП) — одна из форм реализации приграничного сотрудничества между соседними странами. Изучением приграничного сотрудничества как с теоретической точки зрения, так и с позиции прикладных аспектов занимаются многие заслуженные отечественные политологи, историки, экономисты и географы. Среди трудов экономгеографов отметим уже ставшие классическими работы Л. Б. Вардомского [3; 4; 6], А. Г. Гранберга [18; 23], В. А. Колосова [14; 28]. Из работ последнего времени в первую очередь необходимо выделить исследования по приграничному сотрудничеству России, Украины и Беларуси [19; 26; 27]. При этом публикаций, посвященных не приграничному сотрудничеству в целом, а именно механизму местного приграничного передвижения, крайне мало. Пожалуй, к числу наиболее интересных, рассматривающих не отдельный пример МПП на границе двух стран, а изучающих механизм с точки зрения теоретического объекта исследования относится работа белорусского автора А. Елесева, опубликованная им на английском языке [36].

В большей части статей по проблематике МПП обсуждаются частные примеры реализации механизма между конкретными странами, чаще всего между Калининградской областью РФ и приграничными воеводствами Республики Польша [2; 7; 8; 35]. Повышенный интерес к механизму МПП именно между Россией и Польшей объясняется его уникальностью и масштабностью, о чем будет сказано далее. В статье анализируется местное приграничное передвижение как инструмент приграничного сотрудничества, причины его появления и описываются (в том числе географически) все примеры его функционирования на внешних границах Европейского союза и Норвегии, с одной стороны, и Российской Федерации и Республики Беларусь — с другой. При этом внимание авторов также будет сосредоточено на МПП на российско-польской границе.

МПП как инструмент приграничного сотрудничества

Необходимо понимать, механизм местного приграничного передвижения не выступает альтернативой безвизовому режиму, а самостоятельным инструментом приграничного сотрудничества, принятым на вооружение странами ЕС еще в 2006 г. Механизм МПП между Калининградской областью и Республикой Польша уникальный, но не единственный действующий в Балтийском регионе (в том числе и для Российской Федерации).

Режим МПП как инструмент сотрудничества между странами ЕС и соседствующими с ними государствами возник в качестве меры по смягчению барьерной функции внешней границы Европейского союза.

Признавая необходимость поддержания приграничных контактов на локальном и региональном уровнях, Парламент ЕС в 2006 г. предоставил странам-членам ЕС возможность заключения двухсторонних соглашений о введении упрощенного порядка пересечения границы для лиц, проживающих в 30-километровой (максимум 50-километровой) приграничной зоне (по обе стороны границы) [37].

На восточной границе Евросоюза на 1 января 2015 г. насчитывалось восемь двухсторонних договоров о введение режима МПП. Три соглашения с Украиной (подписаны с Венгрией, Польшей и Словакией), три с Россией (Норвегия, Латвия, Польша) одно между Молдавией и Румынией и одно между Белоруссией и Латвией.

Более подробно в статье будут рассматриваться действующие соглашения о МПП на границах Европейского союза (и Норвегии) с Российской Федерацией и Республикой Беларусь: четыре функционирующих и два подписанных, но не функционирующих двухсторонних соглашений о МПП¹ (табл. 1).

Таблица 1

**Действующие соглашения о местном приграничном передвижении
в транснациональном регионе Балтийского моря²**

Страны	Дата подписания договора	Дата запуска механизма МПП	Протяженность государственной границы между странами, км	Численность населения, попадающего под режим МПП (на 01.01.2015), тыс. чел.	
				в стране-члене ЕС (Норвегии)	в приграничной с ЕС (Норвегией) стране
Латвия/Белоруссия	23.08.2010	01.12.2011	141	166	65
Норвегия/Россия	02.10.2010	29.05.2012	196	10	32
Латвия/Россия	20.12.2010	06.06.2013	214	84	88
Польша/Россия	14.12.2011	27.07.2012	232	1 400	950
Литва/Белоруссия	20.10.2010	—	—	800	700
Польша/Белоруссия	12.02.2010	—	—	600	920

Источник: составлено авторами на основе данных [16; 36].

¹ В настоящее время Республика Беларусь подписала двухсторонний договор о введении режима МПП не только с Латвией, но и с Литвой и Польшей. Но функционирует лишь договор с Латвией. По мнению белорусских экспертов, вступление в силу соглашений с Литвой и Польшей белорусская сторона искусственно затягивает уже около двух лет. Все законодательные процедуры выполнены, кроме одной: Беларусь не направляет дипломатическую ноту о готовности запустить соглашение [9].

² Формально соглашение о МПП между Норвегией и Россией не попадает в границы Балтийского региона. Однако включено в объект исследования для сравнительного анализа и формирования полноценной картины применения механизма МПП на приграничных территориях Российской Федерации.

Далее подробно будет охарактеризован каждый из представленных в таблице 1 механизмов. Также мы дадим прогноз будущего развития ситуации, исходя из общих условий социально-экономического и внешнеполитического фона в России, Беларуси и ЕС (Норвегии).

Местное приграничное передвижение между Республикой Беларусь и Латвийской Республикой

Соглашение между Республикой Беларусь и Латвийской Республикой о порядке взаимных поездок жителей приграничных территорий было подписано 23 августа 2010 г. Это первый подписанный договор среди рассматриваемых в статье соглашений о местном приграничном передвижении³. Данное соглашение распространяется на приграничные районы двух стран, располагающиеся вдоль государственной границы протяженностью 172 км (рис. 1). Под механизм МПП согласно этому соглашению попадает 220 тыс. человек, из которых 65 тыс. — жители Республики Беларусь (что составляет около 0,7% от общей численности населения страны и 5,4% от численности приграничной Витебской области) и 166 тыс. — жители Латвийской Республики (8,3% от населения всей страны). Столь значительная разница в численности населения в пользу Латвии объясняется вхождением в зону МПП города Даугавпилс с населением 89 тыс. человек — второго по численности города страны. Если учитывать только сельское население приграничных районов Латвии (77 тыс. человек), то оно соизмеримо с численностью населения приграничных районов Республики Беларусь. Актуальных статистических данных о воспользовавшихся механизмом МПП в свободном доступе нет. По сведениям за 2012 г., в Беларуси им воспользовались 1,6 тыс. человек (по числу выданных разрешений), в Латвийской Республике — 9,5 тыс. [17].

Для обеспечения работы механизма МПП на белорусско-латвийской границе функционируют семь пунктов пропуска через государственную границу: один железнодорожный, два автодорожных и четыре упрощенного пропуска, специализирующихся исключительно на обеспечении работы режима МПП. Отличие упрощенного пункта пропуска от автодорожного в том, что в нем осуществляется только пограничный контроль, в то время как на автодорожном проводятся и иные виды контроля: санитарно-карантинный, ветеринарный, фитосанитарный, автомобильный.

³ В соглашении между РБ и ЛР механизм местного приграничного передвижения именуется малым приграничным движением (МПД), что не меняет сути самого механизма.

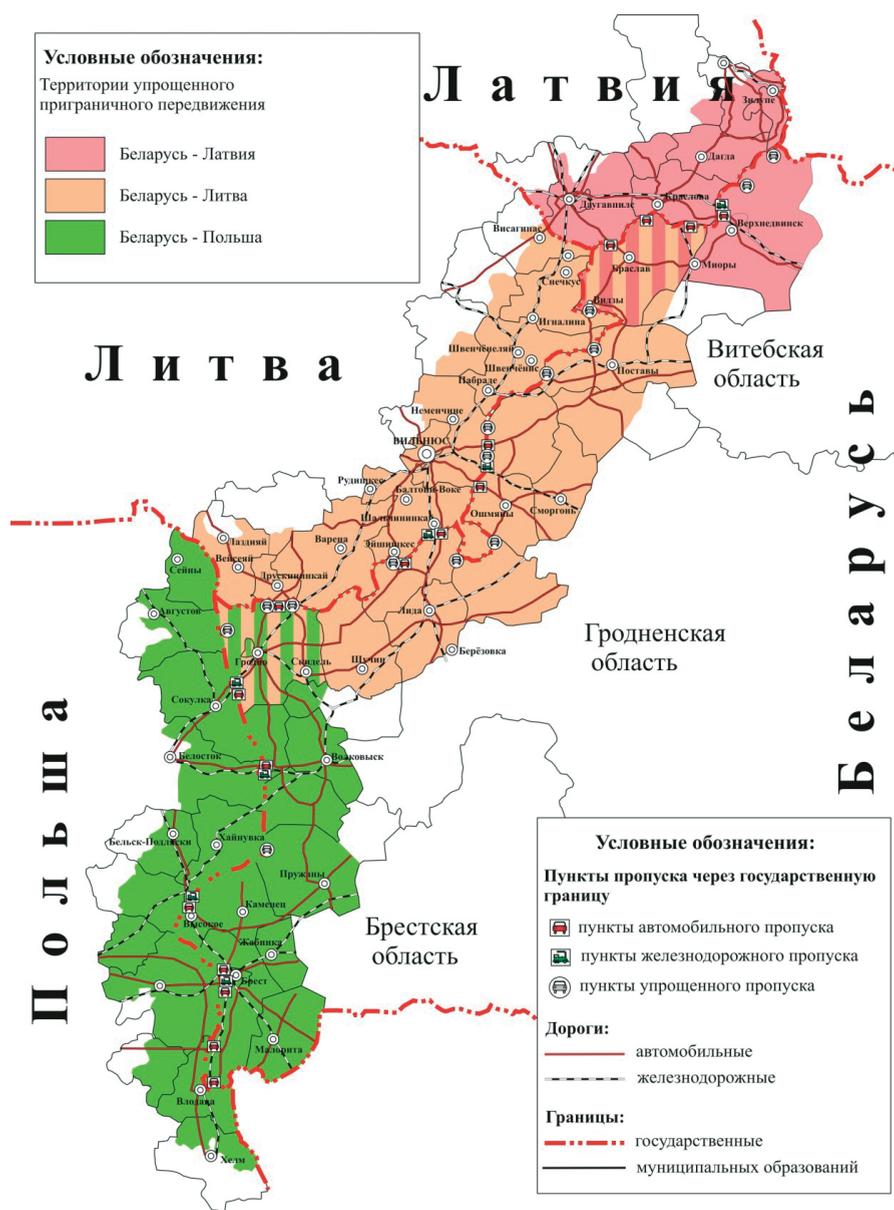

Рис. 1. Территория упрощенного приграничного передвижения на границе Республики Беларусь и сопредельных государств

В целом механизм МПП между Республикой Беларусь и Латвийской Республикой воспринимается как успешный пример работы подобного соглашения. С одной стороны, механизм МПП не усложняет общую ситуацию на границе (ввиду небольшой численности населения, пользующегося МПП), а с другой — позволяет обеспечивать личные и социальные контакты между жителями приграничных районов (по

мнению белорусских экспертов, потребность в таких контактах существует, так как в приграничных районах Латвии проживает много белорусских эмигрантов, родственники которых живут в Беларуси [21]).

Имея положительный пример функционирования соглашения о МПП между Беларусью и Латвией, многие в стране задаются вопросом о причинах отказа в запуске подобного механизма с Литвой и Польшей официальными властями республики. Соответствующие двухсторонние договоры о введении режима МПП Республикой Беларусь с Литовской Республикой и Республикой Польша были подписаны также в 2010 г. Все необходимые законодательные процедуры в стране выполнены, кроме последней — Беларусь не направляет дипломатическую ноту о готовности запустить соглашение. Некоторые считают, что причина — в политической составляющей, объясняя сложившуюся ситуацию ответной реакцией официальных лиц Республики Беларусь на «антибелорусскую позицию» Литвы и Польши. Другие связывают это с нежеланием белорусских чиновников способствовать экономическому развитию приграничных регионов Польши и Литвы и «утечке» денежных средств за рубеж. Так, по разным оценкам, ежегодно жители Беларуси, используя механизм шенгенских виз, оставляют только в Польше около 0,6—1 млрд долларов (при этом по итогам 2013 г. белорусским жителям было выдано 700 тыс. шенгенских виз, из которых 350 тыс. — польскими властями). Если прибавить к ним 920 тыс. человек — жителей приграничных регионов Республики Беларусь, потенциально попадающих под механизм МПП с Польшей, то сумма ежегодного притока в экономику Польши (и, соответственно, недополученной прибыли предприятиями Беларуси) со стороны белорусских граждан может возрасти до 3 млрд долларов.

Откладывание запуска механизма МПП между Беларусью, Литвой и Польшей может быть обусловлено проблемами технического характера, связанного с обеспечением работы государственной границы в случае начала функционирования МПП. В отличие от белорусско-латвийской границы белорусско-литовская и белорусско-польская границы гораздо длиннее (679 и 398 км соответственно). При запуске механизма МПП для обеспечения безопасности на столь протяженном участке государственной границы потребуются более существенные людские и финансовые ресурсы, нежели на белорусско-латвийской границе. Кроме того, уже сейчас международные пункты пропуска на этих границах работают с высоким уровнем загрузки (в первую очередь это касается автодорожных пунктов пропуска), и запуск механизма МПП может привести к техническому коллапсу в их работе.

По соглашению между Республикой Беларусь и Литовской Республикой под действие режима МПП со стороны Беларуси попадают приграничные районы Гродненской и Витебской областей, с населением порядка 700 тыс. человек (7,4% от численности населения страны). Со стороны Литвы в зону действия МПП входят приграничные районы трех уездов (Алитусского, Вильнюсского, Утенского), в которых проживает около 800 тыс. человек (27,5% от численности населения страны). В зоне действия соглашения с Беларусью и столица государства — Вильнюс (553 тыс. жителей), в Беларуси в зону соглашения попадает

также довольно крупный город Гродно (360 тыс. жителей). Для обеспечения текущего пограничного передвижения на белорусско-литовской границе функционирует два железнодорожных и четыре автодорожных пункта пропуска. Согласно Указу Президента Республики Беларусь № 313 от 10 мая 2006 г. на белорусско-литовской границе утвержден перечень пунктов упрощенного пропуска, которые предполагается использовать для обеспечения работы механизма МПП. Их всего 11, однако каких-либо данных об их техническом или инфраструктурном состоянии найти не удалось. Вполне возможно, что эти пункты пропуска существуют лишь на бумаге, как и сам механизм МПП между Республикой Беларусь и Литовской Республикой.

Под соглашение о МПП между Республикой Беларусь и Республикой Польша потенциально попадает более 1,5 млн человек. Около 920 тыс. (9,8% от численности населения страны) — жители приграничных районов Гродненской и Брестской областей. Столь внушительное число потенциальных пользователей механизма МПП в Беларуси объясняется тем, что в зону соглашения кроме Гродно (360 тыс. человек) входит и Брест (338 тыс. человек). С польской стороны под соглашение попадает около 600 тыс. жителей (1,5% жителей всей страны) Подласского и Любельского воеводств. При этом в польской зоне потенциального действия режима МПП нет крупных городов: так, самый многочисленный город, который располагается в зоне МПП, — Августов с населением чуть больше 30 тыс. человек. В зоне действия режима потенциально может оказаться крупный польский город Белосток (300 тыс. жителей). На сегодняшний день он формально не входит в зону МПП, так как удален от границы на 54 км (что, конечно же, не является непреодолимым препятствием при согласии обеих сторон о его включении в механизм МПП, что наглядно продемонстрировано на примере российско-польского договора о МПП). На белорусско-польской границе официально установлено 12 пунктов пропуска, из которых 4 — железнодорожных, 6 — автомобильных и 2 — упрощенных, которых, на наш взгляд, будет недостаточно при запуске механизма МПП между Республикой Беларусь и Республикой Польша.

Говорить о перспективах механизма местного приграничного передвижения на границе Беларуси со странами Европейского союза, не зная внутренней ситуации в республике, нельзя. Мы ограничились пространственной характеристикой существующей ситуации, оставив вопросы прогнозирования дальнейшего ее развития специалистам из перечисленных стран.

Местное приграничное передвижение между Российской Федерацией и Королевством Норвегия

Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Норвегия об упрощении порядка взаимных поездок жителей приграничных территорий Российской Федерации и Королевства Норвегия было подписано 2 ноября 2010 г. [31], но вступило в силу лишь 29 мая 2012 г. Соглашение охватывает приграничную территорию двух стран вдоль государственной границы длиной

196 км. С российской стороны это муниципальные образования Печенгского района Мурманской области, территория которых удалена от государственной границы на 30 км (муниципальные образования Никель, Печенга, Заполярный и Корзуново), с норвежской — приграничные муниципалитеты фюльке⁴ Финнмарк (непосредственно с Россией граничит муниципалитет Сёр-Варангер) (рис. 2). Соглашение охватывает население численностью 42 тыс. человек (среди исследуемых в статье соглашений это самое маленькое по охвату населения). Из них 10 тыс. жители Норвегии (численность муниципалитета Сёр-Варангер, что составляет 13,5% от численности фюльке Финнмарк, или 0,2% от общей численности страны) и 32 тыс. жители России (86% от населения Печенгского района, 4% от населения Мурманской области, или 0,02% от населения государства). С норвежской стороны в зону МПП попадает, по сути, единственный крупный населенный пункт — город Киркинес (3,5 тыс. человек) — административный центр приграничного муниципалитета. С российской стороны — два крупных населенных пункта: город Заполярный (около 15 тыс. жителей) и поселок городского типа Никель (11,8 тыс. жителей). Механизм местного приграничного передвижения между странами осуществляется через единственный российско-норвежский автомобильный пункт пропуска Борисоглебск — Стурскуг.

Рис. 2. Территория функционирования местного приграничного передвижения между Российской Федерацией и Королевством Норвегия

⁴ Фюльке — единица административно-территориального деления Норвегии. По уровню сопоставима с российской единицей административно-территориального деления: область, республика, край.

По итогам 2014 г. из 318 тыс. пересечений, зафиксированных на российско-норвежской границе, около 66 тыс. произведено в режиме МПП, из которых 24 тыс. совершили российские граждане, а 42,5 тыс. — жители Норвегии (цифра легко объясняется разностью в цене на бензин, который в России в среднем в три раза дешевле, что и делает российские приграничные районы столь популярными у жителей приграничной Норвегии) [5]. Если сравнивать показатели 2014 г. с 2013-м, отмечается небольшое падение общего числа пересечений российско-норвежской границы по визе, в то время как с использованием механизма МПП, наоборот, выросло.

Результаты работы механизма МПП за 2014 г. показывают, что у данного соглашения есть потенциал для дальнейшего развития в первую очередь за счет вовлечения в него большего числа жителей приграничных районов России. Так, по итогам 2014 г. на 1 жителя Норвегии, имеющего возможность воспользоваться механизмом МПП, приходилось 4,2 пересечения границы, в то время как на 1 российского жителя — всего 0,75. С одной стороны, это объясняется более низким уровнем благосостояния жителей России, с другой — популярностью среди россиян механизма шенгенской визы, дающей право свободного передвижения по территории Европейского союза и Норвегии. Эксперты и региональные чиновники с оптимизмом смотрят на перспективы развития механизма МПП на российско-норвежской границе, что подтверждается наличием согласованных планов по развитию пропускной способности единственного пункта пропуска Борисоглебск — Стурскуг [33], который в 2014 г. работал с двойным превышением проектной пропускной способности, составляющей 150 тыс. пересечений в год. Кроме того, 6 мая 2015 г. стало известно, что российская сторона одобрила идею расширения норвежской зоны действия МПП, что позволит включить в нее норвежский поселок Нейден, расположенный на норвежско-финской границе [29].

Местное приграничное передвижение между Российской Федерацией и Латвийской Республикой

Соглашение между правительствами Российской Федерации и Латвийской Республики об упрощении взаимных поездок жителей приграничных территорий Российской Федерации и Латвийской Республики [32] было подписано, как и аналогичный договор России с Норвегией, в 2010 г. При этом практический запуск механизма состоялся лишь летом 2013 г., то есть на год позже, чем с Норвегией и Польшей, при том, что с последней договор был подписан в 2011 г.

Территория действия механизма МПП охватывает приграничные районы двух стран, расположенные вдоль государственной границы общей протяженностью 214 км. С российской стороны это 7 муниципальных образований Псковской области, с латвийской — территория 11 крайов. Механизм МПП распространяется примерно на 170 тыс. человек (приблизительно поровну с каждой из сторон). При этом на рос-

сийской стороне в зону МПП попали крупные населенные пункты — города Остров (20,7 тыс. человек) и Печера (10,2 тыс. человек), а в латвийской зоне самые большие по численности населенные пункты — города Алуксне (8,8 тыс. человек) и Лудза (9,5 тыс. человек).

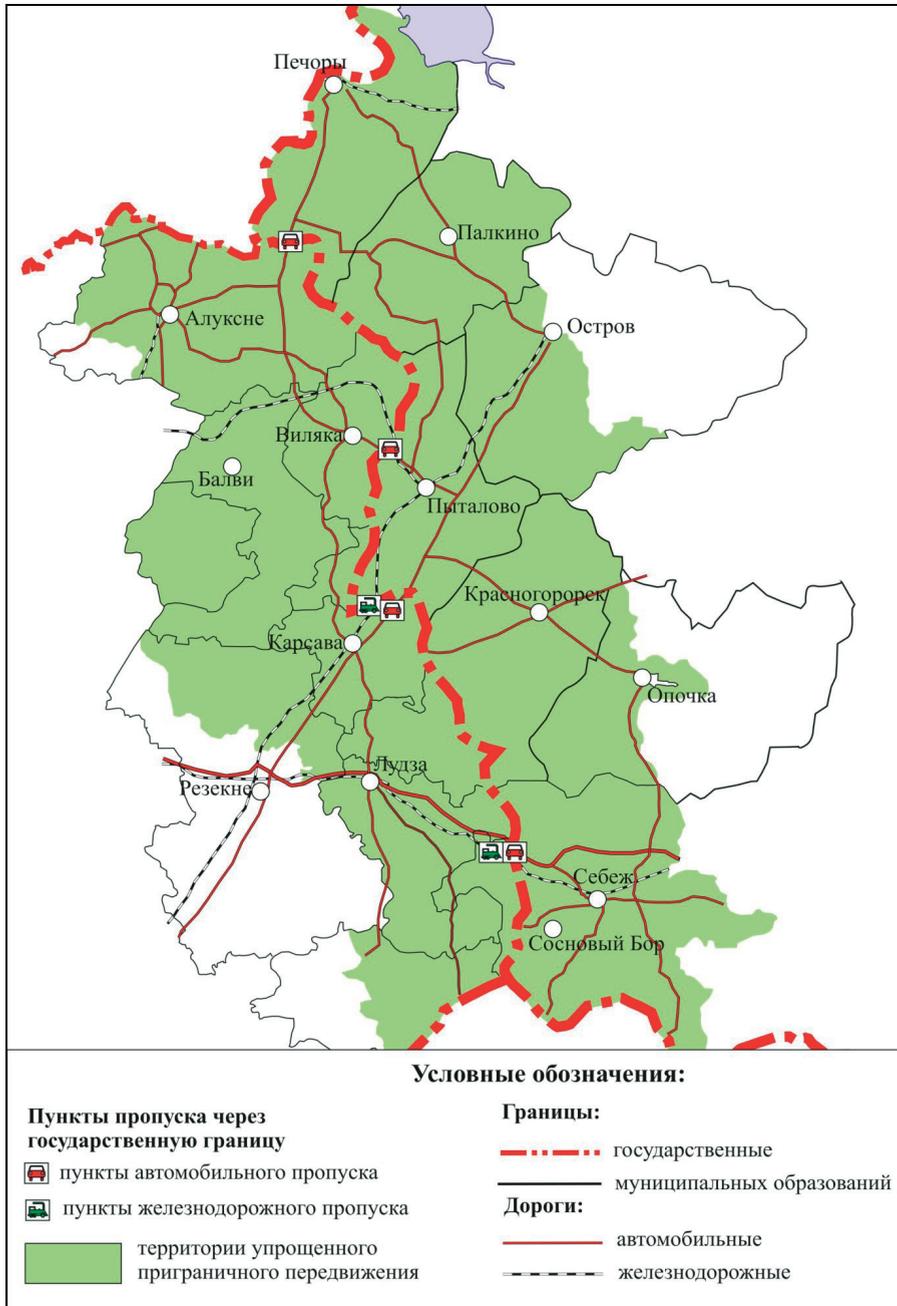

Рис. 3. Территория функционирования местного приграничного передвижения между Российской Федерацией и Латвийской Республикой

Особенностью данного соглашения является возможность получения бесплатно разрешения на приграничное передвижение жителями России и Латвии. В рамках других рассматриваемых в статье соглашений о МПП механизм получения разрешения предусматривает оплату заявителем (как гражданином государства ЕС, так и соседнего государства) сбора за совершение консульских действий в размере 20 евро. Если разрешения на МПП выдают визовые центры (действующие, как правило, на коммерческой основе), а не консульства, с заявителя могут взимать сервисный сбор (10—15 евро). Так, для жителей Норвегии, обращающихся за разрешением на МПП, сервисный сбор составляет 150 норвежских крон (примерно 15 евро), а для жителей Калининградской области, обращающихся в польский визовый центр, 10 евро в рублях по курсу на дату обращения. Для жителей приграничных районов России и Латвии плата за разрешения на МПП отсутствует, а все финансовые расходы ограничиваются затратами на приобретение полиса медицинского страхования на время действия разрешения и незначительными расходами при сборе пакета необходимых документов.

На российско-латвийской государственной границе функционирует шесть пунктов пропуска, два из которых железнодорожные, остальные автомобильные. Именно последние обеспечивают функционирование механизма МПП на российско-латвийской границе. К сожалению, в открытых источниках отсутствует информация о количестве воспользовавшихся данным механизмом (как с российской стороны, так и латвийской), поэтому оценить степень эффективности и популярности режима местного передвижения среди приграничного населения двух стран затруднительно.

Местное приграничное передвижение между Российской Федерацией и Республикой Польша

Соглашение между правительствами Республики Польша и Российской Федерации о порядке местного приграничного передвижения, подписанное 14 декабря 2011 г., вступило в силу 27 июля 2012 г. Данный договор стал уникальным для самого Евросоюза. Существовавший на тот момент регламент ЕС № 1931/2206 [25] разрешал подписывать соглашения о МПП между государством-членом ЕС и своими соседями (не членами ЕС), при этом зона действия соглашения не могла превышать 30 км, а в некоторых случаях 50 км в глубь территории каждого государства. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Польша потребовало изменения данного регламента, так как по обоюдному согласию сторон зона действия режима МПП была распространена на всю территорию Калининградской области и соответствующую по размерам территорию приграничных с областью воеводств Республики Польша⁵ (рис. 4).

⁵ С польской стороны зона действия МПП охватывает ряд повятов двух воеводств: Варминьско-Мазурского (города Эльблонг и Ольштын, а также повяты Эльблонгский, Браневский, Лидзбарский, Бартошицкий, Ольштынский, Кент-

Рис. 4. Территория функционирования местного приграничного передвижения между Российской Федерацией и Республикой Польша

Многие в России восприняли механизм МПП как попытку Евросоюза «смягчить» проблему изоляции Калининградской области от основной территории страны, при этом оставив без изменений действующий между Россией и ЕС механизм визового режима. С предложением об отмене визового режима между Россией и ЕС российская сторона выступила еще в 2002 г. [22], после чего этот вопрос вошел в число «традиционно присутствующих» в повестке переговоров между Россией и Европейским союзом (единственное чего удалось добиться — Соглашения между ЕС и Россией об упрощении выдачи виз, вступившее в силу 1 июня 2007 г. [30]).

За последние пять лет число взаимных передвижений на российско-польской государственной границе увеличилось, а с введением в 2012 г. режима МПП рост стал еще более интенсивным. Если в 2010 г. границу пересекли 1451,5 тыс. человек, то по итогам 2014 г. — 6565,3 тыс. При сохранении объемов взаимных пересечений границы по визе именно режим МПП позволил значительно нарастить итоговые показатели пересечения границы. Если в 2012 г. в режиме МПП государственную границу пересекли всего 53,9 тыс. человек (107,8 тыс. пересечений), то по итогам 2014 г. объем пересечений в режиме МПП возрос до 4,7 млн (табл. 2).

шинский, Мронговский, Венгожевский, Гжицкий, Голдапский, Олецкий) и Поморского (города Гданьск, Гдыня, Сопот и повяты Гданьский, Новодворский, Мальборский).

Таблица 2

**Число пересечений российско-польской государственной границы
в формате МПП в 2012—2014 гг., тыс. человек**

Год	Общее количество	Население	
		Республики Польша	Калининградской области РФ
2012	107,8	80,5	27,2
2013	3500	2342	1158
2014	4700	3025	1675,1

Источник: по данным [20; 24].

При этом режимом МПП чаще пользуется польское население, хотя его популярность среди жителей нашего региона неуклонно растет (если по итогам 2012 г. соотношение составляло 80 на 20 в пользу польских граждан, то по итогам 2014 г. уже 65 на 35 в пользу населения Польши). Популярность механизма МПП среди населения приграничных регионов России и Польши подтверждается фактом, что при максимальной численности человек (2,8 млн), способных воспользоваться соглашением (из которых около 941,5 тыс. — с российской стороны и 1,9 млн — с польской), по итогам 2014 г. к нему прибегли более 2,3 млн человек⁶.

На российско-польской государственной границе оборудовано девять международных пунктов пропуска (три железнодорожных и шесть автомобильных). При этом официально установлены, но не функционируют три из них — железнодорожный пункт пропуска «Железнодорожный» и два автомобильных «Железнодорожный» и «Крылово» [34]. Работу режима местного приграничного передвижения на российско-польской границе обеспечивают четыре автомобильных пункта пропуска (Мамоново, Мамоново-II, Багратионовск, Гусев), при этом основная нагрузка падает на первые три. Общая проектная пропускная способность автомобильных пунктов пропуска — 6700 транспортных средств в сутки, фактическая по итогам 2013 г. — 10 406 транспортных средств в сутки (загруженность 155%) [10]. Превышение среднесуточной фактической пропускной способности автомобильных пунктов пропуска на российско-польском участке госграницы составляет: в МАПП Мамоново — в 5 раз (507%); в МАПП Багратионовск — в 3,3 раза (327%); в Мамоново-II — в 1,3 раза (132%); в Гусеве — в 1,7 раза (174%).

В целом большинство экспертов как в России, так и в Польше склонны согласиться с мнением, что функционирующий чуть больше трех лет механизм местного приграничного передвижения положительно сказывается на развитии социальных контактов между страна-

⁶ Речь идет не об уникальных пользователях, а об общем количестве человек.

ми, дает несомненную экономическую выгоду населению обеих стран. При этом прямой отрицательный экономический эффект для некоторых региональных хозяйствующих субъектов не так велик, чтобы именно в механизме МПП видеть главную угрозу для эффективного функционирования в регионе. Перспективы режима МПП между Россией и Польшей всецело зависят от состояния современного политического диалога между Россией и Европейским союзом. В марте 2014 г. тогда еще министр иностранных дел Польши Р. Сикорский отмечал, что в качестве санкционной меры по отношению к России «Польша могла бы приостановить действие местного приграничного передвижения с Калининградской областью» [15]. Ряд польских авторов разделяли и поддерживали эту идею, хотя у нее было и немало противников в Польше [1]. При этом региональные официальные лица как Калининградской области, так и приграничных воеводств Польши положительно оценивают механизм местного приграничного передвижения, видят плюсы его функционирования и готовы обсуждать перспективы его развития (в том числе и расширение польской зоны действия режима МПП) [11; 25]. При этом наиболее реальным шагом развития механизма МПП между Россией и Польшей, на наш взгляд, может стать распространение механизма не только на сухопутные передвижения, но и на передвижения по воде. При наличии единого трансграничного водного объекта между странами (Калининградского/Вислинского залива) такое решение будет способствовать дальнейшему росту взаимных пересечений и как следствие социально-экономическому развитию приграничных территорий обеих стран.

Заключение

Каковы же перспективы введения механизма местного приграничного передвижения между Россией и другими странами ЕС? В контексте современных отношений между Россией и Евросоюзом ждать подписания новых соглашений не приходится. Но положительный пример российско-польского сотрудничества вселяет оптимизм. И как только ситуация нормализуется и Россия и ЕС вернуться к конструктивному диалогу о взаимном сотрудничестве, могут быть подписаны новые двухсторонние договоры о введении механизма МПП.

На наш взгляд, в первую очередь можно ждать появления соглашения между Россией и Литвой. Во-первых, Литва видит позитивный опыт Польши и Калининградской области. Во-вторых, Литвой и Россией первоначальный текст соглашения был согласован еще в 2009 г., однако российскую сторону не устроила предлагаемая на тот момент 30-километровая зона действия режима. Литовская же сторона не хотела поднимать вопрос об изменении общеевропейского документа, регламентирующего механизм работы местного приграничного передвижения (как известно, позже этот вопрос был поднят Польшей, и ЕС решил его положительно). В настоящее время официальные лица Литовского государства не озвучивают свою позицию по данному вопросу (как и

российские), но региональные лидеры Калининградской области и приграничных районов Литовской Республики, несомненно, ждут подписания такого соглашения.

Кроме того, высоки шансы появления механизма МПП на российско-финской государственной границе. Финская сторона с большим интересом наблюдает за реализацией соглашения между Россией и Польшей, а официальные лица Министерства иностранных дел Финляндии посещали Польшу для консультаций с польскими представителями Управления по вопросам иностранных граждан, Министерства внутренних дел и Пограничной службы [13].

Список литературы

1. *Андрей Стариков*. В Польше предлагают свои санкции против России. Кто пострадает? Аналитический портал о Балтийском регионе RubalticRu URL: <http://www.rubaltic.ru/article/ekonomika-i-biznes/27102014-MPP/> (дата обращения: 12.05.2015).
2. *Анисевич Р., Пальмовский Т., Драгилева И.И.* Влияние местного приграничного передвижения на развитие трансграничного туризма между Республикой Польша и Калининградской областью Российской Федерации // Наука и туризм: стратегия взаимодействия. 2013. С. 65—73.
3. *Вардомский Л.Б.* Приграничный пояс России: проблемы и тенденции развития // Россия и современный мир. 2000. №2. С. 54—64.
4. *Вардомский Л.Б.* Российское порубежье в условиях глобализации. М., 2009.
5. *В Киркенесе* пустые улицы — за границу уже не едут / BarentsObserver URL: <http://barentsobserver.com/ru/granicy/2015/01/v-kirkenese-pustye-ulicy-za-granicu-uzhe-ne-edut-02-01> (дата обращения: 15.10.2015).
6. *Внешнеэкономическая* деятельность регионов России / Л.Б. Вардомский, Е.Е. Скатерщикова. М., 2002.
7. *Кретинин Г., Остаškova Т.* Малое приграничное передвижение как предмет исторического исследования и современность Acta humanitarica inversitatis Saulensis. Т. 14 (2012). 314—321. URL: http://www.su.lt/bylos/mokslo_leidiniai/acta/2012_14/kretinin_ostaskova.pdf (дата обращения: 12.05.2015).
8. *Кретинин Г.В., Миронюк Д.А.* Местное приграничное передвижение как форма либерализации визового режима и развития территории // Балтийский регион. 2014. №4 (22). С. 30—47.
9. *Дождутся* ли белорусы смягчения визового режима с ЕС. Аналитический портал о Германии, России, Европе и мире. URL: <http://www.dw.de/a-17740616> (дата обращения: 12.05.2015).
10. *Доклад* руководителя КТУ Росграницы Виктора Кудрявцева «Об итогах деятельности КТУ Росграницы за 2013 год». Федеральное агентство по обустройству государственной границы Российской Федерации. URL: <http://test131.artwell.ru/en/pressa/statement/8689> (дата обращения: 22.09.2014).
11. *Женгота К.* Польско-Российское соглашение о местном приграничном передвижении в контексте взаимоотношений Европейского союза и России // Балтийский регион. 2014. №3. С. 107—120.
12. *Карточки* МПП есть у 270 тыс. жителей Калининградской области/RUGRAD.EU. URL: <http://rugrad.eu/news/765701/> (дата обращения: 12.05.2015).

13. *Кинга Дудзиньска, Анна Мария Дынэр.* Местное приграничное передвижение с Калининградской областью — задачи, возможности и угрозы // Policy Paper. №29 (77), октябрь 2013. URL: https://www.pism.pl/files/?id_plik=15092 (дата обращения: 21.05.2015).
14. *Колосов В.А.* Как изучать новое пограничье России? // Международные процессы. 2004. Т. 2, №3. С. 89—96.
15. *Кэтрин Эштон:* Совет ЕС не согласовал санкции в отношении РФ, но они возможны / Информационное агентство России URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1018639> (дата обращения: 18.10.2015).
16. *Малое приграничное сотрудничество: окно в ЕС?/ Новая Европа* URL: http://n-europe.eu/article/2011/12/05/maloe_prigranichnoe_sotrudnichestvo_okno_v_es (дата обращения: 15.05.2015).
17. *Малое приграничное движение: пока еще рано.* URL: <http://www.bsblog.info/maloe-prigranichnoe-dvizhenie-poka-eschhyo-rano> (дата обращения: 15.10.2015).
18. *Международные и внешнеэкономические связи субъектов Российской Федерации.* М., 2001.
19. *Морачевская К.А.* Приграничность и периферийность как факторы развития приграничных с Белоруссией регионов России : автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М., 2013.
20. *Николай Цуканов:* Местное приграничное передвижение — успешный эксперимент, который нужно развивать / Официальный сайт Правительства Калининградской области. URL: <http://www.gov39.ru/news/101/76187/> (дата обращения: 21.04.2015).
21. *Ни шагу налево!* Почему застопорилось малое приграничное движение Беларуси с Польшей? Портал газеты «Туризм и отдых» ТЮ. ВУ. URL: <http://www.tio.by/novosti/Ni-shagu-nalevo-Pochemu-zastoporilos-maloe-prigranichnoe-dvizhenie--Belarusi-s-Polshej> (дата обращения: 15.10.2015).
22. *О посланиях Президента России В. В. Путина Председателю Комиссии Европейских сообществ и главам государств-членов ЕС. МИД РФ.* URL: <http://www.mid.ru/bl.nsf/4dbcf8cbe426a71743256918006895e7/ef66e4aefcfa887b43256c23002de579?OpenDocument> (дата обращения: 12.05.2015).
23. *Основы региональной экономики.* М., 2000.
24. *Официальный сайт штаб-квартиры пограничный войск Республики Польша.* STRAŻ GRANICZNA URL: http://www.strazgraniczna.pl/wps/portal/tresce?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/pl/serwis-sg/SG_statystyki_logistyka_wspolpraca/Statystyki&WCM_Page.ResetAll=TRUE (дата обращения: 21.05.2015).
25. *Польша дружит с Калининградом не взирая на политику ЕС / ГОСНОВОСТИ.* URL: <http://gosnovosti.com/2015/05/> (дата обращения: 12.05.2015).
26. *Приграничное сотрудничество регионов России, Беларуси и Украины.* ЦИИ ЕАБР, 2013.
27. *Российско-белорусское приграничье: двадцать лет перемен : монография / под ред. А. П. Катровского и Ю. П. Ковалева.* Смоленск, 2012.
28. *Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства.* М., 2011.
29. *Россия расширит безвизовую зону с Норвегией.* Информационно-аналитический портал «EUROMAG.RU» URL: <http://www.euromag.ru/catalogs/visas/42409.html> (дата обращения: 15.10.2015).
30. *Соглашения между ЕС и Россией об упрощении выдачи виз. МИД РФ.* URL: http://www.mid.ru/Brp_4.nsf/arh/D2FDBE95F19D148EC325717D002FFDCC (дата обращения: 12.05.2015).
31. *Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Норвегия об упрощении порядка взаимных поездок жителей*

приграничных территорий Российской Федерации и Королевства Норвегия. URL: http://www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/F976D20729BEE7D743257E000021A04D (дата обращения: 17.03.2015).

32. *Соглашение* между Правительством Российской Федерации и Правительством Латвийской Республики об упрощении взаимных поездок жителей приграничных территорий Российской Федерации и Латвийской Республики URL: http://www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/F86378372CDF20D843257E0000219E24 (дата обращения: 17.03.2015).

33. *Средства* для пропускного пункта Стурскуг не выделены / BarentsObserver. URL: <http://barentsobserver.com/ru/granicy/2014/10/sredstva-dlya-propuskного-punkta-sturskug-ne-vydeleny-09-10> (дата обращения: 15.10.2015).

34. *Транспортная инфраструктура*/ Информационно-аналитический портал БФУ им. И. Канта. URL: <http://science.kantiana.ru/resources/potentsial/transportnaya-infrastruktura/> (дата обращения: 17.10.2015).

35. *Gomółka K.* Преимущества принятия соглашения между Польшей и Калининградской областью РФ о порядке местного приграничного передвижения // Европейское обозрение общественных наук. 2014. Т. 1, №2. С. 6—24.

36. *Keeping the door ajar: Local border traffic regimes on the EU's eastern borders.* URL: http://www.fiia.fi/en/publication/429/keeping_the_door_ajar/ (дата обращения: 15.05.2015).

37. *Regulation (EC) № 1931/2006 of the European Parliament and of the Council of 20 December 2006 laying down rules on local border traffic at the external land borders of the Member States and amending the provisions of the Schengen Convention.* URL: <http://eurlex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2006:405:0001:0022:EN:PDF> (дата обращения: 12.05.2015).

Об авторах

Иван Сергеевич Гуменюк, кандидат географических наук, доцент кафедры географии, природопользования и пространственного развития, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.
E-mail: IGumeniuk@kantiana.ru

Татьяна Юрьевна Кузнецова, кандидат географических наук, доцент кафедры географии, природопользования и пространственного развития, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: Tikuznetsova@kantiana.ru

Людия Геннадьевна Осмоловская, аспирантка кафедры географии, природопользования и пространственного развития, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: LOsmolovskaya@kantiana.ru

Для цитирования:

Гуменюк И.С. Кузнецова Т.Ю. Осмоловская Л.Г. Местное приграничное передвижение как эффективный инструмент развития приграничного сотрудничества // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 1. С. 97—117. doi: 10.5922/2074-9848-2016-1-6

LOCAL BORDER TRAFFIC AS AN EFFICIENT TOOL FOR DEVELOPING CROSS-BORDER COOPERATION

I. Gumenyuk*,
T. Kuznetsova*,
L. Osmolovskaya*

* *Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo ul., Kaliningrad, 236041, Russia*

Submitted on November 25, 2015

Local border traffic (LBT) is a tool for cooperation between the EU member states and neighbouring countries. It emerged as a measure to mitigate the barrier effect of the EU's external border. In 2006, the European Parliament authorised the EU member states to conclude bilateral agreements on a simplified border crossing regime in border areas. This article analyses local border traffic as a cross-border cooperation tool. The territory described in the study includes the external borders of the EU (and Norway) with the Russian Federation and the Republic of Belarus. The article will be of interest to specialists in international and, particularly, in cross-border cooperation. The authors analyse the mechanism of local border traffic and identify possible trends based on the general socioeconomic situation and foreign policy background in Russia, Belarus, and the EU (Norway). The article employs the cartographic method to enhance the visual component of the study. It is concluded that the LBT mechanism is effective and it has a positive effect on the development of border contacts between countries. There is a need to continue the dialogue between Russia, Belarus and the EU countries on both expanding the geographical scope of the LBT mechanism and ensuring its qualitative development.

Key words: local border traffic, cross-border traffic, European Union, Russian Federation, Republic of Belarus.

References

1. Starikov, A. 2014, В Польше предлагают свои санкции против России. Кто пострадает? *RubalticRu*, available at: <http://www.rubaltic.ru/article/ekonomika-i-biznes/27102014-MPP/> (accessed 12.05.2015).
2. Anisevich, R., Palmovsky, T., Dragileva, I. I. 2013, Vliyanie mestnogo prigranichnogo peredvizheniya na razvitie transgranichnogo turizma mezhdou Respublikoj Pol'sha i Kaliningradskoj oblast'ju Rossijskoj Federacii [Influence of local border traffic on the development of cross-border tourism between the Republic of Poland and the Kaliningrad region of the Russian Federation], *Nauka i turizm: strategija vzaimodejstvija* [Science and tourism: cooperation strategy], p. 65—73.
3. Vardomsky, L. B. 2000, Prigranichnyj pojas Rossii: problemy i tendencii razvitiya [Border zone of Russia: problems and trends], *Rossija i sovremennyy mir* [Russia and the Modern World], no. 2, p. 54—64.
4. Vardomsky, L. B. 2009, *Rossijskoe porubezh'e v uslovijah globalizacii* [Russian porubezhe in the context of globalization], Moscow, 216 p.
5. Nilsen, T. 2015, V Kirkenese pustye ulicy — za granicu uzhe ne edut [In Kirkenes empty streets — abroad no longer go], *BarentsObserver*, available at: <http://barentsobserver.com/ru/granicy/2015/01/v-kirkenese-pustye-ulicy-za-granicu-uzhe-ne-edut-02-01> (accessed 15.10.2015).

6. Vardomsky, L. B. Skatershchikova, E. E. 2002, *Vneshnejekonomicheskaja dejatel'nost' regionov Rossii* [Foreign economic activity of Russian regions], Moscow, 448 p.
7. Kretinin, G., Ostashkova, T. 2012, *Maloe prigranichnoe peredvizhenie kak predmet istoricheskogo issledovanija i sovremennost'* [Small border traffic as a subject of historical research and the Present], *Acta humanitarica inversitatis Saulensis*, T. 14, p. 314—321, available at: http://www.su.lt/bylos/mokslo_leidiniai/acta/2012_14/kretinin_ostaskova.pdf (accessed 12.05.2015).
8. Kretinin, G., Mironyuk, D. 2014, Local Border Traffic as a Form of Visa Liberalisation and Territorial Development, Baltic Region, no. 4, p. 27—41. DOI: 10.5922/2074-2079-8555-4-2.
9. Daneiko, E. 2014, Dozhdutsja li belorusy smjagchenija vizovogo rezhima s ES. Analiticheskij portal o Germanii, Rossii, Evrope i mire [Are Belarusians wait easing the visa regime with the EU. Analytical Portal Germany, Russia, Europe and the world], *Deutsche Welle*, available at: <http://www.dw.de/a-17740616> (accessed 12.05.2015).
10. Doklad rukovoditelja KTU Rosgranicy Viktora Kudrjavceva «Ob itogah dejatel'nosti KTU Rosgranicy za 2013 god» [Report of the Head of KTU Rosgranitsa Victor Kudryavtsev "About results of activity of KTU Rosgranitsa in 2013"], 2014, *Federal'noe agentstvo po obustrojstvu gosudarstvennoj granicy Rossijskoj Federacii* [Federal Agency for Development of the State border of the Russian Federation], available at: <http://test131.artwell.ru/en/prensa/statement/8689> (accessed 22.09.2014)
11. Żegota, K. 2014, Polish-Russian Small Border Traffic in the Context of Russia — EU Relations, *Baltic Region*, no. 3, p. 88-99. DOI: 10.5922/2079-8555-2014-3-8.
12. Kartochki MPP est' u 270 tys. zhitelej Kaliningradskoj oblasti [WFP cards have 270 thousand. Residents of the Kaliningrad region], 2015, *RUGRAD.EU*, available at: <http://rugrad.eu/news/765701/> (accessed 12.05.2015).
13. Dudzinska, K., Dyer, A.-M. 2013, Mestnoe prigranichnoe peredvizhenie s Kaliningradskoj oblast'ju — zadachi, vozmozhnosti i ugrozy [The local border traffic with the Kaliningrad region — challenges, opportunities and threats], *Policy Paper*, no. 29 (77), October, available at: https://www.pism.pl/files/?id_plik=15092 (accessed 21.05.2015).
14. Kolosov, V. A. 2004, Kak izuchat' novoe pogranych'e Rossii? [How to learn a new Russian borderlands?], *Mezhdunarodnye processy* [International processes], T. 2, no. 3, p. 89—96.
15. Kjetrin Jeshton: Sovet ES ne soglasoval sankcii v otnoshenii RF, no oni vozmozhny [Catherine Ashton: The EU Council has agreed on sanctions against Russia, but they are possible], 2015, *Informacionnoe agentstvo Rossii* [News Agency of Russia], available at: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1018639> (accessed 18.10.2015)
16. Eliseev, A. 2011, Maloe prigranichnoe sotrudnichestvo: okno v ES? [Small cross-border cooperation: the window in the EU?], *Novaja Jevropa*, available at: http://n-europe.eu/article/2011/12/05/maloe_prigranichnoe_sotrudnichestvo_okno_v_es (accessed 15.05.2015).
17. *Maloe prigranichnoe dvizhenie: poka eshhjo rano* [The small border traffic: it is too early], 2014, available at: <http://www.bsblog.info/maloe-prigranichnoe-dvizhenie-poka-esshho-rano/> (accessed 15.10.2015).
18. *Mezhdunarodnye i vneshnejekonomicheskie svjazi sub#ektov Rossijskoj Federacii* [International and Foreign Economic Relations of the Russian Federation], 2001, Moscow, 352 p.

19. Morachevskaya, K. A. 2013, *Prigranichnost' i periferijnost' kak faktory razvitiya prigranichnyh s Belorussiej regionov Rossii* [Cross-border and peripheral factors as the development of border regions of Russia and Belarus], PhD Thes., Moscow.

20. Nikolaj Cukanov: Mestnoe prigranichnoeperedvizhenie — uspeshnyj jeksperiment, kotoryj nuzhno razvivat' [Nikolai Tsukanov: Local border traffic — a successful experiment that needs to be developed], *Kaliningrad Region Government*, available at: <http://www.gov39.ru/news/101/76187/> (accessed 21.04.2015).

21. Ni shagu nalevo! Pochemu zastoporilos' maloe prigranichnoe dvizhenie Belarusi s Pol'shej? [Not one step to the left! Why has stalled small border traffic between Belarus and Poland?], *TIO.BY*, available at: <http://www.tio.by/novosti/Ni-shagu-nalevo-Pochemu-zastoporilos-maloe-prigranichnoe-dvizhenie--Belarusi-s-Polshej> (accessed 15.10.2015).

22. O poslanijah Prezidenta Rossii V. V. Putina Predsedatelju Komissii Evropejskih soobshhestv i glavam gosudarstv-chlenov ES [President of Russia VV messages Putin, the President of the European Commission and the heads of the EU member states], *Russian Foreign Ministry*, available at: <http://www.mid.ru/bl.nsf/4d6cf8cbe426a71743256918006895e7/ef66e4aefcfa887b43256c23002de579?OpenDocument> (accessed 12.05.2015).

23. *Osnovy regional'noj jekonomiki* [Basics of regional economics], 2000, Moscow, 495 p.

24. Oficial'nyj sajt shtab-kvartiry pogranichnyj vojsk Respubliki Pol'sha [Official site of the headquarters of the border troops of the Republic of Poland], 2015, *STRAŻ GRANICZNA*, available at: http://www.strazgraniczna.pl/wps/portal/tresc?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/pl/serwis-sg/SG_statystyki_logistyka_wspolpraca/Statystyki&WCM_Page.ResetAll=TRUE (accessed 21.05.2015).

25. Pol'sha druzhit s Kaliningradom ne vziraja na politiku ES [Poland is friends with Kaliningrad despite the EU's policy], 2015, *GOSNOVOSTI*, available at: <http://gosnovosti.com/2015/05/> (accessed 12.05.2015).

26. *Prigranichnoe sotrudnichestvo regionov Rossii, Belarusi i Ukrainy* [Cross-border cooperation of regions of Russia, Belarus and Ukraine], 2013, CII EABR, 100 p.

27. Katrovsky, A. P., Kovalev, Yu. P. 2012, *Rossijsko-belorusskoe prigranich'e: dvadcat' let peremen* [Russian-Belarusian border area: twenty years of change], Smolensk, 288 p.

28. *Rossijsko-ukrainskoe pogranich'e: dvadcat' let razdelenogo edinstva* [The Russian-Ukrainian borderlands twenty years divided unity], 2011, Moscow, 352 p.

29. Rossija rasshirit bezvizovuju zonu s Norvegiej [Russia will extend the visa-free zone with Norway], 2015, *EUROMAG.RU*, available at: <http://www.euromag.ru/catalogs/visas/42409.html> (accessed 15.10.2015).

30. Soglashenija mezhdru ES i Rossiej ob uproshhenii vydachi viz [Agreement between the EU and Russia on visa facilitation], 2003, *Russian Foreign Ministry*, available at: http://www.mid.ru/Brp_4.nsf/arh/D2FDBE95F19D148EC325717D002FFDCC (accessed 12.05.2015).

31. Soglashenie mezhdru Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii i Pravitel'stvom Korolevstva Norvegija ob uproshhenii porjadka vzaimnyh poezdok zhitelej prigranichnyh territorij Rossijskoj Federacii i Korolevstva Norvegija [Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Kingdom of Norway on the facilitation of mutual trips of residents of border territories of the Russian Federation and the Kingdom of Norway], *Russian Foreign Ministry*, available at: http://www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/F976D20729BEE7D743257E000021A04D (accessed 17.03.2015).

32. Soglashenie mezhdru Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii i Pravitel'stvom Latvijskoj Respubliki ob uproshhenii vzaimnyh poezdok zhitelej prigranichnyh territorij Rossijskoj Federacii i Latvijskoj Respubliki [Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Latvia on the facilitation of mutual trips of residents of border areas of the Russian Federation and the Republic of Latvia], *Russian Foreign Ministry*, available at: http://www.mid.ru/bdcomp/spd_md.nsf/0/F86378372CDF20D843257E0000219E24 (accessed 17.03.2015).

33. Sredstva dlja propusknogo punkta Sturskug ne vydeleny [The funds are not allocated for checkpoint Storskog], 2014, *BarentsObserver*, available at: <http://barentsobserver.com/ru/granicy/2014/10/sredstva-dlya-propusknogo-punkta-sturskug-ne-vydeleny-09-10> (accessed 15.10.2015).

34. Transportnaja infrastruktura [Transport infrastructure], 2015, *Informacionno-analiticheskij portal BFU im. I. Kanta* [Informational and analytical portal IKSUR], available at: <http://science.kantiana.ru/resources/potentsial/transportnaya-infrastruktura/> (accessed 17.10.2015).

35. Gomólka, K. 2014, Preimushhestva prinjatija soglashenija mezhdru Pol'shej i Kaliningradskoj oblast'ju RF o porjadke mestnogo prigranichnogo peredvizhenija [The advantages of adopting an agreement between Poland and the Kaliningrad region of the Russian Federation on the procedure of the local border traffic], *Evropejskoe obozrenie obshhestvennyh nauk* [European Review of Social Sciences], T. 1, no. 2, p. 6—24.

36. Yeliseyev, A. 2014, Keeping the door ajar: Local border traffic regimes on the EU's eastern borders, *FIIA REPORT*, no. 41, available at: http://www.fiaa.fi/en/publication/429/keeping_the_door_ajar/ (accessed 15.05.2015).

37. *Regulation (EC) №1931/2006 of the European Parliament and of the Council of 20 December 2006 laying down rules on local border traffic at the external land borders of the Member States and amending the provisions of the Schengen Convention*, 2006, available at: <http://eurlex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2006:405:0001:0022:EN:PDF> (accessed 12.05.2015).

About the authors

Dr Ivan Gumenyuk, Associate Professor, the Department of Geography, Nature Management and Spatial Development, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: IGumeniuk@kantiana.ru

Dr Tatyana Kuznetsova, Associate Professor, the Department of Geography, Nature Management and Spatial Development, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: Tikuznetsova@kantiana.ru

Lidiya Osmolovskaya, PhD Student, Department of Geography, Nature Management and Spatial Development, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: LOsmolovskaya@kantiana.ru

To cite this article:

Gumenyuk I.S., Kuznetsova T. Yu., Osmolovskaya L. G. 2016, Local border traffic as an efficient tool for developing cross-border cooperation. Baltijskij region, Vol. 8, no. 1, p. 97—117. doi: 10.5922/2074-9848-2016-1-6

ОБЩЕСТВО

УДК 32.019.52

СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В ОЦЕНКАХ ПЕТЕРБУРЖЦЕВ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

*Е. О. Негров**

Статья посвящена отношению петербуржцев к социальным конфликтам, выражаемому в первую очередь в оценке степени опасности разнообразных социальных противоречий между разными частями российского общества, которые особенно актуализируются в ходе экономической и социально-политической турбулентности. Цель исследования — показать угрозы и возможности исправления социальных противоречий в российском обществе. Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных данных в социальной политике государства и в рамках функционирования гражданского общества. Удалось зафиксировать отношение петербуржцев к различным социальным конфликтам, состоящее в том, что на первое место петербуржцы ставят опасность конфликтов на религиозной и этнической основе, а угрозу конфликтов по имущественному и статусному признакам считают менее опасной. При этом те, кто относит себя к среднему слою, оценивают степень угрозы межрелигиозных конфликтов существенно выше тех, кто причисляет себя к низшему, что подтверждается и сравнением по реальным доходам. В случае второго блока вопросов — о степени личной тревоги от присутствия рядом непохожих на респондентов людей — такие тревоги выстроились в следующую цепочку: люди другой национальности — граждане других государств и иного вероисповедания — носители иных политических взглядов и соотечественники из других регионов РФ. Полученные данные позволили также выявить скрытые связи и закономерности в социодемографической структуре такого отношения, что, в свою очередь,

* Санкт-Петербургский государственный университет 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7—9

Поступила в редакцию 10.07.2015 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2016-1-7

© Негров Е. О., 2016

должно полнее раскрыть угрозы и опасности возможного усиления социальных конфликтов в российском обществе, а значит, и способствовать их предотвращению.

Ключевые слова: общественное мнение, массовое сознание, социальные конфликты, социальные противоречия, социодемографические характеристики, установки, российское общество, Санкт-Петербург

Практическая база исследования основана на эмпирическом политическом исследовании «Особенности политического сознания жителей российских мегаполисов в ситуации системного экономического кризиса: на примере г. Санкт-Петербурга» («Политический Петербург-2015»), выполненного на базе Ресурсного центра Санкт-Петербургского государственного университета социологических и интернет-исследований (директор Ресурсного центра канд. социол. наук С. М. Снопва) в марте-апреле 2015 г.¹ Метод опроса — телефонное интервью. Объем выборки — 1150 человек, постоянно проживающих в Санкт-Петербурге. Выборка случайная, бесповторная, с квотированием следующих признаков: пол, возраст, образование, район проживания.

Прежде чем говорить о конкретных оценках петербуржцев по поводу социальных конфликтов, следует сказать несколько слов о самом феномене их восприятия. В основе любого развития, как утверждал американский ученый Ч. Р. Миллс, лежит конфликт, а не конформизм, согласие или интеграция [5]. Общество всегда находится в состоянии нестабильности, потому что в нем идет постоянная борьба между различными социальными группами, олицетворяющими те или иные интересы. Более того, опираясь на идеи К. Маркса, М. Вебера, В. Парето и Г. Моска, Миллс утверждал, что высшим проявлением этого конфликта является борьба за власть. Другой теоретик-конфликтолог, немецкий социолог Р. Дарендорф, считал, что все сложные организации основываются на перераспределении власти [2]. По его мнению, в основе конфликтов лежат не экономические, а политические причины. Источником конфликтов является так называемый политический человек. Ранжируя конфликты (конфликты противников одного уровня, конфликт противников, находящихся в отношении подчинения, конфликт целого и части), он получил 15 типов и подробно проанализировал возможность их «канализации» и регулирования. Еще один сторонник этой теории, американский социолог Л. Козер, определил социальный конфликт как идеологическое явление, отражающее устремления и чувства социальных групп или индивидов в борьбе за власть, за изменение социального статуса, перераспределение доходов, переоценку ценностей и т. п. [4]. Большинство представителей этого направления подчерки-

¹ Руководитель проекта — д-р полит. наук, профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии СПбГУ О. В. Попова. Исследовательская группа: кандидаты политических наук, доценты О. В. Лагутин, Е. О. Негров, кандидат политических наук, ассистент Д. А. Будко, ассистент А. В. Шентякова, аспиранты Р. К. Куцаков, С. И. Суслов.

вают ценность конфликтов, которые предотвращают окостенение общества, открывают дорогу инновациям, становятся источником развития и совершенствования. Вместе с тем эта позиция отвергает стихийность конфликтов и ратует за возможность и необходимость их регулирования. Именно с этой точки зрения результаты представленного исследования должны вызывать не только теоретический, но и сугубо практический интерес.

В современной социологической литературе существует множество классификаций видов конфликтов по различным основаниям. С точки зрения субъектов, вступающих в конфликт, можно выделить четыре типа конфликтов: внутриличностный, межличностный, между личностью и группой, и межгрупповой. Конфликты можно классифицировать по сферам жизнедеятельности на политические, социально-экономические, национально-этнические и другие. Согласно классификации Д. Катца конфликты бывают между косвенно конкурирующими подгруппами, между непосредственно конкурирующими подгруппами, внутри иерархии и по поводу вознаграждения [4, с. 127—129]. Исследователь конфликтов К. Боулдинг выделяет следующие типы конфликтов: действительные (существующие объективно в определенной социальной подсистеме; случайные (зависящие от второстепенных моментов по отношению к принципиальным противоречиям, вызывающим конфликт); заместительные (являющиеся видимым проявлением скрытых конфликтов); основанные на плохом знании (результат неумелого управления); скрытые, латентные (участники по разным причинам не могут бороться открыто); фальшивые (создающие только видимость) [4, с. 130—132]. В настоящее время получила распространение точка зрения, согласно которой некоторые конфликты не только возможны, но даже желательны. В соответствии с этим выделяют два типа конфликтов: 1) конфликт считается функциональным, если он ведет к повышению эффективности организации; 2) конфликт также может быть дисфункциональным и приводить к снижению личной удовлетворенности, группового сотрудничества и эффективности организации. Очевидно, что в нашем случае мы изучаем межличностные и межгрупповые конфликты с определенным — как конструктивным, так и деструктивным — потенциалом (подробнее о методологии см. [1; 3; 6—9]). Таким образом, научная проблема исследования состоит в оценке различных потенциалов социальных конфликтов российского общества на примере отношения к ним жителей одного из крупнейших городов страны — Санкт-Петербурга, учитывая при этом и российскую специфику социальных конфликтов между различными социальными группами, состоящую в том, что они до сих пор во многом связаны с его переходным состоянием и противоречиями, которые лежат в основе конфликтов. Корни некоторых из них уходят в прошлое, но свое основное обострение они получили в процессе перехода к рыночным отношениям. Образование новых социальных групп, класса предпринимателей и собственников, растущее неравенство между различными социальными группами и стали базой возникновения новых конфликтов.

Эмпирическая часть работы представляет собой анализ и интерпретацию частотных распределений и связи социально-демографических характеристик отдельных групп респондентов и их оценкой степени опасности реальных и потенциальных социальных конфликтов, исследованная методом анализа значений стандартизованных остатков. Сами социально-демографические характеристики были отражены в анкете и представляли собой пол респондентов, их возраст (от 18 до 29 лет; от 30 до 39 лет; от 40 до 49 лет; от 50 до 59 лет; свыше 60 лет), образование (начальное и неполное среднее; среднее полное; начальное профессиональное; среднее профессиональное; неполное высшее; высшее), род занятий (рабочий; ИТР; работник управленческого аппарата; управленец; работник культурной сферы; рядовой работник торговли; предприниматель; военнослужащий; работник сферы услуг; домохозяйка; студент и учащийся; неработающий пенсионер; безработный и представитель другого рода занятий), самоидентификацию по слоям общества (высший слой; между высшим и средним слоями; средний слой; между средним и низшим слоями; низший слой) и ежемесячный доход на одного человека в семье (до 5000 рублей; от 5000 до 10000 рублей; от 10000 до 13000 рублей; от 13000 до 18000 рублей; от 18000 до 28000 рублей; свыше 28000 рублей; отказ от ответа).

В таблице 1 представлены данные, отражающие мнение респондентов по поводу опасности конфликтов между различными социальными группами нашего общества. Формулировки вопросов: «Скажите, пожалуйста, в какой степени опасны для нашей страны конфликты между чиновниками и рядовыми гражданами/собственниками предприятий и рядовыми гражданами/православными и мусульманами/богатыми и бедными/русскими и нерусскими (совсем не опасны; скорее не опасны; скорее опасны; очень опасны)?»

Таблица 1

**Доля ответов на вопрос об опасности конфликтов
между различными социальными группами, %**

Степень опасности	Чиновники vs рядовые граждане	Собственники предприятий vs рядовые граждане	Православные vs мусульмане	Богатые vs бедные	Русские vs нерусские
1-я (совсем не опасны)	11,6	10,7	11,5	12,2	10,5
2-я (скорее не опасны)	27,0	27,7	15,0	20,3	17,3
3-я (скорее опасны)	35,9	37,2	31,0	34,2	34,6
4-я (очень опасны)	16,3	14,5	33,9	25,4	29,2
Затрудняюсь ответить	9,2	10,0	8,6	7,8	8,5
<i>Итого</i>	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таким образом, можно зафиксировать, что больше половины петербуржцев считают угрозу конфликтов между чиновниками и рядовыми гражданами опасной (52,2%), тогда как противоположного мнения придерживаются 38,6% при том, что практически каждый десятый респондент (9,2%) затрудняется с ответом. Более содержательную картину дает анализ стандартизованных остатков, проведенный по каждому из столбцов данных. Мужчины склонны считать степень опасности описываемой проблемы несущественной (стандартизованный остаток + 3,1), тогда как женщины, наоборот, обнаруживают отрицательную связь в этом вопросе (- 2,7). По возрасту видна четкая разница между молодежью (от 18 до 29 лет) и людьми старшего поколения: первые имеют однозначно выраженное мнение (- 2,2), считая, что подобные конфликты не опасны (+ 2,6 и - 2,3), вторые — напротив, сомневаются (+ 4,9), при этом не считая, что такие конфликты не несут в себе опасности (+ 2,1). Респонденты с начальным и средним образованием более склонны затрудняться с ответом на поставленный вопрос (+ 2,5 и + 1,7 соответственно), тогда как респонденты с неполным высшим (студенты, все та же молодежь!), наоборот, уверены в своей позиции (- 2,0), заключающейся в том, что опасность такого рода конфликтов совсем невелика (+ 2,2). Люди же со средним образованием обнаруживают отрицательную связь с мнением об отсутствии опасности таких конфликтов (- 2,3). По роду деятельности картина следующая: работники торговли полагают, что конфликты между чиновниками и рядовыми людьми (такими, как они сами!) скорее не опасны (+ 2,7), пенсионеры склонны затрудняться с конкретной оценкой (+ 4,7), предприниматели и студенты обнаруживают отрицательную связь с признанием проблемы скорее опасной или очень опасной (- 1,8 и - 2,2 соответственно). Безработные, чего и следовало ожидать, напротив, не считают подобные конфликты чем-то безобидным (- 2,0). Наконец, относящие себя к низшему слою однозначно видят большую опасность в такого рода конфликтах (+ 2,9), а те, кто не могут точно определить свой социальный статус, при том, что сомневаются и в ответе на сам вопрос (+ 4,1), тем не менее так же явно не считают противоречия между чиновниками и рядовыми гражданами чем-то опасным (+ 3,2 и - 3,1 соответственно). Эти выводы не опровергаются и данные по конкретным суммам ежемесячного дохода.

В случае потенциала конфликтов в сфере занятости можно зафиксировать очень схожую картину: больше половины петербуржцев считают угрозу конфликтов между собственниками предприятий и наемными работниками опасной (51,7%), тогда как противоположного мнения придерживаются 38,4% при том, что ровно один из десяти (10,0%) затрудняется с ответом. Более содержательную картину рисует анализ стандартизованных остатков. Мужчины менее склонны к сомнениям в рамках поставленного вопроса (- 2,0), в большинстве своем считая, что конфликты между «капиталистами» и «пролетариями» не очень опасны

(+ 2,9). У женщин в обоих случаях позиция противоположная (+ 1,8 и - 2,5 соответственно). Респонденты от 18 до 49 лет также демонстрируют уверенность в своей позиции (- 3,4, - 1,7 и - 1,7 соответственно), тогда как пенсионеры, напротив, обнаруживают весьма высокую степень сомнения (+ 7,2). При этом молодежь (до 39 лет) не склонна преувеличивать степень опасности такого рода конфликтов (+ 3,2 и - 2,0 в диапазоне 18—29 лет и + 1,7 в диапазоне 30—39 лет), а пожилые люди преуменьшают (- 3,6). В случае образовательного критерия респонденты с начальным и неполным средним образованием склонны сомневаться (+ 2,8) при ответе на вопрос, при этом обнаруживая отрицательную связь с высокой степенью опасности конфликта (- 1,8) а с неполным высшим (т. е. в большинстве своем студенты), наоборот, не сомневаются (- 1,9). В соответствии с предыдущими выводами пенсионеры больше затрудняются с ответом (+ 6,8), а управленцы, рядовые работники торговли и студенты, напротив, испытывают мало сомнений в своей позиции (- 2,0, - 2,0 и - 2,8 соответственно). При этом рабочие, как это ни странно, демонстрируют большую солидарность с работодателями, в большинстве своем считая степень конфликтов между собственниками предприятий и наемными работниками не опасной (+ 1,7), как, кстати, и студенты (+ 3,4 и - 2,4). Противоположного мнения придерживаются пенсионеры и безработные (- 3,8 и + 1,7 соответственно). Не сомневаются при ответе на данный вопрос люди, относящие себя к промежутку между средним и низшим слоями (- 1,7) и с доходами выше 28 тыс. рублей (- 3,1), и, наоборот, больше колеблющихся у представителей низшего слоя (+ 2,9) и тех, чей доход находится в границе от 10 тыс. до 13 тыс. рублей (+ 2,1). И, что естественно, представители верхней границы среднего слоя опасность конфликтов между собственниками и наемными работниками не преувеличивают, а низшего — не преуменьшают (оба по + 2,9).

В рамках религиозных конфликтов ситуация выглядит более определенной и сложной. Почти две трети респондентов считают угрозу конфликтов на религиозной основе весьма существенной (64,9%), только чуть больше четверти не считают данную проблему серьезной (26,5%) при 8,6% не определившихся. При анализе стандартизованных остатков выясняется следующее. Женщины оценивают опасность конфликтов между православными и мусульманами существенно выше мужчин (- 2,0 против + 2,4 в соответствующей рубрике). По молодежи информация противоречивая, а вот респонденты среднего возраста (40—49 лет) однозначно склонны оценивать угрозу таких конфликтов существенно сильнее, чем пенсионеры (- 2,3 и + 3,0 соответственно). Чем ниже образовательный уровень, тем, с одной стороны, больше сомнений по поводу собственной позиции, а с другой — тем ниже (что неожиданно) уровень оценки степени угрозы конфликтов на религиозной основе (+ 3,3 и + 1,8 соответственно). Интересно, что работники управленческого аппарата весьма высоко оценивают степень таких уг-

роз (+ 2,1) при низком уровне сомнения в собственной позиции (- 1,7), пенсионеры, наоборот, не считают эту угрозу существенной (+ 2,9 и - 2,0 соответственно), а позиция рядовых работников торговли достаточно противоречива (+ 2,9 и - 2,1 соответственно). В случае социального статуса картина такова. Те, кто относит себя к среднему слою, оценивают степень угрозы межрелигиозных конфликтов существенно выше тех, кто причисляет себя к низшему (- 1,9/+ 2,5 и + 1,9/- 2,3 соответственно), что подтверждается и сравнением по реальным доходам — те, у кого они ниже 5 тыс. рублей в месяц также не склонны оценивать степень такой угрозы, как высокую (- 1,7), видимо, имея перед собой проблемы более серьезные и актуальные.

По вопросу потенциала конфликта между бедными и богатыми ситуация следующая. Скорее опасным и очень опасным данный конфликт считают 59,6% респондентов, не склонны считать данную угрозу существенной 32,5%. Каждый двенадцатый петербуржец (7,8%) затрудняется с ответом на поставленный вопрос. Однозначно более существенной угрозой такого раскола считают женщины (- 1,7 у женщин против + 2,0 у мужчин). Также довольно существенна разница в позиции по данному вопросу у молодежи и пенсионеров. Первые не видят в разрыве между бедными и богатыми серьезной угрозы (+ 4,0 и - 1,4 соответственно), вторые — напротив, оценивают ее как весьма существенную (- 3,1). Так же, как пенсионеры, ситуацию склонны оценивать респонденты с начальным и неполным средним образованием (- 2,1) и домохозяйки (+ 2,1). Картину подтверждает и род занятий респондентов — студенты, однозначно, угрозы не видят (+ 3,3 и - 1,9 соответственно), неработающие пенсионеры, при существенной доле сомневающихся в своей позиции (+ 3,1), напротив, считают ее довольно большой (- 2,7).

Наконец, угрозу конфликтов по этническому признаку (между русскими и нерусскими) петербуржцы оценивают следующим образом. Почти 2/3 респондентов (63,8%) считают данную проблему существенной, четверть — не очень серьезной (27,8%), затрудняются выразить свое конкретное мнение 8,5%. При этом мужчины, люди пожилого возраста, неработающие пенсионеры и люди с крайне низким уровнем дохода (ниже 5 тыс. рублей в месяц) обнаруживают большую долю при выражении мнения о несущественности данной угрозы (+ 1,7; + 2,4; 3,3% и 2,8% соответственно). Опасными такого рода конфликты считает учащаяся молодежь от 18 до 29 лет, а также управленцы (+ 1,7; + 2,3 и + 2,5 соответственно).

В таблице 2 представлены данные, отражающие степень тревоги от присутствия рядом людей других социальных и этнических характеристик. Формулировка вопросов: «Скажите, пожалуйста, в какой степени лично вас тревожит присутствие рядом с вами в обыденной жизни людей другой национальности/других политических взглядов/другого вероисповедания/из других регионов РФ/из другого государства?»

Таблица 2

Доля ответов на вопрос о степени тревоги от присутствия рядом людей других социальных и этнических характеристик, %

Степень тревоги	Люди				
	другой национальности	других политических взглядов	другого вероисповедания	из других регионов РФ	из другого государства
1-я (совсем не тревожит)	49,2	87,7	79,3	87,7	73,5
2-я (тревожит в какой-то степени)	40,3	8,8	15,3	8,8	18,0
3-я (сильно тревожит)	8,8	1,7	3,2	1,7	3,8
Затрудняюсь ответить	1,7	1,7	2,2	1,7	4,7
<i>Итого</i>	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Итак, можно зафиксировать, что вопрос о людях другой национальности вызвал очень мало сомнений у петербуржцев — лишь 1,7% респондентов затруднились с ответом. Тем не менее по ощущению опасности от присутствия таких людей рядом голоса разделились точно поровну: 49,2% такие ситуации совсем не тревожат, а 49,1% тревожат сильно или в определенной степени. Анализ стандартизованных остатков, также проведенный по каждому из вопросов, показывает следующее: совсем не тревожит указанная ситуация неработающих пенсионеров старше 60 лет (+ 1,9 и + 2,4 соответственно). Испытывают беспокойство домохозяйки (+ 2,1), а сильно переживают по этому поводу прежде всего люди рабочих специальностей (+ 2,0), тогда как инженерно-технические специалисты, наоборот, такого сильного переживания от присутствия рядом людей другой национальности не ощущают (– 2,1).

В ситуации с людьми других политических взглядов положение однозначное. Подавляющее большинство респондентов (87,7%) декларирует, что их не тревожит присутствие рядом таких людей. И только каждого десятого (10,5%) наличие таких людей тревожит сильно или в определенной степени. Интересно, что мужчины очень явно демонстрируют большое спокойствие в этом вопросе (+ 1,7 и – 2,3), а вот женщины как раз склонны проявлять определенное беспокойство (+ 2,0). По возрасту картина тоже весьма однозначна: молодежь спокойна, когда рядом находятся их политические оппоненты (+ 2,0 и – 2,3), наиболее беспокоятся люди от 50 до 59 лет (+ 2,6). Интересно, что респонденты, причисляющие себя к военнослужащим, а также имеющие доход в диапазоне 13—18 тыс. рублей, также обнаруживает определенную степень беспокойства (+ 1,9).

Петербуржцы в большинстве своем декларируют высокую степень веротерпимости: почти 4/5 респондентов (79,3%) говорят о том, что их не беспокоит присутствие рядом с ними людей другого вероисповедания, и только 18,5% утверждают обратное. Интересно, что представи-

тели рабочих профессий и безработные при этом демонстрируют определенную степень тревоги (+ 2,2 и + 2,8 соответственно), а инженерно-техническая интеллигенция и предприниматели, наоборот, декларируют отсутствие каких бы то ни было переживаний по этому поводу (– 1,7 и – 1,7 соответственно).

Ситуация с отношением респондентов к людям из других регионов России еще более однозначна. Практически 9 из 10 петербуржцев не испытывают тревоги из-за присутствия рядом таких людей (87,7%), только один из десяти (10,5%) беспокоится сильно или в определенной степени по этому поводу. Интересно, что чем старше люди, тем степень тревоги выше (+ 2,1 и – 2,0 в диапазоне от 40 до 49 лет, и + 1,7 в диапазоне от 60 лет и старше). То же характерно и для уровня образования (+ 2,9 при начальном и неполном среднем образовании и + 2,2 при начальном профессиональном и – 1,7 при высшем) и дохода (низший слой — + 1,7, 13—18 тыс. руб. — + 2,4, свыше 28 тыс. рублей — – 2,0).

Картина с отношением к людям из другого государства более сложная. Почти 3/4 говорят о том, что наличие рядом таких людей их не тревожит (73,5%), при этом пятую часть такая ситуация беспокоит сильно или в определенной степени (21,8%). Также довольно существенно число респондентов, затруднившихся с ответом (4,7%). Наличие рядом людей из других стран тревожит больше людей с начальным и неполным средним образованием и рабочих специальностей (+ 2,2 и + 1,7 соответственно), а управленцев и учащихся — в меньшей степени (– 1,9 и – 1,8 соответственно).

Итак, общая ситуация достаточно наглядна. Если говорить об оценке степени опасности социальных конфликтов между различными социальными группами, на первое место петербуржцы ставят опасность конфликтов на религиозной основе. Далее идут такие конфликты, как трения по этническому признаку, между бедными и богатыми и чиновниками и рядовыми гражданами. Замыкает список потенциальная опасность конфликтов между собственниками предприятий и наемными работниками. В первом случае (потенциал конфликтов между православными и мусульманами) женщины оценивают опасность таких конфликтов существенно выше мужчин. По молодежи информация противоречивая, а вот люди среднего возраста (40—49 лет) однозначно склонны оценивать угрозу таких конфликтов существенно сильнее, чем пенсионеры. Чем ниже образовательный уровень, тем, с одной стороны, больше сомнений по поводу собственной позиции, а с другой — тем ниже (что неожиданно) уровень оценки степени угрозы конфликтов на религиозной основе. Интересно, что работники управленческого аппарата весьма высоко оценивают степень таких угроз при низком уровне сомнения в собственной позиции, а пенсионеры, наоборот, не считают эту угрозу существенной. В случае социального статуса картина такова. Те, кто относит себя к среднему слою, оценивают степень угрозы межрелигиозных конфликтов существенно выше тех, кто причисляет себя к низшему, что подтверждается и сравнением по реальным доходам — те, у кого они ниже 5 тыс. рублей в месяц также не склонны оценивать степень такой угрозы, как высокую (– 1,7), видимо, имея перед собой проблемы более серьезные и актуальные.

В случае оценки опасности конфликтов между русскими и нерусскими ситуация следующая. Мужчины, люди пожилого возраста, неработающие пенсионеры и люди с крайне низким уровнем дохода (ниже 5 тыс. рублей в месяц) обнаруживают большую долю при выражении мнения о несущественности данной угрозы. Опасными такого рода конфликты считает учащаяся молодежь от 18 до 29 лет, а также управленцы.

По вопросу потенциала конфликта между бедными и богатыми ситуация такова: однозначно более существенной угрозу такого раскола считают женщины, также довольно значительна разница в позиции по данному вопросу у молодежи и пенсионеров. Первые не видят в разрыве между бедными и богатыми серьезной угрозы, вторые — напротив, оценивают ее как весьма большую. Так же, как пенсионеры, ситуацию склонны оценивать респонденты с начальным и неполным средним образованием и домохозяйки. Картину подтверждает и род занятий респондентов: студенты однозначно угрозы не видят, неработающие пенсионеры, при весомой доле сомневающихся в своей позиции, напротив, считают ее довольно большой. Если говорить о предпоследней по степени опасности проблеме — потенциале конфликта между чиновниками и рядовыми гражданами, то следует зафиксировать, что мужчины однозначно склонны считать степень опасности описываемой проблемы незначительной, тогда как женщины, наоборот, обнаруживают отрицательную связь в этом вопросе. По возрасту видна четкая разница между молодежью (от 18 до 29 лет) и людьми старшего поколения: первые имеют четко выраженное мнение, считая, что такие конфликты не опасны, вторые — напротив, сомневаются, при этом не считая, что такие конфликты не несут в себе опасности. Люди с начальным и средним образованием более склонны затрудняться с ответом на поставленный вопрос, тогда как респонденты с неполным высшим (студенты, все та же молодежь!), наоборот, уверены в своей позиции, заключающейся в том, что опасность таких конфликтов совсем невелика. Люди же со средним образованием обнаруживают отрицательную связь с мнением об отсутствии опасности подобных конфликтов. По роду деятельности картина следующая: работники торговли полагают, что конфликты между чиновниками и рядовыми людьми (такими, как они сами!) скорее не опасны, пенсионеры склонны затрудняться с конкретной оценкой, предприниматели и студенты обнаруживают отрицательную связь с признанием проблемы скорее опасной или очень опасной. Безработные, чего и следовало ожидать, напротив, не считают такие конфликты чем-то безобидным. Люди, относящие себя к низшему слою, однозначно видят большую опасность в такого рода конфликтах, а те, кто не могут точно определить свой социальный статус, при том, что сомневаются и в ответе на сам вопрос, тем не менее так же явно не считают противоречия между чиновниками и рядовыми гражданами чем-то опасным. Эти выводы не опровергают и данные по конкретным суммам ежемесячного дохода. Наконец, в рамках вопроса о потенциале конфликтов между собственниками предприятий и наемными работниками мужчины менее склонны к сомнениям в рамках поставленного вопроса, в большинстве своем считая, что конфликты между «капиталистами» и «пролетариями» не очень опасны. У женщин в обоих слу-

чаях позиция противоположная. Люди от 18 до 49 лет также демонстрируют уверенность в своей позиции, тогда как пенсионеры, напротив, обнаруживают весьма высокую степень сомнения. При этом молодежь (до 39 лет) не склонна преувеличивать степень опасности такого рода конфликтов, а пожилые люди преуменьшать. В случае образовательного критерия респонденты с начальным и неполным средним образованием склонны сомневаться при ответе на вопрос, при этом обнаруживая отрицательную связь с высокой степенью опасности конфликта, а люди с неполным высшим (т. е. в большинстве своем студенты), наоборот, не сомневаются. В соответствии с предыдущими выводами пенсионеры больше затрудняются с ответом, а управленцы, рядовые работники торговли и студенты, наоборот, испытывают мало сомнений в своей позиции. При этом рабочие, как это ни странно, демонстрируют большую солидарность с работодателями, в большинстве своем считая степень конфликтов между собственниками предприятий и наемными работниками не опасной, как, кстати, и студенты. Противоположного мнения придерживаются пенсионеры и безработные. Не сомневаются при ответе на данный вопрос люди, относящие себя к промежутку между средним и низшим слоями и с доходами выше 28 тыс. рублей, и, наоборот, больше колеблющихся у представителей низшего слоя и тех, чей доход находится в границе от 10 тыс. до 13 тыс. рублей. И, что естественно, представители верхней границы среднего слоя опасность конфликтов между собственниками и наемными работниками не преувеличивают, а низшего — не преуменьшают.

В случае второго блока вопросов — о степени личной тревоги от присутствия рядом непохожих на респондентов людей ситуация следующая. На первом месте с существенным отрывом — переживания респондентов от присутствия рядом людей другой национальности. Далее идут люди из других государств и другого вероисповедания. Наконец, последнее место с абсолютно одинаковыми результатами делят представители других политических взглядов и иных регионов Российской Федерации. Анализ стандартизованных остатков показывает следующее: в первом случае совсем не тревожит ситуация с присутствием рядом людей других национальностей неработающих пенсионеров старше 60 лет. Испытывают беспокойство домохозяйки, а сильно переживают по этому поводу прежде всего люди рабочих специальностей, тогда как инженерно-технических специалистов, наоборот, не тревожит присутствие рядом людей другой национальности. Наличие рядом людей из других государств беспокоит больше респондентов с начальным и неполным средним образованием и рабочих специальностей, а управленцев и учащихся — в меньшей степени. В случае с вопросом о тревоге от присутствия рядом с респондентами людей другой веры представители рабочих профессий и безработные демонстрируют определенную степень тревоги, а инженерно-техническая интеллигенция и предприниматели, наоборот, указывают на отсутствие каких бы то ни было переживаний по этому поводу. В ситуации с людьми других политических взглядов мужчины очень явно демонстрируют большое спокойствие в этом вопросе, а вот женщины как раз склонны проявлять опреде-

ленное беспокойство. По возрасту картина тоже весьма однозначна: молодежь не тревожит нахождение рядом их политических оппонентов, больше всего беспокоятся люди от 50 до 59 лет. Интересно, что те, кто причисляет себя к военнослужащим, а также имеющие доход в диапазоне 13—18 тыс. рублей, также обнаруживает определенную степень беспокойства. Наконец, в ситуации с соседями из других регионов РФ — чем старше люди, тем степень тревоги выше. То же характерно и для уровня образования и дохода.

Итак, нам удалось зафиксировать отношение петербуржцев к различным социальным конфликтам, а также выявить скрытые связи и закономерности в социодемографической структуре такого отношения, что, в свою очередь, должно полнее раскрыть угрозы и опасности возможного усиления социальных конфликтов в российском обществе, а значит, и способствовать их предотвращению.

Список литературы

1. *Авксентьев В. А., Грищенко Г. Д., Дмитриев А. В.* Региональная конфликтология: концепты и российская практика / под ред. М. К. Горшкова. М., 2008.
2. *Дарендорф Р.* Тропы из Утопии. Работы по теории и истории социологии. М., 2002.
3. *Дмитриев А. В.* Социальный конфликт. СПб., 2011.
4. *Козер Л.* Мастера социологической мысли. М., 2013.
5. *Миллс Ч. Р.* Социологическое воображение. М., 2001.
6. *Попова О. В.* О динамике показателей опасности социальных конфликтов в сознании жителей Санкт-Петербурга (2008—2012 гг.) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2013. Т. 9, № 1. С. 51—72.
7. *Попова О. В.* Опасность социальных конфликтов в сознании жителей мегаполиса (2008—2011 гг.) // Вестник СПбГУ. 2012. Сер. 6, № 4. С. 78—89.
8. *Eichenberg R. C., Stoll R. J.* Gender Difference or Parallel Publics? The Dynamics of Defense Spending Opinions in the United States, 1965—2007 // *Journal of Conflict Resolution*. 2012. Vol. 56, № 2. P. 331—348.
9. *Foster J. B., Holleman H.* Weber and the Environment Classical Foundation for a Postexemptionalist Sociology 1 // *American Journal of Sociology*. 2012. Vol. 55, № 2. P. 1625—1673.

Об авторе

Евгений Олегович Негров, кандидат политических наук, доцент кафедры политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: negrov2001@mail.ru

Для цитирования:

Негров Е. О. Социальные конфликты в оценках петербуржцев: опыт эмпирического исследования // *Балтийский регион*. 2016. Т. 8, № 1. С. 118—131. doi: 10.5922/2074-9848-2016-1-7

SOCIAL CONFLICTS AS SEEN BY RESIDENTS
OF SAINT PETERSBURG: AN EMPIRICAL STUDY

E. Negrov *

*Saint Petersburg State University
7—9 Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034, Russia

Submitted on July 10, 2015

This article describes the attitudes of Saint Petersburg residents to social conflicts. The author analyses their assessments of danger associated with social tension in the Russian society. This tension becomes particularly pronounced during the time of economic, social, and political turbulence. The research aims to examine the existing threats and identify opportunities for reducing social tension. The article makes a practical contribution to the development of social policy and civil society. The author describes the attitudes of Saint Petersburg residents to various social conflicts. They believe that religious and ethnic conflicts are the most dangerous ones and consider 'conflicts over property and status' a minor threat. Residents, associating themselves with the middle class, are more inclined to stress the danger of religious conflicts compared to those who associate themselves with the lower class, which is corroborated by a comparison of real incomes. The intensity of personal anxiety, experienced in the presence of people differing from the respondents, can be described in the following way: the most acute anxiety is caused by people of a different nationality, followed by nationals of other countries and members of other religions, then people with differing political views, and compatriots from other Russian regions. These data make it possible to identify hidden connections and patterns in the socio-demographic structure of these attitudes, which can be instrumental in obtaining a comprehensive picture of threats and emerging social conflicts and, hence, in preventing them.

Key words: public opinion, mass consciousness, social conflicts, social tensions, sociodemographic characteristics, settings, Russian society, Saint Petersburg.

References

1. Avksentyev, V. A., Grishchenko, G. D., Dmitriev, A. V. 2008, *Regional'naja konfliktologija: koncepty i rossijskaja praktika* [Regional Conflict: Concepts and Russian practice]. Gorshkov, M. K. (ed. 0), Moscow.
2. Dahrendorf, R. 2002, *Tropy iz Utopii. Raboty po teorii i istorii sociologii* [Trails of Utopia. Work on the theory and history of sociology], Moscow.
3. Dmitriev, A. V. 2011, *Social'nyj konflikt* [Social conflict], Saint Petersburg.
4. Coser, L. 2013, *Mastera sociologicheskoy mysli* [Masters of sociological thought], Moscow.
5. Mills, Ch. R. 2001, *Sociologicheskoe voobrazhenie* [Sociological imagination], Moscow.
6. Popova, O. V. 2013, O dinamike pokazatelej opasnosti social'nyh konfliktov v soznanii zhitelej Sankt-Peterburga (2008–2012 gg.) [On the dynamics of indicators of the danger of social conflict in the minds of residents of St. Petersburg period (2008–2012)], *Politicheskaja jekspertiza: POLITJeKS* [Political expert: POLITEKS], T. 9, no. 1, p. 51–72.

7. Popova, O. V. 2012, Opasnost' social'nyh konfliktov v soznanii zhitelej megalisa (2008—2011 gg.) [The danger of social conflict in the minds of the inhabitants of the metropolis (2008—2011 biennium)], *Vestnik SPbGU* [Bulletin of St. Petersburg State University], Ser. 6, no. 4, p. 78—89.

8. Eichenberg, R. C., Stoll, R. J. 2012, Gender Difference or Parallel Publics? The Dynamics of Defense Spending Opinions in the United States, 1965—2007, *Journal of Conflict Resolution*, Vol. 56, no. 2, p. 331—348.

9. Foster, J. B., Holleman, H. 2012, Weber and the Environment Classical Foundation for a Postexemptionalist Sociology 1, *American Journal of Sociology*, Vol. 55, no. 2, p. 1625—1673.

About the author

Dr Evgeny Negrov, Associate Professor, Department of Political Institutions and Applied Political Studies, Faculty of Political Science, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: negrov2001@mail.ru

To cite this article:

Negrov E. O. 2016, Social conflicts as seen by residents of Saint Petersburg: An empirical study. *Baltijskij region*, Vol. 8, no. 1, p. 118—131. doi: 10.5922/2074-9848-2016-1-7

УДК 913

**ТРАНСФОРМАЦИЯ
КУЛЬТУРНОГО
ЛАНДШАФТА
ПЕРИФЕРИЙНЫХ ЗОН
ТЕРРИТОРИИ
КАЛИНИНГРАДСКОЙ
ОБЛАСТИ В XIX—XX ВЕКАХ**

*А. В. Левченков**

Рассмотрены особенности формирования культурных ландшафтов периферийных территорий с преобладанием агроландшафтов. Современное состояние последних проанализировано с учетом историко-географических, социальных, экономических и политических факторов.

В силу своего исторического развития Калининградская область обладает уникальным набором составляющих элементов культурного ландшафта. Именно поэтому изучение генезиса и условий формирования культурного ландшафта выделенной территории является важным элементом при характеристике его составляющих единиц: системы расселения, иерархичности поселений, характера и вида землепользования, транспортной системы, хозяйственных связей и т. п. Известно, что главенствующую роль в формировании культурного ландшафта играет уровень социально-экономических отношений, изменение характера которых влечет за собой неизбежные изменения в содержании и виде окружающего ландшафта.

Исследования картографических материалов и историографии позволило выделить этапы эволюции культурного ландшафта, проанализировать ход исторического развития и оценить степень трансформированности его на различных временных этапах. В результате были выявлены следующие характерные виды трансформации элементов культурного ландшафта сельских периферийных районов: планировка и динамика численности населенных пунктов; рисунок и характер системы расселения, мелиоративные работы, степень хозяйственного освоения территории (раз-

* Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, Россия, Калининград,
ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 15.11.2015 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2016-1-8

© Левченков А. В., 2016

личной направленности, степени, качества, характер землепользования); сохранность природного ландшафта, развитие промышленности; транспортная инфраструктура.

Ключевые слова: культурный ландшафт, Калининградская область, периферия, агроландшафты

Социальные и экономические условия играют важную роль в процессе формирования культурного ландшафта, под влиянием которых антропогенные ландшафты могут испытывать значительные изменения. На разных этапах общественного развития степень влияния социальных, экономических и политических факторов различно, что наглядно проявляется в истории бывшей Восточной Пруссии (Калининградская область), неоднократно испытывавшей изменения в своем социально-экономическом, политическом устройстве. Анализ исторических картографических материалов наряду с другими методами исследований позволяет проследить основные показатели любого культурного ландшафта, исторический ход и особенности его формирования.

Изучение формирования культурных ландшафтов, как известно, есть процесс эволюционный, исторический, таким образом, он относится к области исследования исторической географии. Как отмечал В. Яцунский, задачей исторической географии «должно быть изучение и описание географической стороны исторического процесса» [22]. Из четырех линий исследования, предложенных автором, нас интересует две: природный ландшафт данной эпохи, то есть историческая физическая география и население с точки зрения его национальной принадлежности, размещения и передвижения по территории.

Трактовка понятия «культурный ландшафт» как в отечественной, так и зарубежной географии на протяжении времени менялась [19]. Из всего многообразия определений, существующих в отечественной науке, на наш взгляд, к истории территории Калининградской области можно применить классическое определение Ю. Саушкина: «Культурным ландшафтом называется такой ландшафт, в котором непосредственное приложение к нему труда человеческого общества так изменило соотношение и взаимодействие предметов и явлений природы, что ландшафт приобрел новые, качественно иные, особенности по сравнению с прежним, естественным, своим состоянием...» [21]. Интересно другое определение, согласно которому под культурным ландшафтом понимается культура этнического сообщества, сформировавшаяся в определенных природно-географических условиях, взятая в ее целостности, это среда жизнедеятельности местного сообщества. В данном культурном ландшафте выделяются шесть компонентов: природный ландшафт, местное хозяйство, селения, местное сообщество, местное языковое сообщество, местная языковая система, включая топонимию [13].

В европейской географии, начиная с О. Шлютера, понятие культурного ландшафта также изменялось, исходя из представлений отдельных

ученых и различных областей науки, поэтому мы выбрали классическое определение из учебника: „Культурный ландшафт формируется длительным воздействием на изначальный природный ландшафт, группами людей или обществ при выполнении ими своих основных функций, в особенности путем хозяйственной и расселенческой деятельности... Культурный ландшафт в своих региональных разновидностях подвержен влиянию в первую очередь расселения (вид и распределение поселений), видом хозяйственной деятельности (сельскохозяйственное использование, добыча природных ископаемых, промышленности и ремесло) и рисунок транспортной сети» [25].

Определяющую роль в формировании культурного ландшафта играют социально-экономические отношения, и их смена влечет за собой неизбежные изменения в содержании и виде ландшафта. На особенности формирования культурного ландшафта влияет сложная совокупность факторов, из которых важны изначальные физико-географические условия. Дифференцированность физико-географических условий способствует концентрации населения в наиболее удачно расположенных поселениях. К числу самых важных физико-географических факторов относятся прежде всего особенности рельефа, гидрографии, климат и т. п. При исследовании условий образования культурного ландшафта в контексте природных факторов важное значение приобретает изучение форм поселений (застройка) и сельскохозяйственных угодий (землепользование) как единое целое.

Основным элементом расселения является населенный пункт — поселение. Некоторые принципы типологии сельских поселений были изложены в работах советских ученых Ляликова, Покшишевского, Сухова и других в 1940—1960-х гг. Выделялось шесть основных видов типологии: по величине, функциональный, генетический, планировочный, по расположению на местности и региональным типам, имевшим различные взаимосвязи [15]. В типологии внешних форм расселения рассматривают, во-первых, распространение таких форм, как дисперсное или роевое расселение, компактные населенные пункты. Во-вторых, равномерность или неравномерность заселения территории, формы образующихся сгущений населенных пунктов, явления агломерации поселений. При функциональной типологии учитывается занятие людей различными видами деятельности и разная роль населенных пунктов в территориальной организации производства.

Иерархические связи в системе расселения любой территории имеют четко выраженные центры различных уровней. Центры высшего уровня — это городские поселения в виде районных центров, городов областного подчинения. Как отмечал Н. Н. Баранский, «города — плюс дорожная сеть — это каркас, это остов, на котором всё остальное держится» [1, с. 15]. Элементами второго и третьего уровня в системе расселения выступают уже сельские населенные пункты: центры муниципалитетов, крупные многофункциональные поселения. Центры второго уровня выполняют для окружающей территории функции хозяйствен-

ные (сбор и первичная переработка сельскохозяйственной продукции), торговые (магазин), культурно-образовательные (начальная школа), социальные (медицинский пункт) и другие.

Одна из разновидностей культурного ландшафта — это агроландшафт, то есть трансформированный сельскохозяйственным производством природный ландшафт. Среди локальных морфологических элементов агроландшафта могут быть и несельскохозяйственные, например лесные, болотные, водные. Занимая в структуре агроландшафта подчиненное положение (не превышая 30—40% его площади), они обычно выступают в качестве экологического каркаса (экологической инфраструктуры), играют важную стабилизирующую роль в динамике сельскохозяйственных земель. Агроландшафты, будучи плодом творчества человека и природы, являются природно-антропогенным образованием. Их структура и функционирование, хотя и базируется на природных началах, целенаправленно трансформированы человеком. Современный агроландшафт — это не просто преобразованный природно-территориальный комплекс, а многокомпонентное образование со специфическим природно-хозяйственным генезисом, фитоценоотическим обликом, экологической ситуацией [20]. Взаимоотношения человека и окружающего его ландшафта в сельской местности, эволюционируя, прошли в своем развитии долгий путь. Степени воздействия системы расселения при своем формировании на экологическое равновесие природных факторов (тип ландшафта, лесистость, уровень грунтовых вод, состояние водоемов, рек и т. п.) изменяются в зависимости от комплексного антропогенного влияния на ландшафт в процессе формирования культурного ландшафта. Минимальное влияние оказывается на начальной фазе развития, когда основными типами хозяйствования является примитивное сошное земледелие, охота, бортничество и разведение скота на естественных пастбищах. Антропогенное влияние, как правило, возрастает с приходом поселенцев другой, более высокой культурой, которые стараются подчинить и окультурить больше территории. Часто, однако, могут наблюдаться процессы и противоположного направления в формировании агроландшафтов, когда новые характер землевладения и -пользования, способы хозяйствования приводят часто к негативным последствиям. Культурный ландшафт испытывает регресс, отдавая часть завоеванной человеком территории обратно природе.

Существует довольно ограниченное количество исследований, посвященных истории формирования культурного ландшафта на территории Калининградской области. Из такого рода работ можно назвать исследование по анализу системы расселения в польдерных районах [2], по истории послевоенного заселения области [16], планировочной структуре поселений, трансформации системы сельского расселения, территориальной организации [14]. В рамках совместного проекта БФУ им. И. Канта и БалтАГП «Послевоенные изменения в Калининградской области (по материалам топографических карт)» появилась возможность более детального исследования изменений в культурном ланд-

шафте Восточной Пруссии (Калининградской области), используя картографический метод. В качестве опытного объекта изучения были выбраны периферийные районы, типичные по своему природно-ландшафтному, функциональному, хозяйственному и расселенческому характеру для территории Восточной Пруссии. Основной целью исследования стал анализ изменений в культурном ландшафте Калининградской области методом сравнительного анализа топографических карт в масштабе 1:25000 — современных и результатов геодезической съемки Пруссии, проведенной в 1830—1865 гг.¹ под руководством начальника Прусского генерального штаба Карла Мюффлинга (Karl Mueffling, 1775—1851). В общественном доступе карты появились начиная с 1868 г., цветные экземпляры которых находятся в настоящее время в архиве Фонда прусского культурного наследия в Берлине.

Исзуемая территория была выделена в границах Вислинского залива, долинами рек Преголя и Голубая, а также госграницей с Польшей. С геоморфологической точки зрения данная область включает в себя практически все типы ландшафтов, имеющиеся в Калининградской области: низинные (приледниково-озерные слабодренированные равнины), приподнятые (моренные равнины) и возвышенные (холмисто-моренные озерные равнины) [11]. Административно эта территория до 1945 г. включала в себя частично или полностью крайсы (районы) Хайлигенбайль, Прейсиш-Эйлау, Фридланд (с 1927 г. — Бартенштайн) и Гердауэн. В Калининградской области это территория муниципальных образований Багратионовский район, городских округов Ладушкинский, Мамоновский, Правдинский, части Гурьевского и Гвардейского.

Согласно первым документальным источникам данная территория была заселена племенами пруссами в VI в. К началу XIII в. пруссы заняли более обширный ареал, распространившись далее на восток и юг, за границы своего изначального племенного ареала — Самбийского полуострова. Главными факторами расселения, исходя из геоморфологических условий, стали транспортная доступность (вдоль берегов рек) и вид хозяйственной деятельности — пойменные луга, суглинки и т. п. Расположенные южнее реки Прегель прусские земли Вармия и Натангия представляли собой достаточно плотно заселенную территорию перед приходом Немецкого ордена. Расселение избегало конечно-моренного ландшафта, концентрируясь на делювии и основных моренах, большинство поселения придерживалось берегов рек и ручьев. В нашем случае это территории по берегам рек Резвая (особенно в ее верхнем течении), Майская, Прохладная. Самые старые сельские насе-

¹ Данная съемка не была первой по времени, но первой в масштабе 1 : 25 000. Так еще в 1796—1802 гг. под руководством прусского министра Фридриха Шрёттера (1743—1815) была проведена съемка Восточной и Западной Пруссии. Результаты изданы в масштабе 1 : 150 000 под названием «Karte von Ost-Preussen nebst Preussisch Litthauen und West-Preussen nebst dem Netzdistrict. Aufgenommen von 1796 bis 1802».

ленные пункты этой части Калининградской области — Канпоситен (Kanpossiten), Моловитен (Molowiten), Гламслаукен (Glamslauken), Пергоссен (Pergossen)², Доберкартен-Боровое (Dobekarten), Штромбенен-Московское (Schrombehnen), Левиттен-Солдатское (Lewitten), Моддиен-Некрасово (Moddien) (некоторые из них упоминаются в документах 1275 и 1287 гг.). Другими важными прусскими «полями» были Тринтекайм (Trintekaym), Чехово (Udirwanguye), Владимирово (Tharau), Майское (Packerau) и Островное (Lierpenick). Прусское укрепление Бишау, вблизи поселка Невское, располагалось на стратегически важном месте — на мысе, при впадении реки Майская в Прохладную [36].

Восточные территории Натангии (совр. Правдинский городской округ) находились уже на самой границе лесных массивов Пустоши (практически необитаемой пограничной полосы с Литвой шириной в 70—100 км). Среди тогдашних лесов самым примечательным был лес Давер (Dawer = Dawgyn) западнее Гердауэна (Gerdauen), нынешнего пгт Железнодорожный, с одним единственным известным нам прусским поселением Карельское (Raydekaum). Остатки этого леса существуют и сегодня под названием Крестьянский³. Остальные прусские «поля» Мульникен (Mulnicken), Какейм (Kackaym), Пайсник-Холмогорье (Paibnick), Виксделен (Wixdelen) и Траузен-Липняки (Trausen) располагались узкой полосой между лесными массивами вдоль р. Омет — Железнодорожная — Стоговка к северу от Гердауэна. Самым восточным поселением пруссов в Пустоши был Зареченское (Sobrost) на ручье Белка (Wickerau) [38].

О точных планировочных формах прусских поселений середины XIII в. известно мало. Прусское общество было разделено на два сословия — крестьян и благородных. Последние, владея большими наделами земли, жили на отдельно стоящих хуторах. Прусские крестьяне же селились все вместе одной деревенской общиной, где земля принадлежала всем членам [35]. На картах начала XVII в. видно, что бывшие прусские деревни представляют собой, как правило, или одностороннюю рядную деревню, например Большое Исаково (Lauth), Надеждино (Twer-gaiten), Эйтинен (Eythienen), или площадную деревню. Размеры крестьянских владений в составе общины не были велики — от одного до двух хаменов (1 хамен = 11,81 га), иногда три. Располагались они непосредственно за дворами узкой полосой [36]. Численность всего населения Пруссии в середине XIII в. во всех 11 землях составляла, по подсчетам польского историка Х. Ловмянского, ок. 170 тыс. человек [33].

Завоевание прусских земель Немецким орденом, начавшееся в 1224 г., продолжалось более полувека. Датой окончательного покорения прус-

² Современное название поселения не упоминается, если оно более не существует.

³ В 1376 г. орден наделил вольного прусса Ганса Траупе 120 хуфенами в лесу Давер за его военные заслуги. Со временем в этом лене, кроме прусского «поля» Райдекайм, возникли Фриденберг и Розенберг, которые заселили немецкие колонисты.

сов считается 1283 г. Укрепленными пунктами в завоеванной местности выступали орденские крепости. На нашей изучаемой территории по времени основания первыми были замки Бальга (основан в 1242 г.) и Бранденбург (1265). После усмирения прусского населения немецкая колонизация от побережья Вислинского залива начиная с 1325 г. организовано и планомерно распространилась в последующее столетие по двум главным направлениям: на северо-восток по долине реки Преголя за Кёнигсберг и далее на Самбийский полуостров; на восток в Вармию и Натангию. К началу XV в. продвижение на восток, достигнув максимума, остановилось на линии Полесск (Лабиау) — Знаменск (Велау) — Дружба (Алленбург) — Крылово (Норденбург). За этой линией находилась Пустошь. До 1422 г. официально закрепленной договором и маркированной на местности границы между двумя постоянно воюющими странами не было и ее функции, при полной поддержке с обеих сторон, выполняла эта самая Пустошь.

Как правило, направление расселения как процесса определялось природными факторами: реками, водоразделами, опушками леса. Заселив определенный участок, колонисты «окультуривали» его за определенное время (несколько десятилетий, а иногда и дольше), а затем двигались дальше. Как правило, в центре этого участка образовывался центр — наиболее населенное или находившееся на самом выгодном транспортном пути поселение, которое впоследствии могло развиться до города или нет. Так, современный Багратионовск (Прейсиш-Эйлау) право на проведение ярмарки получил в 1514 г., а городские права — только в 1585 г.

Колонисты низших сословий селились в деревнях, которые основывались по инициативе отдельных энергичных представителей крестьянства — локаторами. От ордена они получали участок земли и осваивали его вместе с примкнувшими к ним другими поселенцами, количество которых, исходя из размеров общинных угодий, около 20 человек. Крестьяне в такой деревенской общине получали в пользование относительно большие участки земли в 2—4 хуфена (1 хуфен = 16,5 га). Формой использования земельных угодий было, как и во всех остальных случаях с поселениями немецких колонистов, трехполье: озимые, яровые и пар, которые ежегодно менялись между собой. Оставшаяся часть общинной земли была в совместном пользовании и обычно состояла из участка леса или луга.

Существующие основные типы ландшафта привели к формированию на территории Пруссии деревень немецких колонистов одного определенного типа. Такой тип поселения получил название «ангердорф». В центре деревни между двумя параллельными улицами располагалась деревенская площадь «ангер», на которой находилась церковь, кузница, трактир, позже школа. По внешним сторонам улицы стояли дворы. Сами дома совмещали в одной постройке жилую (обращенную в сторону улицы) и хозяйственную часть. Строились дома из дерева или в стиле фахверк (деревянный каркас с наполнением из глины) (рис. 1).

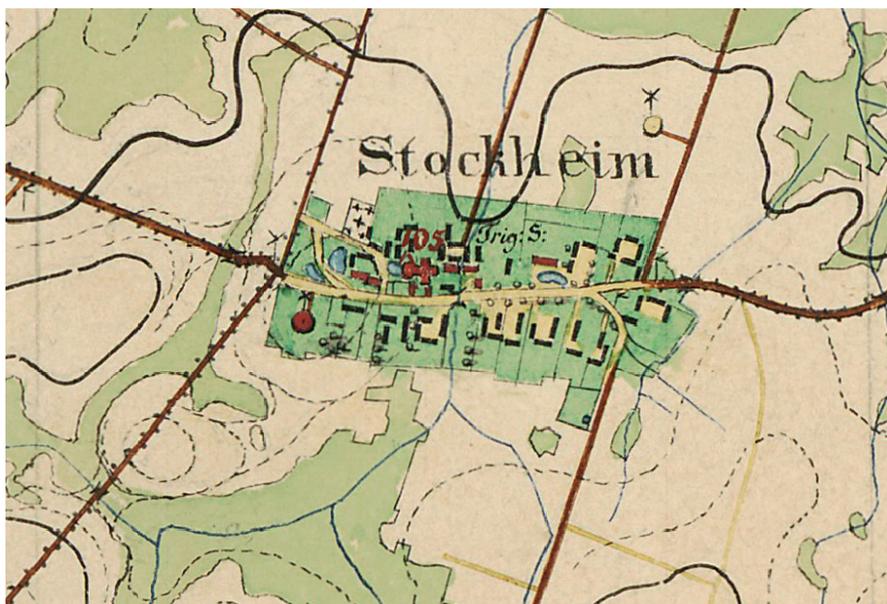

Рис. 1. План деревни Штокхайм (Зайцево)

Источник: Прусское геодезическое управление. 1864. Л. 340.

Другая форма сельских поселений, типичная для более позднего времени, — рассредоточенные «роевые» поселения. Изменения в планировке с течением времени были незначительны. У большинства деревень до начала сепарации в первой половине XIX в. основной рисунок оставался неизменным, за исключением тех деревень, которые стали впоследствии частью дворянских или других крупных поместий.

Как уже говорилось, регулярная колонизация региона по левому берегу Преголи — Натангии началась со второй четверти XIV в., где орден построил укрепления Фридланд (1312, городские права — 1335), Цинтен (1313), Кройцбург (1240, городские права — 1315), Гердауэн (1325, городские права — 1389), Прейсиш-Эйлау (1325), Домнау (городские права — 1400) и Алленбург (1272, городские права — 1400). Управлялся процесс колонизации с запада из центров амта Бальга и «лесного амта» Бранденбург [14]. Самые важные (и одновременно самые первые) поселения немецких колонизаторов возникали на месте бывших прусских «полей», например, деревня Тарау получает права в 1315 г. на 120 хуфенах. Большинство деревень XIV—XV вв. основывалось в междуречьях, на месте лесных вырубок. О темпах заселения в границах амта Бальга свидетельствуют данные о размерах наделов, с которых собирались налоги: 1396 г. — 3020; 1404 г. — 4575; 1410 г. — 4757; 1412 г. — 4800 хуфенов [39].

Одновременно с крестьянскими деревнями основывались и многочисленные поместья. Так, например, только на территории будущего

крайса Гердауэн между 1355 и 1400 гг. роздано 22 поместья кульмского права, что было очень важно для ордена, так как владельцы были обязаны нести военную службу. К числу первых дарований относятся поместья Корзелаукен в 50 хуфенов (1355), Фритценхоф (1364), Шетцельс (1365), Скандау (1364), Бавин (Никитино) (1395)⁴.

Историческую судьбу основанных поселений можно проследить на примере крестьянской деревни Штокхайм (Stockheim, сейчас — Зайцево). Впервые упоминается в грамоте от 21 декабря 1352 г., когда комтур Бранденбурга Эрвин Штокхайм передал ее во владение «верным людям — Герману и брату его Клауссену». В дальнейшем, начиная со 2-й половины XVI в., деревня неоднократно меняла своих владельцев. В 1567 г. герцог Альбрехт отдал Якобу Шверину в залог деревни Штокхайм, Абшванген (Чехово) и Фришинг сроком на три года за 7000 гульденов. После последующих залогов 1618 и 1663 гг. в 1760 г. ландрат Людвиг Острау приобрел поместье Пушкайтен (Puschkeiten) с деревнями Штокхайм и ее фольварками. Согласно документам в конце XVIII в. деревня Штокхайм насчитывала 27 дворов со 195 жителями [31].

До 1525 г. всю колонизационную политику осуществляло в основном орденовое государство в лице маршала ордена и комтуров, в равной степени наделяя землей как дворян, так и простых крестьян. С середины XVI в. роль государства в лице герцога снизилась за счет увеличения активности дворянства. Например, в амтах Бальга и Бранденбург, с 1568 по 1626 г. дворянству было передано 758 хуфенов 13 моргенов герцогской земли, или 12,7 тыс. га, т. е. 7,6% из использовавшейся в то время под обработку земли [43]. Это привело к тому, что к середине XVIII в. произошло формирование дворянского землевладения как составной части культурного пространства Восточной Пруссии. Освоение новых территорий, их окультуривание происходило с помощью крестьян, которые попали к этому времени в полную от них зависимость. Многие ранее вольные и крестьяне вынуждены были переходить под дворянскую власть, часто через продажу своих земель, а нередко и посредством скрытых угроз и давления с резким ухудшением своего положения. Это стало также социальным фактором в изменении характера размещения расселения, когда крестьяне переселялись из своих деревень в усадьбу или фольварки помещика, которых насчитывалось несколько.

На примере крайса Гердауэн хорошо прослеживаются временные рамки колонизация территории. Если в западной его части — праворечье р. Лава, р. Стоговка время основания поместий и деревень — четвертая четверть XIV в., то восточная часть — междуречье рек Бородинка и Стоговка (бывшая Пустошь) — это следы колонизации конца XVII — нач. XVIII в. (табл. 1).

⁴ На тот момент орден не позволял дворянам и вольным людям превышать размеры поместья более 900 га.

Таблица 1

Время оснований поселений крайса Гердауэн [39]

Западная часть	Год основания
Schellenberg-Огарево	1355
Brolost-Чаадаево	1377
Arnsdorf-Смелое	1378
Friedenberg-Дворкино	1376
Keulenburg-Голубево	1379
Gr.-Sobrost-Зареченское	1388
Neuendorf-Новоселки	1398
Wickerau-Черкасовка	1433
Dörings-Державино	1437
Северо-восточная часть	
Schönefeld-Праслово	1442
Kl. Gnie-Мозырь	1567
Berschlack-Нарвское	1605
Abelischken (Ilmenhorst)-Белкино	1607
Kl. Potauern-Соловьево	1684
Hochlindenberг-Подлипово	1685
Schönwiese-Зимовское	1703

На четвертую четверть XVIII в. приходится всплеск основания в дворянских владениях значительного числа фольварков на новых территориях. Например, Абрахам Браксейн (1772—1798) в своих владениях вокруг Тарау заложил семь фольварков⁵ на осушенных и выкорчеванных землях. Кроме этого он ввел в севооборот картофель, разводил карпов и первым среди восточнопрусских помещиков освободил своих крепостных крестьян [42].

Окультуривание ландшафта на протяжении XIV—XVIII вв. происходило главным образом за счет вырубki лесов, повышения продуктивности и плодородия почвы, развития агрокультурных мероприятий и интенсификации хозяйства (переход с трехполья на девятиполье, введение в оборот новых культур). Со второй половины XVIII в. государство стало проводить масштабную осушительную мелиорацию заболоченных участков, пойм рек, проектирование заливных лугов, строительство защитных дамб. В дальнейшем обустраивались внутренние открытые мелиоративные каналы, выкорчевывался кустарник и т. д. Мелиорированные земли использовались как пастбища (более низинные места) или их распахивали (более приподнятые). Специализацией стало животноводческое направление сельского хозяйства.

⁵ 1764 г. — Браксейнсвальде-Отважное, 1765 г. — Луизенхоф, 1767 г. — Грёбенсбрух, 1772 г. — Грюнхоф-Кунцево, 1773 г. — Браксейнсхоф-Кандиево и Шарлоттенхоф-Бугрино, 1777 г. — Хассельдамм-Костюково.

Центрами сбыта продукции являлись несколько городов, со временем возникших вокруг укрепленных замков ордена. По своему типу это были небольшие по размеру города, которые в Германии принято называть *Ackerbürgerstadt*. Основным доходом большинства жителей была обработка наделов на городской земле, а не торговля, ремесло и т. п. В каждом таком городе со временем развилась пищевая и обрабатывающая промышленность: молокозаводы, пилорамы, паровые мельницы, кирпичные заводы, скотобойни и мясопереработка, регулярно происходили ярмарки-продажи скота.

По своим размерам города оставались довольно долгое время малочисленными (табл. 2).

Таблица 2

Динамика населения городов

Город	Население, чел.					
	1782	1816	1852	1900	1925	1939
Алленбург-Дружба	1 379	1 500	2 311	1 750	1 713	2 692
Домнау-Домново	1 002	1 200	1 727	1 921	1 986	2 988
Гердауэн-Железнодорожный	1 600	1 800	2 578	2 926	3 267	5 125
Кройцбург-Славское	1 018	1 700	1 967	1 848	1 639	2 005
Норденбург-Крылово	1 300	1 800	2 366	2 205	2 472	3 173
Прейсиш-Эйлау-Багратионовск	1 455	1 700	2 988	3 248	3 584	7 461
Фридланд-Правдинск	2 000	2 300	2 559	2 824	3 233	4 410
Хайлигенбайль-Мамоново	1 768	2 200	3 072	4 553	5 147	10 631
Цинтен-Корнево	1 500	1 700	2 584	3 585	3 549	5 801

Источник: [24; 30].

Многие города оказывались в руках влиятельных дворянских родов, оставаясь на долгое время в их собственности. Так, некий Георг Шлибен (1425—1476) в 1469 г. получил за долги во владение от ордена среди прочего города Прейсиш-Эйлау, Гердауэн, Норденбург вместе с многочисленными деревнями, лесами, мельницами, водоемами и т. п.⁶ А другой предводитель наемников Конрад Эглофштайн в 1411 г. получил от ордена в ленную зависимость замок и город Домнау.

Изменения в культурном ландшафте XIX в., связанные с радикальными трансформациями в самых различных сферах государственного устройства, прежде всего в системе землепользования, хорошо просле-

⁶ История владений рода Шлибенов закончилась в 1824 г., когда большинство земельной собственности было выставлено на торги и продано различным покупателям, часто совсем не дворянского сословия.

живаются на топографических картах Прусского геодезического ведомства (напомним, что съемка проводилась на протяжении 35 лет с 1830 по 1865 г. на территории всей Пруссии, и когда именно была снята та или иная территория, к сожалению, установить невозможно). Радикальное влияние на дальнейшее развитие территории оказала аграрная реформа 1807 г., проведенная в Пруссии и названная Сепарацией. Цель реформы — освобождение крестьян с выкупом земельных наделов у помещика. Как следствие, стали возникать самостоятельные крестьянские хозяйства, хотя и с преобладанием крупных землевладений помещиков и нового зарождающегося класса сельской буржуазии. К 1855 г. крупные землевладельцы составляли лишь 4% населения, но владели 47% всей земли, и такая тенденция сохранялась до конца XIX в. Выходя из общины и выплачивая денежные отступные, крестьянин получал весь земельный надел — пашню, пастбища, участок леса — в полную собственность. И если ранее деревенская община представлялась замкнутым поселением с земельными участками, тянувшимися узкой полосой за домами, то в данном случае крестьянин, получая надел где-то на стороне, часто строился на новом месте.

Процесс выделения крестьянских наделов из помещичьих земель проходил долго и болезненно. Помещики всячески затягивали и тормозили проведение Сепарации. Например, в обширных владениях Шлибенов первые крестьяне выделились в 1821 г. в деревне Мельхерсдорф. Деревню Мауэнфельде (Ключи) разделили на 20 крестьянских дворов в 1825 г., Веселовен (Пушкинское) и Адамсвальде с 16 дворами — в 1826 г., Фридрихсвальде с 9 хозяйствами — в 1827 г., Хедвигсфельде с 5 — в 1830 г. и т. п. [44].

Все эти социальные, экономические изменения привели к грандиозным переменам в материальном мире. Владельцы поместий вынуждены были, в свою очередь, строить многочисленные хозяйственные постройки: хлева, стойла и жилье для своих, теперь уже наемных работников. Крестьяне на новых отдельных личных участках земли возводили «с нуля» целый комплекс необходимых им дворовых построек. В экономическом плане они перестраивались с натурального хозяйства на рыночное конкурентоспособное. Это повлекло за собой рост вовлеченных в сельскохозяйственный оборот земель. Если в 1815 г. таких земель было только 20,5% от общей площади провинции, в 1849 г. — 44,3%, то в 1913 г. уже 54,9% [37]. Как следствие, изменились типы и формы поселений. Взамен деревень, имевших различный социальный статус, увеличивается численность разновидностей отдельных форм поселений — хуторов, отрубов, фольварков, а также и поместий. Многие крестьяне, прикупившие к своим участкам новые земельные наделы соседей, не выдержавших конкурентной борьбы, из разряда простых хуторян переходили на более высокий уровень владельцев усадеб.

Экономическая реформа на селе сказалась и на окружающем ландшафте — прежде всего, на состоянии лесов между земельными надела-

ми, особенно в старозаселенных районах. Ранее, когда всем лесом владела крестьянская община, все вопросы решались сообща, основываясь на регулировании со стороны государства. По указу от 14.09.1811 все частные владельцы леса освобождались от государственного надзора, что при единоличных собственниках привело к фатальным последствиям. Многие леса и рощи, бывшие ранее в собственности деревенских общин, исчезли⁷. Потеряв доступ в общественные (читай: государственные) леса и получив в собственность небольшой участок леса в 5—10 га, крестьянин стремился получить от него максимальную прибыль. Согласно сообщениям Кёнигсбергского округа уже в 1859 г., всего лишь несколько лет после завершения процесса Сепарации, в округе практически не осталось бывших общинных лесов. Они были сведены за редким исключением, да и только потому, что, по мнению Г. Мортензена, эти леса находились как раз на границе между общинами [35]. То же самое относилось и к поместьям, которые поменяли за это время многочисленных владельцев. В 1880—1900 гг. в Кёнигсбергском правительственном округе было вырублено свыше 17 тыс. га частных лесных массивов, а в Гумбинненском 10—12 тыс. га [43] (рис. 2).

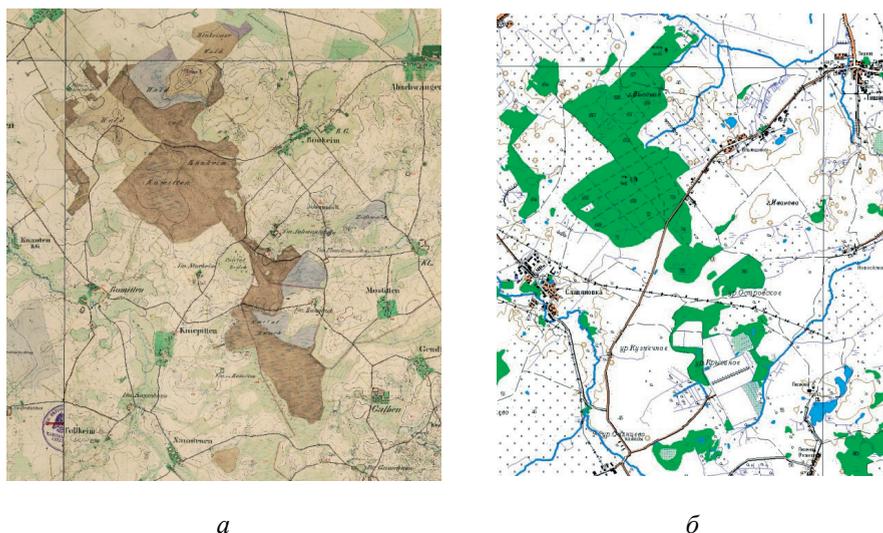

Рис. 2. Распространение леса Бёнкайм-Ромиттен в 1868 (а) и 2010 (б) гг.

Источник: Прусское геодезическое управление.

Площадь же негосударственных лесов в провинции в целом (общинных, частных, общественных) с 74 тыс. га в 1858 г. сократилась до 33 858 га в 1913 г., т.е. потеря составила 54,3% [34]. Сохранились только относительно большие по площади государственные леса, что привело к концу XIX в. к общему снижению степени лесистости Восточной Пруссии (рис. 3).

⁷ 1800 г. — 33%, 1830 г. — 25%, 1858 г. — 22%, 1878 г. — 18,2% [34].

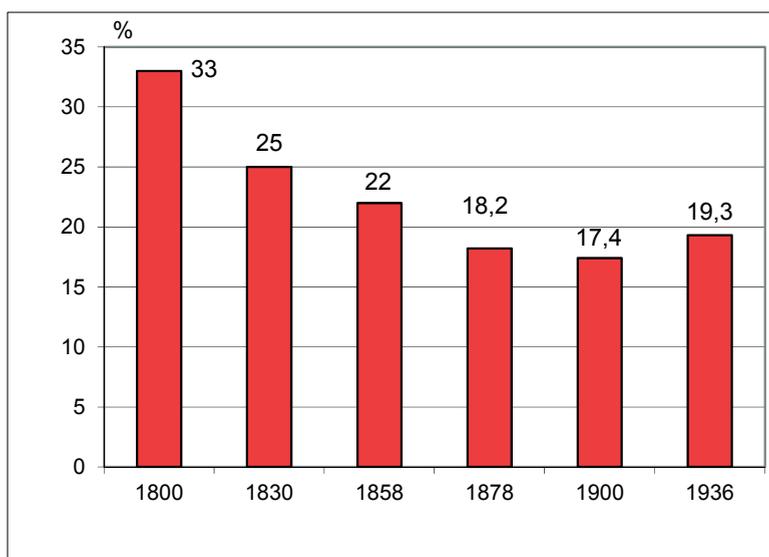

Рис. 3. Динамика лесистости в Восточной Пруссии

Источник: [34].

По подсчетам Р. Штайна, в 1805—1860 гг. в Восточной Пруссии площадь леса, находившегося в государственной собственности, уменьшилась на 160 тыс. га, в 1878 г. она составила 369 326 га (449,6 тыс. га в 1858 г.), а затем несколько стабилизировалась в 1893 г. на 368 598 га [42]. Сокращение произошло как за счет продажи его на корню в частные руки, так и вследствие колонизационных целей — под заселение на вырубку. Главным образом это коснулось, как всегда, лесных опушек больших государственных лесов. Например, северной стороны леса Озёрского (Forst Frisching), где были основаны новые многочисленные поселения в виде хуторов, такие как Ной-Линденау-Дачное, Ной-Оттенхаген, Линденхоф и др.

Ситуация не была одинакова по районам (табл. 3).

Таблица 3

Примеры сравнения лесистости по районам, 1936 г.

Район	Процент лесистости
Хайлигенбайль	11,6
Кёнигсберг-Ланд	9,8
Велау	28,6
Гумбиннен	8,9
Инстербург-Ланд	22,7

Источник: [41].

Переселение из замкнутого деревенского пространства на окраины окультуренного ландшафта вместе со значительным увеличением численности населения вызвало необходимость проведения мелиоративных мероприятий. До второй половины XIX в., как правило, всеми вопросами по мелиорации занималось исключительно государство. Однако по мере повышения экономической самостоятельности отдельных хозяйств государство попыталось отдать эту дорогостоящую прерогативу в руки общественных организаций, оформленных в виде корпораций и союзов, которые широко стали образовываться начиная с 1870—1880-х гг.⁸. По состоянию на 1888 г. в провинции в целом насчитывалось 94 товарищества на площади в 104 430 га, из них 68 осушительных обществ, 21 дренажное общество и 5 дамбовых союзов [29]. Особенно бурный рост их числа пришелся на 1890—1910-е гг., когда на уровне государства и провинции общественным организациям по мелиорации стали выделяться значительные средства. Одновременно создавались и муниципальные органы управления мелиорацией — так называемые районные управления по обустройству пастбищ (*Kreiswiesenbauamt*)⁹. Законодательной основой послужили прусские «Аграрные законы» 1843—1846 гг., принятые с целью улучшения и поддержания качества почвы, освоения новых территорий, ликвидация чересполосицы и т. п.

В конце XIX в. на фоне негативных социально-экономических процессов государство решило взять процессы расселения в свои руки. В Восточной Пруссии это было «Восточно-прусское земельное общество» (*Ostpreußische Landgesellschaft — OLG*) с 1905 г. и «Восточно-прусское общество по строительству и заселению» (*Ostpreußische Bau- und Siedlungsgesellschaft — Bausi*)¹⁰. Учитывая, что сельское хозяйство продолжало оставаться основой экономики провинции, в котором работало 57% населения, а преобладающее крупное землевладение испытывало определенные финансовые трудности, государство пошло по пути покупки обанкротившихся поместий и использования земель государственных доменов. Новые дворы поселенцев старались ранжировать в ряд, чтобы была возможность обустройства одной дороги, по которой поселенцы имели бы доступ к инфраструктуре поселка. Если подъездная дорога уже была, то новостройки размещали вдоль нее.

⁸ Первыми стали применять закрытый дренаж для улучшения почвы и увеличения урожайности именно крупные хозяйства. Впервые это произошло в 1852 г., когда приглашенный владельцем поместья Фуксберг (Холмогоровка) бельгийский инженер Леклерк (Leclerc) проложил первую в Восточной Пруссии систему закрытого дренажа [28]. Однако мероприятие это оказалось очень дорогостоящим — свыше тысячи талеров.

⁹ В крайсе Гердауэн такое управление было создано в 1908 г., которое управляло деятельностью 62 мелиоративных союзов площадью 36 316 га [23].

¹⁰ Кроме этого в начале XX в. в Восточной Пруссии работало около 50 организаций, занимавшихся вопросами заселения: «Восточнопрусское земельное общество по новому и местному заселению» (*Ostpreussische Landgesellschaft für Neu- und Anliegersiedlung*), «Немецкое земельное заселение для особых поручений» (*Deutsche Landsiedlung für Sonderaufgaben*), а также культурные отделы по местному расселению.

Картографические результаты не заставили себя ждать, так, например, на листе 339 топографической карты 1864 г. Гросс-Саусгартен (Березовка) — это обыкновенное поместье, тогда как уже в начале XX в. это линейная деревня, протянувшаяся на несколько километров как результат деятельности Восточно-прусского земельного общества по созданию новых 45 дворов [45] (рис. 4).

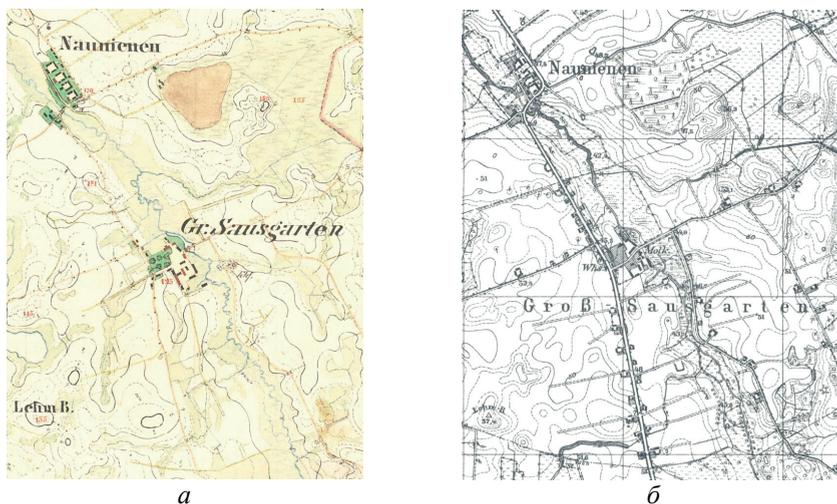

Рис. 4. План деревни Гросс-Саусгартен в 1864 г. (а) и 1913—1922 гг. (б)

Источник: Прусское геодезическое управление. Л. 339.

Деятельность и размеры проведенных мероприятий оказали значительное влияние как на культурный ландшафт, так и людность территории: на территории бывших поместий после нового заселения численность населения увеличивалась от 40 до 70%. В целом с 1919 по 1934 г. было образовано 12 900 новых заселенных мест с 157 тыс. га [40].

К началу Второй мировой войны количественный рост земель сельскохозяйственного использования был по области завершен, т. е. в сельскохозяйственный оборот были вовлечены почти все пригодные для этой цели земли. Дальнейший рост производительности сельского хозяйства должен был идти только за счет его большей интенсификации. Исследуемая территория продолжала оставаться периферией, с ярко выраженным сельскохозяйственным характером экономики. Так, например, в 1939 г. в крайсе Гердауэн в сельском хозяйстве было занято 56,1% всего населения. Доля используемых в сельском хозяйстве земель равнялась 76,9%. Средняя величина надела составляла 17,7 га (третье место в провинции) при общем количестве хозяйств 2 074. В структуре землепользования преобладала пашня (67,5%), на пастбища приходилось 21,9%, на луга — 9,2%. Механизация достигала высокого уровня, во многих хозяйствах имелся или электромотор либо двигатель внутреннего сгорания; широко применялись жатки, веялки, сноповязалки и т. п.

Уровень развития хозяйства периферийных районов с преобладающим сельским хозяйством показывает количество предприятий перерабатывающей промышленности. Картографический материал позволяет с точностью проследить размещение соответствующих объектов: мельниц, пилорам, молокозаводов и кирпичных заводов.

Начиная с середины XIX в. оформилась развитая транспортная инфраструктура, включавшая в себя железные и шоссейные дороги и оказавшая значительное влияние на систему расселения. Несмотря на то что первые почтовые тракты появились еще в XVI в., они представляли собой малоудобное средство сообщения, поэтому предпочтение отдавалось водным путям. Так, на листе №86 так называемой *карте Холманна* 1731 г. мы видим десять почтовых трактов, использовавшихся в то время. Самые известные — это путь из Данцига по Вислинской косе в Кёнигсберг и дальше через Кранц в Мемель (Клайпеду). Другими были, например, Тильзит — Поппелькен — Георгенбург — Инстербург, Инстербург — Даркемен — Ангербург, Кёнигсберг — Удерванген — Домнау, Кёнигсберг — Хайлигенбайль — Прейсиш-Холланд [27]. Строительство дорог имело первостепенное значение для государства при колонизации новых территорий, притока новых поселенцев, оживлении хозяйственной жизни, формировании центральных мест. В 1790 г. из Кёнигсберга расходилось семь больших почтовых линий (табл. 4) [32].

Таблица 4

Почтовые линии

Направление	Длина, миль
На Хайльсберг через Мюльхаузен, Прейсиш-Эйлау и Бартенштайн	...
На Мариенвердер через Бранденбург, Хайлигенбайль	24
На Пиллау через Видитген	7
На Растенбург через Мюльхаузен, Прейсиш-Эйлау, Бартенштайн	19,5
На Зольдау	27
На Торн и Варшаву через Мариенвердер	...
На Мемель через Хоенраде, Тапиау, Таплакен, Инстербург, Остветен, Тильзит, Шамейткен, Хайдекруг	34

Источник: [32].

Только в начале XIX в. по французскому образцу в Восточной Пруссии стали прокладываться шоссейные дороги. Первое шоссе Кёнигсберг — Эльбинг длиной 75,1 км было построено в 1818—1827 гг.

За ним последовали шоссе Кёнигсберг — Прейсиш-Эйлау (1822—1831 гг.)¹¹ и Кёнигсберг — Тильзит (1830—1831) через Таплакен (Талпаки). Отрезок от Таплакен через Гумбиннен (Гусев) до Эйдткунен (1835—1837). Тридцатикилометровое шоссе на Кранц строили 27 лет (1826—1853). Начиная с 1870-х гг. строительством дорог районного значения стали заниматься районы, что позволило к началу XX в. достичь высокого уровня транспортной обеспеченности. Так в крайсе Гердауэн по состоянию на 31 марта 1938 г. имелось 92,598 км дорог 2-го порядка, шириной дорожного полотна 4,5—5,5 м (80,381 км) или даже 5,5—6,5 м (12,217 км). Щебеночное покрытие имели 60,909 км дорог, (старо) бульжное — 26,609 км и сплошное брусчатое — 5,08 км [23]. Кроме этого, по территории крайса проходили государственные дороги № 131 (Кёнигсберг — Фридланд — Гердауэн — Норденбург) и № 141 (Велау — Гердауэн), № 139 Инстербург — Норденбург.

Еще в большей степени освоению территории, включению ее в хозяйственную деятельность, выходу на рынки способствовали железные дороги¹². Если первая так называемая Восточная железная дорога¹³ из Берлина в Кёнигсберг и далее в сторону российской границы имела стратегическое значение, то последующие дороги оказывали влияние на региональное развитие, соединяя отдаленные районы между собой и с крупными городами. Одни железные дороги связывали города между собой напрямую: Кёнигсберг — Прейсиш-Эйлау, Инстербург — Гердауэн; другие выполняли связующие функции в периферийной местности, включая в хозяйственную активность отдаленные поселения и предприятия: Фридланд — Гердауэн, Хайлигенбайль — Цинтен, Велау — Алленбург — Фридланд, Виттенберг — Тарау — Кройцбург, Гердауэн — Норденбург, Лёвенхаген — Домнау — Фридланд — Гердауэн¹⁴.

В конце XIX в. на законодательном уровне появилась возможность строить узкоколейные железные дороги (Закон об узкоколейных дорогах 1895 г.), чем не преминули воспользоваться для своих нужд районы, города и коммуны. Практически все узкоколейки провинции были проложены в период с 1898 по 1920 г. с пиком строительства в 1900 г. Собственником выступали акционерные общества, капитал выделялся государством, провинцией, заинтересованными коммунальными объединениями, реже частными лицами, а также подрядными строительными компаниями (как правило, это была фирма Lenz & Co.) [26].

¹¹ Ширина дороги составила 12,55 м, из которых 5 м — это бульжное покрытие, остальное так называемая щебеночная «летняя дорога».

¹² Подробнее о взаимосвязях железных дорог и ландшафтов см.: Романова Е. А., Виноградова О. Л., Кретинин Г. В. и др. Отражение эволюции железнодорожной сети в ландшафтной среде Калининградской области // Балтийский регион. 2015. № 4(26). С. 181—193.

¹³ Введена в эксплуатацию на участке до Кёнигсберга 2 августа в 1853 г. и на участке до Эйдкунен на германско-российской границе 15 августа 1860 г.

¹⁴ Э. Шой в своей работе «Эконом-географическое страноведение Восточной Пруссии», анализируя причины возникновения кирпичных заводов, в качестве факторов размещения называл кроме наличия сырья близость водных транспортных путей [40].

Таким образом, при сравнении карт середины XIX в. и 1939 г. можно установить следующие изменения культурного ландшафта сельских периферийных районов:

- изменения планировки и величины населенных пунктов;
- повышенный уровень хозяйственного освоения территории: снижение лесной площади, развитие определенных отраслей промышленности, прежде всего пищевой, строительных материалов и т. д.;
- определенный характер землепользования (преобладание крупного землевладения);
- создание развитой транспортной инфраструктуры в виде железных дорог, автодорог различного порядка;
- регулирование рек и мелиорация земель.

Новый этап развития культурного ландшафта начался в 1945 г., когда по решению Потсдамской конференции северо-восточная часть Восточной Пруссии площадью 15,1 тыс. км² отошла к СССР. Целенаправленное заселение новообразованной Калининградской области началось с лета 1946 г., оставшееся немецкое население было депортировано к концу 1948 г. Одним из факторов восстановления и развития населенных пунктов было выгодное транспортное положение. Дорожная сеть сохранилась в размерах, которые отвечали хозяйственным нуждам коллективных хозяйств. Общая протяженность автодорог области по состоянию на 1948 г. составила 4484 км, из них: 2943 км асфальтированных и асфальтобетонных, 976 км щебеночного шоссе, 215 км брусчатых и булыжных мостовых и лишь 350 км гравийных и грунтовых дорог [5].

Сравнение с современными данными показывает удивительную стабильность дорожной сети. В 2015 г. она составила 4480,9 км всех пяти классов (табл. 5).

Таблица 5

**Протяженность автомобильных дорог
Багратионовского муниципального района и Правдинского района
III—V категорий по состоянию на 01.01.2014, км**

Район	Категории автомобильных дорог общего пользования регионального или межмуниципального значения			
	III	IV	V	Всего
Багратионовский	112,2	274,6	61,0	495,2
Правдинский	195,2	266,5	35,1	496,8
Калининградская область, всего	1206,1	2045,1	1049,9	4480,9

Источник: [46].

Несмотря на катастрофическое сокращение системы расселения с ее транспортными элементами (проселочные, подъездные, внутривоспользовательские и т. п. дороги), потеря компенсировалась новым строительством.

Другим важным фактором при заселении стала степень сохранности жилых и хозяйственных построек, возможность создания на их базе машинно-тракторных станций, молочно-товарных ферм, а также качество земель. В иных случаях, находясь вдали от основных транспортных путей, хорошо развитые и даже сохранившиеся после войны усадебные комплексы и целые деревни прекратили свое существование. Значительная часть прежних деревень, хуторов оставались незаселенными, так как число переселенцев оказалось вдвое меньше прежнего немецкого населения.

Процесс заселения проходил с большими трудностями: не хватало пригодного для размещения жилья, организационные проблемы, разногласия между отдельными инстанциями, испытывался недостаток в материальном обеспечении переселенцев, техники, семенного материала и т. п. Понять, по какому принципу и почему именно в таком порядке заселялись населенные пункты, довольно трудно. Скорее всего, свое влияние оказывали факторы сохранности жилого и хозяйственного фонда (после двух лет существования подсобных хозяйств воинских частей и военных совхозов¹⁵), нерегулярность и малочисленность прибывающих эшелонов с переселенцами. Например, по состоянию на 1 августа 1947 г. на территории Железнодорожного района¹⁶ насчитывалось 49 населенных пунктов, из которых заселены были только девять: железнодорожный поселок Кляйн-Гни (994 и 132 чел.) и военный совхоз № 133 (1415 чел.): Ильмсдорф (55), Гросс-Гни (101), Альтендорф (5), Шенлинде (55), Норденбург (39), Астровишки (166), Беккелен (10), Мульджен (1), в которых проживало 1018 семей (в том числе и немцев) [6]. Похожая ситуация наблюдалась во всех остальных районах области¹⁷. Прием населенных пунктов сопротивлялись военные, которые с неохотой уходили из своих подсобных хозяйств¹⁸.

Организованное заселение закончилось к началу 1950-х гг. (табл. 5).

¹⁵ В 1948 г. Железнодорожному району выдали разнарядку на прием «410 семей, из которых 60 семей идут на организацию нового колхоза в населенный пункт Перевалово (Мульшен), где проживает 16 семей немцев, а остальные постройки этими же немцами растаскиваются и сжигаются; поселок частично занят временными рабочими Леспромхоза» [7].

¹⁶ Указ Президиума ВС РСФСР от 25 июля 1947 г. за № 614/7 «О выделении из состава Правдинского района нового Железнодорожного района».

¹⁷ Согласно проекту переименований Правдинского района от сентября 1947 г. в районе насчитывалось 88 населенных пунктов (частично заселенных) и было образовано 39 коллективных хозяйств [9].

¹⁸ См.: Ведомость жилых и производственных построек, с/х машин и инвентаря переданных Правдинскому районному исполкому подсобным хозяйством в/ч 2297 МГБ по состоянию на 15 ноября 1950 г. в пос. Ягодное [Kapsitten] [4].

Таблица 5

**Численность переселенцев в сельскую местность
в 1947—1955 гг., тыс. чел.**

Источник	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953	1954	1955
Областной переселенческий отдел	38,4	44,1	21,4	20,4	5,8	6,7	4,5	4,6	3,5
Областное статуправление	54,4	54,5	37,9	33,8	21,3	20,9	25,5	25,5	20,7

Источник: [16].

Новая власть сознательно не допускала расселения прибывших переселенцев на хуторах, даже если они и хорошо сохранились: «...для переселенцев 1949 г. отремонтировано 5069 домов-квартир при плане 5000. Таким образом, все прибывшие в 1949 г. семьи переселенцев были вселены в отремонтированные дома-квартиры, находящиеся в населенных пунктах, не допуская расселения их на хуторах» [3].

Старая мелиоративная дренажная система просто не могла быть восстановлена в прежнем состоянии. Другая культура и способы хозяйствования, образ жизни приводили к значительным недоразумениям при возрождении старых мелиоративных систем. Практически вся система закрытого и открытого дренажа с отводными каналами была, вольно или невольно, разрушена и/или заменена на новый дренаж. Причин тут несколько¹⁹. Во-первых, изменился характер землепользования: вместо раздробленного частного землевладения образовались крупные коллективные собственники, и мелиоративная система, таким образом, не отвечала потребностям и требованиям крупного социалистического хозяйства. Большое количество мелких тальвеговых и соединительных каналов и канав разрезало земельные угодья на участки площадью в 0,5 га, что не отвечало условиям колхозного способа хозяйствования.

В новых политических и социально-экономических условиях коллективного хозяйствования системе расселения не требовалось такое, как раньше, количество поселений, большую часть которых составляли мелкие и разрозненные пункты. С течением времени изменилась и структура агроландшафтов, часто в негативную сторону, когда окультуренные в агротехническом отношении угодья изменяли вид использования или деградировали²⁰. Кроме этого изменилась структура зем-

¹⁹ «...Существующие осушительные системы обладают рядом серьезных отрицательных сторон, являющихся следствием старых социально-экономических условий сельского хозяйства» [17].

²⁰ «...В ряде районов области (Правдинском, Калининградском, Железнодорожном, Краснознаменском, Черняховском и др.) по незнанию местных условий отдельными переселенцами были ошибочно распаханы искусственные луга (расположенные на плотных избыточно-увлажненных бесплодных крас-

лепользования. Мелкие участки, площадью от 5 до 20 га, не отвечали критериям планового социалистического хозяйствования. Распределение дорожной сети и мест переездов также не увязывалось с организацией крупных механизированных хозяйств.

В начальной фазе организации коллективные хозяйства были довольно небольшими: 4/5 имели в своем составе от 16 до 60 дворов, 2/3 располагали менее чем по 300 га посевов. В 1950 г. по решению ЦК ВКП(б) произошло укрупнение сельхозартелей: из 472 создали 151 артель. В 1964 г. число колхозов сократилось до 110, кроме этого имелось 67 совхозов. Большие по сравнению с довоенными размеры хозяйств (св. 1000 га) и уменьшение их абсолютного числа увеличили масштабы и концентрацию нагрузки на природную среду [12].

Площадь вовлеченных в оборот земель так и не смогла достичь довоенных размеров. Прирост сельскохозяйственных площадей происходил довольно медленно. К 1967 г. размеры земель, вовлеченных в сельскохозяйственный оборот, составили только 63,7% от довоенного, или 739,6 тыс. га против 1161,5 тыс. га. К 1980 г. они достигли своего максимума в 805 тыс. га, 723,4 тыс. га в 2005 г. [18].

В состав совхоза или колхоза входило несколько населенных пунктов. В центральной усадьбе располагалась контора совхоза или правление колхоза, где также находились другие социально-культурные учреждения (школа, клуб, библиотека, баня), в некоторых случаях сельский Совет. Более мелкие населенные пункты назывались бригадами или фермами, если на их окраине находилась животноводческая ферма.

Строительством домов на основе проектной документации, разработанной Облсельпроектом, занимался трест «Калининградсельстрой». Дома на селе начиная с конца 1950-х гг. строились нескольких типов из местных материалов (деревянные, из силикатного кирпича, каркасные). За планировку населенных пунктов формально отвечали отделы сельского и колхозного строительства при исполкомах районных Советов. В Положении от 9 марта 1949 г. указано, что «отдел сельского и колхозного строительства при исполкоме районного Совета депутатов трудящихся... составляет схемы планировки и застройки сельских населенных пунктов, следит за тем, чтобы застройка производилась по принятым схемам планировки, и руководит работами по благоустройству и озеленению населенных пунктов; ...обеспечивает колхозы типовыми проектами жилых домов, застройки усадеб...» [10]. В реальности же застройка населенных пунктов и хозяйственных центров колхозов и совхозов велась без необходимых районных и внутрихозяйственных планировок. Только с образованием в 1962 г. Облмежколхозстройобъединения стали разрабатываться схемы районных планировок. Одновременно был определен перечень населенных пунктов, перспектив-

ных глинах). Посеянные здесь на вывернутых на поверхность материнских породах зерновые в большинстве своем выпали целиком. Эти участки, по моему мнению, целесообразно из случайно образовавшейся "пашни" заново превратить в луговые угодия долголетнего пользования» [8].

ных для дальнейшего строительства, планировалась постепенная ликвидация мелких поселков и хуторов. Удобства новых домов в выбранных перспективных населенных пунктах должны были соответствовать городским, что, однако, не учитывало условий жизни на селе. Городского вида двухэтажные блочные дома не имели хозяйственных построек во дворе, а размеры приусадебных участков были минимальны.

В период проведения в 1960—1970 гг. политики централизации ликвидировались так называемые «неперспективные» населенные пункты; жилищное, культурно-бытовое и производственное строительство концентрировалось в «перспективных» поселениях, доля которых возрастала. Дело доходило до крайностей, когда, например, в 1963 г. Озёрское производственное колхозно-совхозное управление предлагало в перспективе ликвидировать или снести 156 сельских населенных пунктов района, оставив лишь 27 в качестве центральных усадеб и отделений/бригад. Озёрский райисполком, однако, не утвердил этот перечень, ограничившись лишь одобрением перечня перспективных населенных пунктов, в которых целесообразно вести новое жилищное строительство²¹. К середине 1970-х гг. были разработаны проекты планировки 95 из 107 центральных усадеб колхозов. При этом в Калининградской области имелось чуть менее 200 перспективных населенных пунктов. Общее число сельских поселений в области к началу 1980-х гг. не превышало 1,4 тыс. Плотность сельского населения в периферийных районах была не очень высокая.

В целом за советское время система расселения в области претерпела значительные изменения, в первую очередь, по основному показателю количества населенных пунктов, число которых уменьшилось в несколько раз (рис. 5).

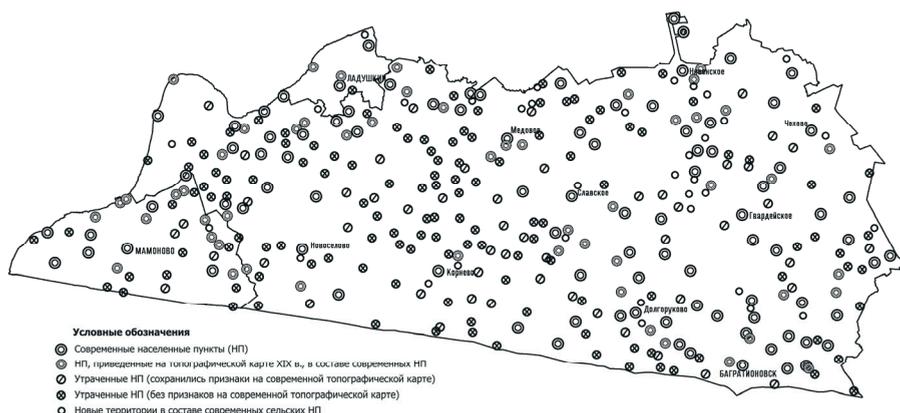

Рис. 5. Рисунок расселения (1939—2015 гг.)

²¹ Например, в совхозе «Лужки» планировалось довести количество жителей центральной усадьбы с 38 человек до 1500 за счет сноса и ликвидации 21 населенного пункта [17].

Таким образом, основными результатами хозяйственного развития культурного ландшафта после 1945 г. стало сжатие системы расселения с изменением функциональности населенных пунктов; сокращение площади и структуры обрабатываемых земель; перестройка мелиоративной системы; изменение структуры землепользования.

Список литературы

1. Баранский Н. Н. Избранные труды. Становление советской экономической географии. М., 1980.
2. Волинская Г. Я., Федоров Г. М. Система расселения в польдерных районах Калининградской области // Народное хозяйство Калининградской области проблемы и пути развития. Калининград, 1977. С. 86—93.
3. ГАКО. Ф. 183. Оп. 5. Д. 133. Л. 11, 13.
4. ГАКО. Ф. 297. Оп. 7. Д. 262. Л. 23—34.
5. ГАКО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 1. Л. 178—180.
6. ГАКО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 173. Л. 30.
7. ГАКО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 129. Л. 87.
8. ГАКО. Ф. 297. Оп. 7. Д. 1. Л. 199.
9. ГАКО. Ф. 297. Оп. 7. Д. 74. Л. 17—36.
10. ГАКО. Ф. 297. Оп. 7. Д. 266. Л. 67.
11. Географический атлас Калининградской области / гл. ред. В. В. Орлёнок. Калининград, 2002.
12. История сельского хозяйства Калининградской области / отв. ред. А. Л. Гусев, В. Н. Маслов. Калининград, 2006.
13. Калуцков В. Н. Проблемы исследования культурного ландшафта // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. 1995. № 5. С. 16—20.
14. Клименко Н. А., Левченков А. В. Территориальная организация Восточной Пруссии // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. № 1. 2010. С. 119—125.
15. Ковалев С. А. Сельское расселение. М., 1963.
16. Костяшов Ю. В. Секретная история Калининградской области. Очерки 1945—1956 гг. Калининград, 2009.
17. Левченков А. В. Генезис и современное состояние территориальной организации сельского расселения Калининградской области // Вопросы географии. Сб. 135 : География населения и социальная география / отв. ред. А. И. Алексеев, А. А. Ткаченко. М., 2013. С. 302—322.
18. Левченков А. В. Трансформация системы сельского расселения бывшей Восточной Пруссии (Калининградская область) // Региональные исследования. 2006. № 4. С. 77—86.
19. Ливинская О. А. Понятие культурного ландшафта в отечественной географии // Псковский регионологический журнал. 2012. № 14. С. 120—129.
20. Мильков Ф. Н. Человек и ландшафты: очерки антропогенного ландшафтоведения. М., 1973.
21. Саушкин Ю. Г. Культурный ландшафт // Вопросы географии. 1946. № 1. С. 97—106.
22. Яцунский В. К. Предмет и задачи исторической географии // «Историк-марксист». 1941. № 5. С. 20—25.
23. Bachor O. Der Kreis Gerdauen. Würzburg, 1968.
24. Barran F. R. Städte-Atlas Ostpreußen, Leer 1988.
25. Diercke-Wörterbuch Allgemeine Geographie, Verlag Westermann, 1997.
26. Eisenbahn Kurier Special 52. Ostpreußen 1999.
27. Grabo R. Die ostpreußische Strassen im 18. und 19. Jahrhundert 1910.
28. Gusovius P. Der Landkreis Samland. Würzburg, 1966.

29. *Hartke W.* Zur Kulturgeographie der ländlichen Neusiedlung (Ostprien) / in Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde ; Berlin, 1933.
30. *Heynike H.* Die Entwicklung der ostpreußischen Städte. Eine wirtschaftshistorische Untersuchung. Königsberg, 1931.
31. *Historisch-geographischer* Atlas des Preußenlandes. Wiesbaden, 1982.
32. *Horn A.* Die Verwaltung Ostpreußens seit der Sekularisation. Königsberg, 1890.
33. *Lowmiański H.* Studja nad początkami społeczeństwa i państwa lietowskiego. Wilno, 1931.
34. *Mager F.* Der Wald in Ostpreußen als Wirtschaftsraum, 2 Bd. Köln und Graz, 1960.
35. *Mortensen H.* Siedlungsgeographie des Samlandes. Stuttgart, 1923.
36. *Mortensen H. und G.* Die Besiedlung des nordöstlichen Ostpreußens bis zum Beginn des 17. Jahrhunderts, Teil I u. II in: Deutschland und der Osten, Bd. 7. Leipzig, 1937/38.
37. *Neuschäffer H.* Das „Königsberger Gebiet“. Plön, 1991.
38. *Rousselle M.* Die Besiedlung des Kreises Preußisch-Eylau in der Ordenszeit, In: Altpreußische Forschungen, Königsberg, Bd. 8, Hamburg 1989. Unveränderter Nachdruck der Ausgabe 1926 und 1927. S. 174—208.
39. *Rousselle M.* Das Siedlungswerk des Deutschen Orden im Lande Gerdauen // Altpreußische Forschungen 6. Königsberg, 1929. S. 220—255.
40. *Scheu E.* Ostpreußen, Eine wirtschaftsgeographische Landeskunde. Königsberg, 1936.
41. *Statistisches* Handbuch für die Provinz Ostpreußen. Königsberg, 1938.
42. *Stein R.* Die Umwandlung der Agrarverfassung Ostpreußens durch die Reform des 19. Jahrhunderts, Bd. I, Jena 1918. Bd. 2. 1934.
43. *Templin K.* Unsere masurische Heimat. Sensburg, 1918.
44. *Wagner W.* Die Kultur in Ostpreußen, in 2 Bd. 2008.
45. *Zwanzig* Jahre deutscher Siedlungsarbeit in Ostpreußen (1906 bis 1926). Königsberg, 1927.
46. *Официальный сайт* Государственного казенного учреждения Калининградской области «Управление дорожного хозяйства Калининградской области». URL: <http://www.dor39.org/start/municipalnym-obrazovaniyam> (дата обращения: 22.07.2015).

Работа выполнена при финансовой поддержке РГО — грант на реализацию проекта «Послевоенные изменения в Калининградской области (по материалам топографических карт)».

Об авторе

Андрей Викторович Левченков, кандидат географических наук, доцент кафедры градостроительства, землеустройства и дизайна, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: levchenkov5@gmail.com

Для цитирования:

Левченков А. В. Изменения культурного ландшафта территории периферийных зон Калининградской области в XIX—XX веках // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 1. С. 132—159. doi: 10.5922/2074-9848-2016-1-8

CHANGES IN THE CULTURAL LANDSCAPE
OF THE KALININGRAD REGION'S PERIPHERY
IN THE 19th/20th CENTURIES

A .Levchenkov *

* *Immanuel Kant Baltic Federal University*
14 A. Nevskogo ul., Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on November 15, 2015

This article considers the development of cultural landscapes on the agricultural periphery of the Kaliningrad region. These territories are analysed in view of historical, geographical, social, economic, and political factors.

Owing to its history, the Kaliningrad region boasts a unique combination of cultural landscape elements. Thus, the genesis and development conditions of the region's cultural landscape are important aspects for the identification of its components — settlement pattern, settlement hierarchy, land use type, transport system, economic ties, etc. It is well known that the key role in the formation of a cultural landscape is played by the level of socioeconomic relations, which affects the landscape type and composition.

Historiography and the study of maps made it possible to identify certain stages of cultural landscape evolution, analyse the course of its historical development, and assess its transformations in different periods. The following types of transformations of cultural landscape elements were identified — settlement planning, changes in the number of settlements, settlement patterns, land use planning and management, amelioration, natural landscape preservation, industrial development, and the development of transport infrastructure.

Key words: cultural landscape, Kaliningrad region, periphery, agricultural landscapes.

References

1. Baranskii, N.N. 1980, *Izbrannyye trudy. Stanovlenie sovetskoj jekonomicheskoy geografii* [Selected works. Formation of Soviet economic geography], Moscow.
2. Volynskaya, G.Ya., Fedorov, G.M. 1977, *Sistema rasseleniya v pol'dernyh rajonah Kaliningradskoj oblasti* [Settlement system in the polder areas of the Kaliningrad region]. In: *Narodnoe hozjajstvo Kaliningradskoj oblasti problemy i puti razvitiya* [The national economy of the Kaliningrad region and the development of problems], Kaliningrad, p. 86—93.
3. *Gosudarstvennyj Arhiv Kaliningradskoj Oblasti* [State Archive of the Kaliningrad Oblast], F. 183, Op. 5, D. 133, L. 11, 13.
4. *Gosudarstvennyj Arhiv Kaliningradskoj Oblasti* [State Archive of the Kaliningrad Oblast], F. 297, Op. 7, D. 262, L. 23—34.
5. *Gosudarstvennyj Arhiv Kaliningradskoj Oblasti* [State Archive of the Kaliningrad Oblast], F. 297, Op. 1, D. 1, L. 178—180.
6. *Gosudarstvennyj Arhiv Kaliningradskoj Oblasti* [State Archive of the Kaliningrad Oblast], F. 297, Op. 1, D. 173, L. 30.
7. *Gosudarstvennyj Arhiv Kaliningradskoj Oblasti* [State Archive of the Kaliningrad Oblast], F. 297, Op. 1, D. 129, L. 87.

8. *Gosudarstvennyj Arhiv Kaliningradskoj Oblasti* [State Archive of the Kaliningrad Oblast], F. 297, Op. 7, D. 1, L. 199.
9. *Gosudarstvennyj Arhiv Kaliningradskoj Oblasti* [State Archive of the Kaliningrad Oblast], F. 297, Op. 7, D. 74, L. 17—36.
10. *Gosudarstvennyj Arhiv Kaliningradskoj Oblasti* [State Archive of the Kaliningrad Oblast], F. 297, Op. 7, D. 266, L. 67.
11. Orlyonok, V. V. (ed.), 2002, *Geograficheskij atlas Kaliningradskoj oblasti* [Geographical Atlas of the Kaliningrad region], Kaliningrad, 276 p.
12. Gusev, A. L., Maslov, V. N. 2006, *Istorija sel'skogo hozjajstva Kaliningradskoj oblasti* [The history of agriculture of the Kaliningrad region], Kaliningrad, 464 p.
13. Kalutskov, V. N. 1995, Problemy issledovanija kul'turnogo landshafta [Problems of research of the cultural landscape], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 5. Geografija* [Bulletin of Moscow University. Series 5. Geography], no. 5, p. 16—20.
14. Klimenko, N. A., Levchenkov, A. B. 2010, Territorial'naja organizacija Vostochnoj Prussii [Territorial organization of East Prussia], *Vestnik Immanuel Kant Baltic Federal University*, no. 1, p. 119—125.
15. Kovalev, S. A. 1963, *Sel'skoe rasselenie* [Rural resettlement], Moscow, 372 p.
16. Kostyashov, Yu. V. 2009, *Baltika, Sekret'naja istorija Kaliningradskoj oblasti. Očerki 1945—1956 gg.* [Baltic, The Secret History of the Kaliningrad region. Essays 1945—1956], Kaliningrad, 352 p.
17. Levchenkov, A. V. 2013, Genezis i sovremennoe sostojanie territorial'noj organizacii sel'skogo rasselenija Kaliningradskoj oblasti [The genesis and the current state of the territorial organization of rural settlement of the Kaliningrad region]. In: Alekseev, A. I., Tkachenko, A. A. *Voprosy geografii. Sb. 135: Geografija naselenija i social'naja geografija* [Questions of geography. Coll. 135: Geography of Population and Social Geography], Moscow, p. 302—322.
18. Levchenkov, A. V. 2006, Transformacija sistemy sel'skogo rasselenija byvshej Vostochnoj Prussii (Kaliningradskaja oblast') [Transformation of rural settlement system of the former East Prussia (Kaliningrad Region)], *Regional'nye issledovanija* [Regional studies], no. 4, p. 77—86.
19. Livinskaya, O. A. 2012, Ponjatie kul'turnogo landshafta v otechestvennoj geografii [The concept of cultural landscape in the national geography], *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov regionologicheskij Journal], no. 14, p. 120—129.
20. Milkov, F. N. 1973, *Chelovek i landshafty: očerki antropogennogo landshaftovedenija* [Man and the landscape: Essays anthropogenic landscape science], Moscow, 224 p.
21. Saushkin, Yu. G. 1946, Kul'turnyj landshaft [Cultural landscape], *Voprosy geografii* [Geography Questions], no. 1, p. 97—106.
22. Yatsunsky, V. K. 1941, Predmet i zadachi istoricheskoy geografii [Subject and historical geography tasks], *Istorič-marksist* [Marxist historian], no. 5, p. 20—25.
23. Bachor, O. 1968, *Der Kreis Gerdauen*, Würzburg.
24. Barran, F. R. 1988, *Städte-Atlas Ostpreußen*, Leer, 223 S.
25. *Diercke-Wörterbuch Allgemeine Geographie*, 1997, Verlag Westermann.
26. *Eisenbahn Kurier Special*, 1999, no. 52, Ostpreußen.
27. Grabo, R. 1910, *Die ostpreußische Strassen im 18. und 19. Jahrhundert*, Königsberg, 124 S.
28. Gusovius, P. 1966, *Der Landkreis Samland*, Würzburg.
29. Hartke, W. 1933, Zur Kulturgeographie der ländlichen Neusiedlung (Ostpreußen), *Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde*.
30. Heynike, H. 1931, *Die Entwicklung der ostpreußischen Städte. Eine wirtschaftshistorische Untersuchung*, Königsberg, 149 S.

31. *Historisch-geographischer Atlas des Preußenlandes*, 1982, Wiesbaden.
32. Horn, A. 1890, *Die Verwaltung Ostpreußens seit der Sekularisation*, Königsberg.
33. Łowmiański, H. 1931, *Studja nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego*, Wilno.
34. Mager, F. 1960, *Der Wald in Ostpreußen als Wirtschaftsraum*, Köln und Graz.
35. Mortensen, H. 1923, *Siedlungsgeographie des Samlandes*, Stuttgart.
36. Mortensen, H. G. 1937/38, Die Besiedlung des nordöstlichen Ostpreußens bis zum Beginn des 17. Jahrhunderts, Teil I u. II. In: *Deutschland und der Osten*, Bd. 7, Leipzig.
37. Neuschäffer, H. 1991, *Das „Königsberger Gebiet“*, Plön.
38. Rousselle, M. Die Besiedlung des Kreises Preußisch-Eylau in der Ordenszeit, In: *Altpreußische Forschungen*, Königsberg, Bd. 8, Hamburg 1989. Unveränderter Nachdruck der Ausgabe 1926 und 1927. S. 174—208.
39. Rousselle, M. 1929, Das Siedlungswerk des Deutschen Orden im Lande Gerdauen, *Altpreußische Forschungen*, no. 6, S. 220—255.
40. Scheu, E. 1936, *Ostpreußen, Eine wirtschaftsgeographische Landeskunde*, Königsberg, 196 S.
41. *Statistisches Handbuch für die Provinz Ostpreußen*, 1938, Königsberg.
42. Stein, R. 1934, *Die Umwandlung der Agrarverfassung Ostpreußens durch die Reform des 19. Jahrhunderts*, Bd. I, Bd. II.
43. Templin, K. 1918, *Unsere masurische Heimat*, Sensburg.
44. Wagner, W. 2008, *Die Kultur in Ostpreußen*.
45. Zwanzig Jahre deutscher Siedlungsarbeit in Ostpreußen (1906 bis 1926), 1927, Königsberg.
46. *Oficial'nyj sajt Gosudarstvennogo kazennogo uchrezhdenija Kaliningradskoj oblasti «Upravlenie dorozhnogo hozjajstva Kaliningradskoj oblasti»* [The official website of the State treasury offices of the Kaliningrad region "Managing the Kaliningrad region road economy"], available at: <http://www.dor39.org/start/municipalnym-obrazovaniem> (accessed 22.07.2015).

About the author

Dr Andrei Levchenkov, Associate Professor, Department of Urban Development, Land Management and Design, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: levchenkov5@gmail.com

To cite this article:

Levchenkov A. V. 2016, Changes in the cultural landscape of the Kaliningrad region's periphery in the 19th/20th centuries. *Baltijskij region*, Vol. 8, no. 1, p. 132—159. doi: 10.5922/2074-9848-2016-1-8

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в каком-либо издании без согласия редакции.

4. Все присланные в редакцию работы проходят *внутреннее* и *внешнее рецензирование*, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. При подаче статьи на рассмотрение автор вместе с материалами рукописи должен представить внешнюю рецензию на работу (с обязательным указанием контактных данных рецензента: Ф. И. О., место работы, должность, e-mail, контактный телефон). При подаче статьи в электронном виде рецензию можно представить в формате PDF.

7. Статья направляется в редакцию журнала выпускающему редактору Татьяне Юрьевне Кузнецовой по e-mail: tikuznetsova@kantiana.ru или tikuznetsova@gmail.com

8. С января 2013 г. статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале «Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта» http://journals.kantiana.ru/submit_an_article/ и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

9. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

2) название статьи на русском и английском языках (*до 12 слов*);

3) аннотацию на русском и английском языках (*приблизительно 1500 знаков*), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую:

- вступительное слово о теме исследования;
- цель научного исследования;
- описание научной и практической значимости работы;
- описание методологии исследования;
- основные результаты, выводы исследовательской работы;
- ценность проведенного исследования (какой вклад данная работа внесла в соответствующую область знаний);
- практическое значение итогов работы.

В аннотации не должен повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также ее название. В ней не должно быть цифр, таблиц, внутритекстовых сносок и т. д.;

4) ключевые слова на русском и английском языках (*4—8 слов*);

5) список литературы (*не более 25 источников*);

6) пристатейные библиографические списки оформляются на русском языке (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008) и *на латинице* (Harvard System of Referencing Guide);

7) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), почтовый адрес, e-mail);

8) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте «Единая редакция научных журналов БФУ им. И. Канта» <http://journals.kantiana.ru/authors/imk/> (информационно-методический комплекс «Как написать научную статью»).

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН
2016
Том 8
№ 1

Редактор *Н. Н. Мартынюк*
Корректор *Н. Н. Генина*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 25.02.2016 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 14,2
Тираж 1000 экз. (1-й завод 60 экз.). Заказ 36

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6

